

Марал К.Хабдулина

**Степное Приишимье
в эпоху раннего железа**

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ ИМ. А.Х. МАРТУЛАНА

ОТДЕЛ ПЕРВОСЫЛТНОЙ АРХЕОЛОГИИ

МАРАЛ К. ХАБДУЛИНА

**СТЕПНОЕ ПРИИШИМЬЕ В ЭПОХУ
РАННЕГО ЖЕЛЕЗА**

АЛМАТЫ

Гылым

Ракурс

1994

Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. - Алматы: Ракурс, 1994. - 170 с.

В монографии впервые в научный оборот вводится обширный обобщенный материал по раннему железному веку Казахстанского Приишимья, разработана классификация, хронология и культурная атрибуция памятников эпохи раннего железа, определено их место в системе культур саяно-сибирского мира, широко использованы палеогеографические источники, данные естественных и технических наук, приводятся выводы по исторической реконструкции хозяйства, общественных отношений, этногеографии. Заключительная часть монографии посвящена междисциплинарному культурно-историческим событиям раннего железного века степного Приишимья в системе Великой степи кочевников. Книга адресована археологам, этнографам и всем, кто интересуется вопросами древней истории Казахстана.

Специальный редактор

З.С.Самашев

ISBN 5-628-01662-4

© М. Хабдулина, 1994

© РАКУРС, компьютерный набор,
оформление и подготовка текста, 1994

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа посвящена обобщению археологических источников по древней истории Казахстана I тыс. до н.э. - начала I тыс. н.э. В понятие Северный Казахстан вкладывается не его современное административное состояние, включающее пять северных областей республики (Костанайскую, Северо-Казахстанскую, Акмолинскую, Кокшетаускую, часть Павлодарской), а историко-географическое содержание - Северный Казахстан как участок срединной Евразии, находящийся на стыке двух природно-географических регионов: юга Западно-Сибирской равнины и северных степных просторов Казахского мелкосопочника (Сары-Арка). Меридианально эта территория протянулась на 700 км вдоль верхнего и среднего Ишима. По широте пределы ее ограничиваются междуречьем Тобола-Иртыша (700 км.) (табл.1)

В изучении раннего железного века евразийских степей достигнуты значительные успехи. Размах полевых исследований, накопление и осмысление материала привели к реконструкции основных этапов исторического развития скифо-сарматской эпохи не только регионов, граничащих с переднеазиатскими цивилизациями, но и глубинных внутриматериковых областей евразийского континента. Появились условия для уточнения проблемы происхождения культур скифо-сакского типа, механизма становления кочевого скотоводства. Новым содержанием наполняется периодизация раннего железного века, исследуются вопросы становления государственности, социальной стратификации и мифологии древних nomadов.

Тем не менее сохраняются отдельные районы степной Евразии, археологический материал которых еще недостаточно полно введен в научный оборот. Этот разрыв между региональной источниковой базой и его обобщением затрудняет создание единой культурно-исторической картины. Одним из таких регионов является Северный Казахстан. Накопление информации по раннему железному веку продвигалось здесь крайне медленно как вследствие трудоемкости работ на памятниках эпохи железа, так и из-за их плохой сохранности. В исследуемом районе в древности и в новое время широко практиковалось ограбление погребальных камер. Массовые разрушения памятников раннего железного века произведены в годы освоения целинных земель.

До середины 50-х годов XX века территория Северного Казахстана оставалась «белым пятном» на археологической карте края и в представлении исследователей сопредельных областей считалась необитаемым пространством или просто местом стыка скифской и минусинской культур (Граков, 1930, с.13). Первые отрывочные сведения о раскопках курганов раннего железного века приводятся в небольшой публикации М.Н.Лентовского 1929 года (Лентовский, 1929). В 1930 г. Б.Н.Ждановым было вскрыто два кургана с «усами» на озере Б.Чебачье. В одном из них обнаружено погребение в грунтовой яме, среди находок обнаружены золотые серьги, бронзовое зеркало, аргиллитовая застежка (Грязнов, 1956а).

В 1952-53 гг. А.И.Семенов раскопал курган раннего железного века у оз. Половинное. В могильной яме обнаружены два костяка, ориентированные головой на запад, костяные наконечники

стрел, обкладка лука, фрагменты железного меча. Погребальный инвентарь хранится в Северо-Казахстанском историко-краеведческом музее.

Первую попытку собрать воедино разрозненные коллекции и проанализировать древности раннего железного века Северного Казахстана предпринял М.П.Грязнов в середине 50-х годов. Исследователь подчеркнул своеобразие материалов Северного Казахстана и высказал уверенность, что в эпоху ранних кочевников эта территория была заселена племенами скифского типа (Грязнов, 1956 г.)

Значительный объем работ по сбору архивных материалов о древностях Приишимья и массовые разведочные обследования связаны с деятельностью Северо-Кавказской археологической экспедиции под руководством К.А.Акишева (1954-56 гг.). Целями экспедиции были регистрация памятников старины и "проведение датировочных раскопок". В результате на археологическую карту Северного Казахстана были нанесены сотни погребальных памятников и вскрыто 46 курганов раннего железного века. К сожалению основная часть раскопанных курганов оказалась разграбленной (Акишев, 1959).

Планомерное исследование северной окраины республики начато с 1967 года, когда на базе Петровравловского педагогического института и областного историко-краеведческого музея Г.Б.Здановичем была создана Северо-Казахстанская археологическая экспедиция. С 1974 года в составе экспедиции функционирует отряд по изучению памятников раннего железного века. За это время разведочными маршрутами обследованы берега всех рек и озерных котловин Северного Казахстана, зафиксировано более 300 курганных групп и одиночных курганов. Общее количество насыпей, относящихся к раннему железному веку, равняется примерно 1300 единицам. Разведками обнаружено пять поселений. Четыре из них расположены в лесостепной полосе на р. Ишим и одно в степной зоне, на реке Чаглинка (Шагалалы).

Предлагаемая работа является итогом двадцатипятилетней деятельности Северо-Казахстанской археологической экспедиции (1967-92 гг) в области изучения памятников раннего железного века. Базой исследования послужили материалы более чем 250 курганов, вскрытых к настоящему времени на территории Северного Казахстана. Анализ погребального обряда, сотен предметов быта, вооружения, конской сбруи легли в основу создания первой периодизации скифо-сарматской эпохи исследуемого района.

Значительный объем информации был получен в результате раскопок поселенческих объектов. Полностью вскрыта территория городища Ак-Тау, предоставившего уникальные материалы по оборонному зачетству, домостроительству и планировочной структуре крепостей саргатской культуры. Исследованы сохранившиеся остатки поселений Борки I, Борки II и Карлуга I, характеризующие южную окраину оседлых культур раннего железного века Западно-Сибирской лесостепи: бытовскую и саргатскую. Важными для разработки проблемы перехода от бронзового к железному веку оказались материалы поселения Кевоткель X, расположенного в степной зоне Северного Казахстана. Раскопочно-датировочный раскоп площадью 600 кв. метров выявил культурный слой VIII-VII вв до н.э. Возможно удешевление нижней даты до IX века до н.э.

В целом на поселениях вскрыто более 3 тысяч кв. метров культурного слоя. Общий фонд коллекций составил 14 тысяч единиц хранения. Статистической обработке подвергнуто более 400 сосудов.

Отсутствие обобщающих трудов по скифо-сарматской эпохе Северного Казахстана поставило перед автором многоплановые задачи:

- учет и классификация памятников раннего железного века;
- классификация и систематизация элементов материальной культуры;
- определение хронологии и культурной принадлежности археологических памятников;

- выявление закономерностей палеогеографического и историко-культурного развития региона в раннем железном веке;

- определение места древностей Северного Казахстана в системе археологических культур эпохи раннего железного века сопредельных районов Евразии.

С историко-географической точки зрения Северный Казахстан представляет собой контактную зону степи и лесостепи¹. Ландшафтная неоднородность определяла своеобразие Северного Казахстана во все археологические эпохи. В раннем железном веке это выразилось в соседстве двух хозяйственно-культурных типов: оседлого лесостепного и кочевого степного, и соответствующих им культурных образований - саргатской и тасмолинской.

В работе предпринята попытка рассмотреть природные и исторические закономерности функционирования контактной зоны, установить характер взаимодействия оседлого и кочевого населения в конкретных ландшафтных условиях, выявить факторы, влияющие на формирование границ между двумя археологическими культурами.

Решение этих задач потребовало применения комплексного естественно-исторического метода. На основании природного районирования и картографирования памятников с учетом их культурной неоднородности, территория Северного Казахстана разделена на три микрорайона (табл.2).

Петропавловский микрорайон включает полосу западносибирской лесостепи от северной административной границы республики до села Карлута (30 км южнее города Петропавловска); Территория расположена примерно между 56°30' - 55°30' северной широты.

Сергеевский микрорайон - это южная кромка Западно-Сибирской низменности, зона, вызывающая разночтения у специалистов при определении ее ландшафтной принадлежности (степь или лесостепь?). Широко она тянется от села Карлута до впадения реки Иман-Бурлук в Ишим, примерно между 55°30' - 54°30' северной широты. Ишимо-Чаглинский микрорайон географически охватывает степную зону Казахского мелкосопочника от северных склонов Кочетавской возвышенности до верховьев Ишима. Это самый значительный по территории район, расположенный между 54°30' - 51° северной широты.

Районирование облегчает анализ основных тенденций историко-культурных процессов раннего железного века и способствует выявлению закономерностей развития исследуемого региона, как особого межпограничья различных археологических культур. Обоснованность и аргументированность выводов по раннему железному веку подтверждаются результатами комплексного археологического исследования Северного Казахстана. Многолетние исследования Северо-Казахстанской археологической экспедиции предоставили обширную и разнообразную информацию буквально по всем археологическим эпохам. Мы располагаем уникальной возможностью проследить эволюцию многих процессов и явлений первобытности от эпохи неолита до раннего средневековья. Такой хронологический диапазон оперирования в рамках единого историко-географического региона расширяет культурно-историческую и теоретическую базу исследования (Зайберт, 1993; Зданович Г.Б., 1988).

В предлагаемой работе выявлено своеобразие культуры эпохи раннего железа, обоснована

1) Монография посвящена интерпретации преимущественно памятников степной части Северного Казахстана, чем и объясняется ее название. Памятники североказахстанской лесостепи особой новизны не представляют, так как характеризуют южную периферию культур раннего железного века лесостепной полосы Зауралья и Западной Сибири, теоретический уровень обобщения которых достаточно высок (Корякова, 1988,1991; Полосьмак,1987; Матвеева,1993; Борзунов.1992)

принадлежность ее к локальному варианту тасмолинской культуры. Показаны механизм становления бычьего скотоводства и формирование одного из компонентов лесостепной саргатской культуры под влиянием процессов, протекавших в степной зоне Северного Казахстана.

Линейчатая неоднородность Северного Казахстана определила его археологическую многокомпонентность. Это выразилось как в сочетании археологических памятников различных археологических культур, так и в диахронной разнородности видов источников по выделенным микрорайонам. Например, преобладающим видом источников сакского периода Петропавловского микрорайона является поселенческий материал. Наиболее ранние курганные комплексы этой зоны относятся к V - IV векам до н.э. Основным типом древних памятников остальной части Северного Казахстана, наоборот, являются погребальные конструкции. Известные сегодня поселения - единичны, маломощны по культурному слою и кратковременны. Время их функционирования ограничивается переходными и раннесакским периодами (IX-VII вв до н.э.).

Наиболее ярко разнородность просупает при определении культурной принадлежности памятников. Археологические объекты Петропавловского микрорайона характеризуют южную периферию оседлых культур лесостепного Зауралья и Западной Сибири. Остальная часть Северного Казахстана в рамках Сергеевского и Ишимо-Чаглинского микрорайонов примыкает к кругу степных культур сакского типа (табл.2). Но эта ситуация характерна только для скифо-сакского периода. В гунно-сарматское время положение меняется, наблюдается культурная нивелировка, унификация памятников на всей территории Северного Казахстана.

Разнородность памятников вызвала значительную сложность при создании периодизации раннего железного века. Сочетание разнокультурных объектов, различие в темпах исторического развития лесостепной и степной полосы, разные критерии обоснования хронологических рамок привели к оформлению довольно дробной хронологической схемы, не совпадающей в своих внутренних градациях с периодизациями сакской или сарматской культур. Периодизация основана на результатах анализа погребального обряда и вещевого инвентаря.

В целом выделяются два крупных периода: сакский VIII - II века до н.э. и гунно-сарматский II в до н.э. - IV в.н.э. Второй век до нашей эры отнесен к концу сакского периода по комплексам, традиционно датирующимся IV-II вв. до н.э. И, одновременно, это век, когда начинают ярко проступать новшества, приведшие к изменениям погребального обряда и многих элементов материальной культуры. Во II-I веках до н.э. появляются новые формы предметов вооружения и керамики, распространяется лук гуннского типа. По нашим материалам начало гунно-сарматского времени на территории Северного Казахстана относится ко второму веку до нашей эры.

Памятники сакского периода подразделяются на два этапа: VIII-V века до н.э. и IV-II века до н.э. Хронологические позиции этапов объясняются сосуществованием различных культурных комплексов, разнонаправленностью внешних связей, активизацией миграционных включений с запада в V-IV веках до нашей эры, постепенно приводящих к трансформации этнокультурного образования. Хотя в рамках сакского периода сохраняется культурная преемственность.

В границах этапа VIII-V веков до нашей эры выделяется достаточно яркая группа памятников раннесакского времени, позволяющая смоделировать основное содержание историко-культурных процессов VIII-VII веков до нашей эры.

Гунно-сарматский период также разделяется на два этапа: II век до нашей эры - I век нашей эры выделен как этап, памятники которого демонстрируют отличие ведущих признаков погребального обряда от ритуала

предшествующих веков эпохи раннего железа и II-IV века нашей эры представлены малочисленной группой памятников, обряд и инвентарь которых имеет аналогии в поднесарматской культуре.

Абсолютные датировки отдельных археологических комплексов, как и различных категорий инвентаря, не всегда соотносятся с рамками периодизации.

Рассмотрение проблем становления культуры раннего железного века Северного Казахстана потребовало анализа событий конца эпохи бронзы и выделения памятников переходного периода. Хронологические рамки и содержание понятия «переходный период» - дискуссионны (Зданович Г.Б., Шрейбер, 1988; Качалова, 1989; Мурзин, 1990, с.16). В настоящее время известен верхний рубеж - VIII век до нашей эры как начало раннесакского этапа (Ахишев К.А., Ахишев А.К., 1978). Характер происходящих событий и явлений предполагает длительность их во времени не менее 1-2 столетий (Ахишев К.А., 1972; Зданович, Шрейбер, 1988, с.13). С учетом этих предположений переходный период может датироваться в пределах IX-VIII веков до нашей эры. Заполняется и содержательная сторона этого периода, как особого историко-культурного пласта (Качалова, 1989). По казахстанским материалам его предварительно можно назвать донгальско-кеноткельским, по двум памятникам (поселения Донгал и Кеноткель X), отражающим культурное своеобразие памятников переходного типа (Ломан, 1987).

В исследовании использованы результаты полевых работ археологической экспедиции Института археологии имени А.Х.Маргулана Национальной Академии наук Республики Казахстан, созданной в 50-е годы для составления Археологической карты Казахстана. Привлечены фонды областных музеев Кокшетау, Костаная, Акмола. Аналитическая часть работы основана на результатах почвоведческих исследований, выполненных доктором географических наук И.В.Ивановым (институт почвоведения и фотосинтеза РАН). Обработка палеозоологического материала осуществлена Н.Г.Смирновым и П.А.Косинцевым (институт экологии животных и растений УрО РАН). В работе использованы материалы по палеоботанике и геоморфологии, выполненные кандидатом биологических наук Е.А.Спирidonовой (институт археологии РАН). Спектральный анализ сделан в лаборатории естественных метсдов ИА РАН кандидатом исторических наук Т.Б.Барцовой и в лаборатории первобытных производств института археологии НАН РК кандидатом технических наук Э.Ф.Кузнецовой. Антропологические определения выполнены кандидатом исторических наук Г.В.Рыкушиной (институт этнологии РАН).

Глава I

Палеогеографическая характеристика Северного Казахстана и соотношение ее с культурно-исторической ситуацией второй половины голоцена

По характеру растительного покрова современный Северный Казахстан разделяется на две части: южную степную и северную лесостепную. Лесостепная зона, или Приишимская провинция, охватывает Северо-Казахстанскую область и северную часть Кокшетауской области. В Приишимской провинции выделяется два района - Петропавловский и Сергеевский. Акмолинская, а также значительные части Кокшетауской и Костанайской областей с позиций современного физико-географического районирования относятся к степной ландшафтной зоне умеренного пояса. Эта территория объединена специалистами-географами в Северо-Казахстанско-мелкосопочную провинцию, которая подразделяется на два района - Обаган-Ишимский и Чаглинский (Атлас Казахской ССР, 1982, с. 80-81).

Своеобразие Северного Казахстана заключается в его географическом положении на месте стыка двух природных зон - лесостепи и степи - и вытекающего из этого соседства различных хозяйственно-культурных типов в древности. Интерес представляет соотношение ландшафтной и культурно-исторической ситуаций раннего железного века. (Хабдулина, Зданович Г.Б., 1984, с.136-158)

Разностороннее освещение проблемы связи кочевого и оседлого населения требует использования естественно-исторического метода. Необходима реконструкция физико-географического фона, на котором протекали события раннего железного века. Характеристика природных условий конкретной археологической эпохи связана с палеореконструкцией длительного хронологического периода, так как основана на сравнительном анализе эволюции климата и ландшафта определенного географического региона. Поэтому с привлечением всего многообразия материалов, накопленных к настоящему времени естественными науками, с учетом данных археологии, предпринята попытка наметить общую картину развития ландшафтов второй половины голоцена лесостепной и степной полосы Западной Сибири и Северного Казахстана.

Фактологическую базу предоставляют такие отрасли естественных наук, как палинология, палеоклиматология, почвоведение, остеология. К археологическим свидетельствам относятся районирование культур, топография памятников.

1.1. Палеоклиматология и динамика ландшафтно-климатических перестроек лесостепной и степной полосы Северного Казахстана и Западной Сибири. Динамику ландшафтных перестроек определяют климат и растительность. Это взаимосвязанные и наиболее подвижные компоненты природной среды. Общая схема развития климата голоцена создана Блиттом-Сернандером на основе палеоботанических анализов торфяников Скандинавии. Эпоха железа по ней совпадает с субатлантическим периодом, со временем влажного умеренного климата. Дальнейшие вехи развития палеоклиматологии отмечены схемами М.И. Нейштадта, Н.А. Хотинского (Нейштадт, 1957; Хотинский, 1977). В настоящее время для уточнения общей концепции эволюции и выявления основных закономерностей климатических пульсаций все большее значение приобретают изыскания регионального характера (Гриббин Дж., Лэм Г.Г., 1980, с. 102-107; Раунер, 1981, с. 5-26; Мамедов, 1980, с. 170-175). Для исследуемого района (юг Западной Сибири и Северный Казахстан) наиболее близкой и отражающей последние достижения палеоботаники является эволюционная шкала Н.А. Хотинского. По ней постепенное накопление тепла последнеиковья достигает оптимума в позднеатлантическую фазу, после чего происходит резкая смена температурных режимов и увлажненности (Хотинский, 1977, с. 153). Начало и конец суббореального периода характеризуется холодным влажным климатом со спадом температур около 2200 лет назад и во время "малой ледниковой эпохи" (XVI-XIX вв.) (Хотинский, 1982, с.142-147).

Итак, климат голоцена в рамках своей генеральной линии развивается пульсирующе и изменения его часто скачкообразны. Более или менее длительные этапы сухого и теплого времени резко сменяются понижением температур и увеличением осадков.

Все известные палеоконцепции, опирающиеся на главные или частные направления естествознания, находят подтверждение и объяснение в теории общей увлажненности материков О.Петерсона-А.В.Шнитникова, обосновывающей закономерность и динамику коротко-периодических колебаний климата (Шнитников, 1957).

Изменчивость общей увлажненности подтверждена ритмическими колебаниями различной продолжительности. Наиболее ясно выраженным является цикл менее 2000 лет, примерно 1800-1900 лет. Исходя из этой закономерности, за последние 6-6,5 тыс. лет по А.В.Шнитникову наблюдалось четыре этапа повышенной увлажненности:

- на грани V-IV тыс. до н.э. (середина атлантического периода);
- конец III-начало II тыс. до н.э. (начало суббореала);
- середина и конец I тыс. до н.э. (рубеж суббореального и субатлантического периодов);
- середина и вторая половина текущего тысячелетия (субатлантический период) (Шнитников, 1957, с. 259-273).

Каждый многовековой ритм состоит из двух фаз: 1) прохладно-влажной, относительно непродолжительной (3-5 столетия), энергично развивающейся. Ей присущ характер катаклизма; 2) продолжительной, сухой и теплой, развивающейся медленно на протяжении около тысячи лет. Между ними существует переходная фаза в 2-3 столетия (табл. 3).

Заслугой А.В.Шнитникова являются намеченные им хронологические рамки периодов увлажнения и усыхания, согласно которым за последние 6000 лет произошло три полных климатических цикла и мы живем в эпоху постепенного уменьшения атмосферного увлажнения в ходе последнего многовекового ритма. Проводимые исследования последних лет регионального и частноотраслевого характеров касаются вопросов изохронности и продолжительности отдельных этапов. На общем фоне дискутируемых проблем бесспорным и общепризнанным являются

существование и хронологические рубежи двух последних резких скачков климата - увлажнения, похолодания XIV-XIX вв. (т.н. "малая ледниковая эпоха") и в конце II-начале I тыс. до н.э. длительностью около пяти веков. В данном случае для нас важен факт, что начало эпохи железа связано с переменной экологических условий.

Если короткопериодические колебания климата голоцена не вызывают сомнений, то остается спорным вопрос о степени воздействия их на ландшафтную оболочку, о характере взаимосвязи: климат - ландшафт. Речь будет идти о конкретном регионе - лесостепной полосе Западной Сибири и примыкающей к ней с юга кромке степей, т.к. проявления климата в рамках отдельных геосистем не всегда однозначны (Хотинский, 1980, с. 6; Орлова, 1990, с. 68)

Как свидетельствуют данные пылевого анализа - основного метода реконструкции типа растительности - наибольшая чуткость на изменение атмосферных условий присуща полосе леса. Реакция ее выражается как в обновлении составляющих ее древесных пород, так и в значительных перемещениях зональных границ. Одновременно с фактом мобильности лесной зоны существует мнение о палеогеографической инертности, устойчивости (по крайней мере в последние 5-6 тыс. лет) ландшафтов степных и лесостепных районов (Хотинский, 1977, с. 163). Естественно, такие факторы, как глубокое внутриматериковое положение и удаленность от океанических атмосферных циркуляций приводят к ослабленному проявлению климатических ритмов. Но при всей неизменности основного типа ландшафта с эпохи плейстоцена (Николаев, 1976, с. 45-50) нельзя отрицать трансформаций его облика в процессе климатической эволюции.

В настоящее время возрастающий объем информации позволяет обратиться к освещению проблемы ландшафтно-климатических взаимоотношений лесостепной и степной полосы, где наблюдается своя специфика реакции на циклы атмосферного режима. Возможно, она проявлялась несколько заторможено и с меньшей амплитудой колебаний, но тем не менее приводила как к значительным перестройкам структуры ландшафтов, так и к изменениям зональных границ. Доказательства зональной мобильности складываются из анализа наиболее динамичных компонентов природной среды: растительности, почв, животного мира и подкрепляются археологическими сведениями.

Прежде всего следует остановиться на выяснении современной пограничной линии: лесостепь - степь, так как она является определенным временным срезом геоконтекста. Исследуемый регион охватывает периферии двух физико-географических материков: Западно-Сибирской низменности и Казахского мелкосопочника. По природному районированию эта территория состоит из трех широтных зон: южной кромки лесостепи, степной полосы Западной Сибири и примыкающей к ним степной зоны Сары-Арки (Гвоздецкий, Михайлов, 1978, с. 48, 189). Однако, несмотря на ландшафтную общность двух последних экосистем, они различаются между собой по структуре, облику и принадлежности к разным типам (Мордкович, 1982, с. 18; Степи Евразии, 1991, с. 20). Степная зона Западно-Сибирской равнины при всей близости по природно-географическим показателям к степному ландшафту все же значительно тяготеет к лесостепи. Это и является причиной существующих между специалистами разночтений на южную границу лесостепной зоны. В зависимости от того, что берется за решающий фактор (геологический, климатический, почвенно-ботанический), ее наносят либо по линии: устье р. Обagan - г. Петропавловск - г. Омск - г. Барнаул (Гвоздецкий, Михайлов, 1978; Архангельский, 1976; Николаев, 1979, с. 8), либо южнее: г. Костанай - устье р. Иман-Бурулук - г. Кокшетау - оз. Селетытениз - г. Барнаул (Шанцер и др., 1967; Казахстан, 1969, с. 293-361; Атлас целинного края, 1964, с. 18-19; Букреева и др., 1986, с. 13).

Таким образом, образуется полоса спорной ландшафтной принадлежности шириной 100-150

км, по природному районированию охватывающая значительную часть Сергеевского района Пришимской провинции (Табл. 2). По различным агроклиматическим, почвенно-климатическим показателям и степени увлажненности Сергеевский физико-географический район представляет собой промежуточный комплекс между лесостепными и степными ландшафтами (Атлас Казахской ССР, 1982, с. 47-49, 67). Эта размытость, нечеткость природных границ может быть объяснена как следствие неоднократной трансформации физико-географических материков из одного состояния в другое и, следовательно, палеогеографической мобильности лесостепных и степных ландшафтов, способных не только мозаично влетаться, но и полностью взаимозаменяться под воздействием климатических ритмов. Динамику и пространственный размах колебаний зональных границ раскрывают следующие данные.

Палинология. В сосновых борах Кокшетауской возвышенности сохранились низинные торфяные болотца. Стратиграфия наиболее глубоких из них исследована А.М.Жарковой. На пыльцевой диаграмме - три горизонта (Жардова, 1967, с. 58-62). Начало торфообразования связано с более влажным, по сравнению с современным, климатом, при котором в составе лесов много сосны, березы, ивы, и почти в равных соотношениях с примесью ольхи, пихты, вяза.

Геологический возраст топотенных низинных болот определяется специалистами как среднеголоценовый (Лисс, Березина, 1982, с.226-227; Нейштадт, 1957, 1977). Корреляция кокшетауских боровских разрезов с торфяниками Зауральской лесостепи свидетельствует об идентичности горизонтов и синхронности климатических колебаний, отраженных в ландшафтной эволюции. Процесс заболачивания начинается во влажном теплом климате, по свидетельству пыльцевых спектров, в условиях лесостепи. Этот горизонт скорее всего синхронизуется с атлантическим периодом. Затем происходит резкая смена атмосферного режима, приводящая к установлению сухого прохладного климата, исчезновению почти всех древесных пород (кроме березы) и господству открытых ландшафтов ксерофитного типа. По палеоклиматической шкале - это ксеротермическая фаза второй половины голоцена может быть совмещена только с суббореалом. Субатлантический период характеризуется постепенным нарастанием влажности при относительно низких температурах и появлением современных сосновых боров.

Косвенную информацию о палеоландшафтах лесостепной зоны предоставляют голоценовые отложения Западной Сибири (в климатическую зону которой входит и Северный Казахстан)(Казахстан, 1969, с. 307). На основании опорных разрезов, датированных радиоуглеродом, ботаниками воссозданы динамика, состав и размещение растительных формаций во времени (Волкова, Белова, 1980, с. 112-117). Из обширного материала выбраны сведения, касающиеся только юга Западной Сибири (Волкова, Левина, 1982, с. 186-192; Орлова, 1990, с. 112-113). На их основе вырисовывается сквозная линия эволюции глубинных лесостепных и степных экосистем. Темпы трансформации их находятся в зависимости от динамики общей увлажненности голоцена (табл. 3; Николаев, 1977).

Следы ландшафтных перемещений сохранились в виде бореальных и ксеротермических реликтов в структуре современных азиатских степей. Наследие былых плювиалов являются как сами островные сосновые леса (образования позднего плейстоцена), так и таежные элементы флоры: багульник, клюква, грушанка, папоротник, некоторые виды широколиственных трав, свойственные широколиственным и хвойно-широколиственным лесам (Маланьин, Сметана, 1989). Такковы медуница, купырь, борщевик, герань лесная, фиалка (средний голоцен). Ареалогическое изучение лесных и луговых элементов бореальной флоры показывает, что они достаточно глубоко внедряются в степную зону юга Западной Сибири и Северного Казахстана (Быков, 1979). По данным М.А.Василюкиной

южная граница Борсальной флористической провинции проходит между Уралом и Алтаем по 51-53° с.ш. от оз. Кусмурун, южнее Кокшетауской возвышенности к озеру Селетытениз и далее вверх по Иртышу до г. Семипалатинска (Василохина, 1969). Вместе с растительностью пловинальным реликтом являются и почвы лесов степной зоны (дерново-подзолистый подтип). По мнению исследователей, они остались со времени средне-голоценового пловинала (Николаев, 1976, с. 45-53).

Наряду с борсальными реликтами в современной ландшафтной структуре соседствуют остаточные явления пустынного и пустынно-степного типов, сложившиеся в ксеротермической фазе позднего плейстоцена и голоцена. К ним относятся степные ландшафты песчаных эоловых равнин Торгайской степи, Куланды и типично пустынные растения: биюргун, полынь белоземельная, терескен, прутняк, эфедра (Крашенинков, 1927). Северная граница их ареалов проходит примерно по 54-55° с.ш., т.е. достигает южных рубежей лесостепи (Мусаев, 1979).

Одним из динамических компонентов экосистемы являются **ПОЧВЫ**. Как самостоятельные тела они содержат специфическую и независимую от других показателей информацию о природных условиях прошлого. Особенность почвенных данных - их локальность, привязанность к месту и усредненность во времени (время почвообразования) позволяет методом хронорядов создать местную шкалу эволюции природно-климатических условий и установить динамику почвенных зон во времени (Иванов, Демкин, Губин, 1978; Демкин, Иванов, 1985; Демкин, Лукашов, 1993; с. 43-53).

В настоящее время археолого-почвенными исследованиями памятников Северного Казахстана получен материал, уточняющий наши представления о ландшафтах голоцена. Палеопочвы изучались в подзоне современных обыкновенных черноземов Ишимской равнины (8 объектов) и в подзоне темно-каштановых почв на Тенгизской равнине Казахского мелкосопочника (2 объекта). Сравнение строения и свойств современной и погребенной почв показывают существенные различия между ними (Иванов, Демкин, Губин, 1978, с. 17-28; Иванов, Афонин, Зданович, 1980, с. 175-191).

Почвы суббореала изучались на памятниках эпохи бронзы в зоне обыкновенных черноземов (Берлик, Графские развалины, Петровка II) и в зоне каштановых почв (Шуркунколь). В обоих случаях палеопочвы отличаются от современных меньшей мощностью гумусового горизонта, более высоким вскипанием от НС1, более четкой сегрегацией карбонатов (в прошлом интенсивная "белоглазка", сейчас - пятна). Современные черноземы и каштановые почвы содержат в верхнем горизонте несколько меньше глины и ила, чем погребенные. Таким образом, можно утверждать принадлежность почв суббореальной эпохи к более южным типам и подтипам, т.е. природные зоны в эпоху бронзы были смещены здесь на одну-две подзоны. Климат отличался значительной сухостью.

Важные материалы для создания климатостратиграфических и палеогеографических схем Северного Казахстана, получены в результате совместных работ на курганах раннего железного века Обалы и Кара-Оба (Зданович Г.Б., Иванов, Хабдулина, 1984). Дваактные насыпи значительных размеров надежно зафиксировали почвы, погребенные 2200 и 2800 лет назад.

Полученные анализы свидетельствуют о том, что в эпоху сооружения ранних курганов климат отличался сухостью, а почвы были близки к подтипу темно-каштановых солонцеватых. Количество атмосферных осадков было на 50-77 мм меньше по сравнению с современным среднегодовым количеством (325 мм). Характер языковатости и полигональности почв в древности свидетельствует о значительно большем промерзании почв. Трещины шире и мельче. На основании приведенных фактов климат в Петропавловском Приишимье на рубеже II-I тыс. до н.э. может быть реконструирован как сухой и более континентальный. Границы природных зон были смещены к северу примерно на 250 км, т.е. на одну зону.

Почвы, погребенные 2200-2300 лет назад, отличались меньшей контрастностью и по своим

признакам являются переходными от древних, охарактеризованных выше, к современным. Несомненно, что в период между IX и III вв. до н.э. произошла крупная перестройка природных условий. Она отразилась на увеличении количества атмосферных осадков и ослаблении континентальности климата. Необходимо отметить, что материалы курганов Кара-Оба и Обалы свидетельствуют о том, что на протяжении длительного времени до IX в. до н.э. засушливость и континентальность климата были еще большими, а их выраженность в почвенном профиле более резкой (Иванов, 1983).

Почвы являются усредненным индикатором природно-климатических условий определенных геологических эпох. Палеопочвенные изыскания, проводимые в Северном Казахстане и сопредельных территориях уточняют и расширяют наши представления о климатических ритмах голоцена, предлагают ценную информацию об эволюции ландшафтов (Демкин, Иванов, 1985; Демкин, Лукашов, 1993, с. 43-53). Повышенная атмосферная увлажненность атлантического периода (энеолит) сменяется резкой засушливостью климата в суббореале (эпоха бронзы). В конце ее на грани перехода в субатлантическое время наблюдается новый всплеск увлажненности, сменившийся постепенно стабильностью водного и температурного режимов. Все эти колебания климата второй половины голоцена отразились в свойствах палеопочв в виде изменения характера почвенного покрова в рангах подтипа и даже типа. В засушливую суббореальную эпоху в черноземной полосе юга Западной Сибири и Северного Казахстана наблюдалось резкое смещение природных зон к северу. На месте современных черноземов располагались сухие степи с каштановыми почвами. Аналогичное перемещение ландшафтных границ на север зафиксировано работами почвоведов в Башкирском Предуралье (Морозов, Мукатанов, 1983) и в Приуйских степях Челябинской области (Большов, 1947). Южнее в зоне современных каштановых почв (Акмолинская область), ксеротермические условия не были выражены столь резко. Здесь трансформация почв ограничивается рамками подтипов, т.е. границы экосистем могли быть сдвинуты на 1-2 подзоны.

Постепенное отступление сухих степей на юг и замена их черноземами происходило в начале раннего железного века между IX и III вв. до н.э. (табл. 3).

Следующим показателем экологических условий является животный мир. В палеоландшафтной реконструкции необходимо учитывать сведения о **биологическом фоне** экосистем. Имеющийся в нашем распоряжении костный материал происходит со стоянок и поселений каменного века (Зайберт, 1993, с. 197-201; Зайберт, Потемкина, 1981, с. 110; Матюшин, 1981, с. 3-22), поселений эпохи бронзы Северного Казахстана и сопредельных территорий (Ахинжанов, Макарова, Нурумов, 1992; Смирнов Н.Г., 1975, с. 32-41). Для характеристики видового состава фауны эпохи железа мы располагаем небольшой по объему остеологической коллекцией городища Ак-Тау, что заставляет привлекать опубликованные материалы более северных лесостепных памятников Тоболо-Иртышского междуречья (Стоянов, 1977, с. 152-159; Смирнов Н.Г., 1975; Корякова, Сергеев, 1989, с. 171).

Общий взгляд на голоценовую эволюцию биофона лесостепных и степных экосистем отмечает прежде всего его постоянно смешанный характер (табл. 3). И это реальный фактор, вытекающий из объективных особенностей природных зон, обусловленных мозаичностью ландшафтов, отсутствием стабильных резких границ, стоком рек, которые пересекая в меридиальном направлении несколько географических зон, соединяют их и создают в своих долинах обособленный микроклимат и, наконец, не последнюю роль играет экологическая пластичность многих видов животных. Все это затрудняет степень использования остеологического критерия при определении ландшафтной ситуации. Выводы могут носить только косвенный характер и служить дополнительным подспорьем результатов, полученных другими методами.

Определенную помощь оказывает выявление типичных представителей степной фауны. Из 92 видов степных млекопитающих, жизнь 72 связана с норами и 31 вид - это эндемики, т.е. виды, не встречающиеся за пределами степной полосы. Значит у них формы адаптации к внешним условиям должны быть очень выразительны. Наиболее характерными являются: крапчатый и малый суслик, степная пищуха, сурок, большой тушканчик, сайгак и дзерен (Мордкович, 1982, с. 125-133). При одновременном наличии нескольких из этих видов фауны голоценовых экосистем, вероятно, последние можно отнести к степной зоне. Подобное сочетание впервые появляется в остеологических комплексах развитой бронзы в виде присутствия костных остатков суслика, сайги и сурка (Ахтинжанов, Макарова, Нурумов, 1992, с. 178).

Дополнительным аргументом переживаемого в суббореале ксеротерма служит такой показатель как видовой состав стада. В эпоху развитой бронзы он был одинаков на всем протяжении современной лесостепной и степной полосы Зауралья, Западной Сибири и Казахстана. Позднее, на рубеже II-I тыс. до н.э. хозяйства с подобным составом стада сохранились только в явно выраженной степной зоне (Смирнов, Косинцев, Бородин, 1981, с. 174). Это позволяет реконструировать преобладание степного ландшафта для эпохи развитой бронзы на всей указанной территории. Коренная ломка природных условий начинается в конце эпохи бронзы. В хозяйстве населения лесостепной полосы резко возрастает роль охоты, кости диких животных составляют до 80% состава остеологических коллекций (Косинцев, Стефанов, 1989, с. 102). В целом от развитой бронзы к рубежу бронзового и раннего железного веков увеличивается доля лошади в стаде при сокращении поголовья крупного рогатого скота (Зданович С.Я., 1981, с. 51; Косинцев, Стефанов, 1989, с. 101). Палеозоологи связывают это с прогрессирующим похолоданием, увеличением глубины снежного покрова, активным обледенением севера лесостепи (Цалкин, 1966, с. 92; Смирнов, Косинцев, Бородин, 1981, с. 173). В таких условиях роль лошади, как единственного домашнего животного, способного добывать корм из-под снега, возрастает, несмотря на то, что разведение крупного рогатого скота было более продуктивно. В степной полосе значительное увеличение поголовья лошадей, происходит, вероятно, в раннем железном веке. Однако, это явление связано уже не только с физико-географическим фактором, но и с целым комплексом социально-экономических причин, которые привели к становлению кочевого скотоводства.

Таким образом, костные остатки животных, собранные на поселениях, дают дополнительные сведения о климатических колебаниях второй половины голоцена. Следует подчеркнуть, что при анализе динамики домашнего стада в его взаимосвязи с изменением физико-географической среды, ведущим показателем является соотношение поголовья крупного рогатого скота и лошадей. Оно отражает наиболее устойчивые и длительные во времени климатические изменения, охватывающие и степь и лесостепь. Высокий процент овцы в стаде характерен только для ярко выраженных степных и полупустынных зон.

Надежным индикатором климатических колебаний служит **топография древних поселений**. Андроновские поселения Северного Казахстана расположены на мысах первых террас, а иногда занимают возвышенные участки в поймах рек (табл. 3). На такой крупной речной артерии как Ишим, высота жилых площадок обычно не превышает 3-4 м относительно уровня высоких пойм. До недавнего времени эти участки часто подтоплялись паводковыми водами. Столь низкое расположение поселений по отношению к воде служит убедительным аргументом в пользу существования в суббореале ярко выраженного ксеротерма (Зданович Г.Б., 1973, с. 113-127; Потемкина, 1983, с. 14).

На протяжении всего бронзового века люди селились на территории Северного Казахстана

только у рек и очень редко у озер при наличии ключей. Здесь на возвышенных местах располагались и курганы эпохи бронзы. Первое появление погребальных сооружений на водоразделах относится к IX-VIII вв. до н.э. Они отстоят далеко от русел рек и приурочены, как правило, к небольшим озерным котловинам. Размещение курганов в глубине степей свидетельствует о начавшемся увлажнении степей, об освоении человеком, и о переходе части населения к подвижным формам ведения скотоводческого хозяйства.

Поселения V-II вв. до н.э. занимают высокие берега коренных террас, удобные в стратегическом и хозяйственном планах. Погребальные памятники раннего железного века расположены в равной степени как по коренным берегам рек, так и по степным просторам междуречья, занимая самые возвышенные точки на местности.

1.2. Палеогеография и культурно-историческая ситуация в Северном Казахстане во второй половине голоцена. Комплексный естественно-исторический подход дает надежную основу для палеогеографической реконструкции исследуемой территории. Корреляция данных, полученных различными методами, отражена в сводной таблице (табл. 3). В результате проведенного исследования можно говорить об уточнении региональных проявлений хронологических рамок общеклиматических колебаний голоцена. Накопленный материал по Северному Казахстану и прилегающим районам Зауралья и Западной Сибири свидетельствует о взаимопроникновении, миграции и трансформации пограничных районов экосистем под воздействием климатических колебаний.

Динамика ландшафтно-климатических перестроек, взаимодействуя с социальными факторами, приводила к значительным преобразованиям в хозяйственной жизни коллективов и способствовала неоднократным изменениям этнокультурной карты региона.

В соответствии с известной климатостратиграфической схемой А.В.Шнитникова на вторую половину голоцена приходится три значительных этапа увлажненности и похолодания. Первый этап атмосферного максимума на исследуемой территории имел место в конце атлантика (вторая половина которого является климатическим оптимумом голоцена Евразии) и надежно зафиксирован палеопочвами, топографией, стратиграфией энеолитических и раннебронзовых памятников Северного Казахстана. Хронологические рамки его действия примерно 4500-4000 лет назад (табл. 3). По мнению специалистов количество осадков превышало современные на 50-100 мм, в степях и полупустынях были обводнены озерные котловины. В сосновых борах Притоболья (Наурум) и Кокшетауской возвышенности начинается процесс болотообразования. Границы ландшафтов были смещены на юг на 1-2 подзоны (Иванов, 1983). Все это дает основание реконструировать лесостепные условия (или колючая степь) на всей территории Северного Казахстана, включая и северную кромку Казахского мелкосопочника, примерно до 53° с.ш. (Николаев, 1979). Немаловажно, что это совпадает с южной границей Бореальной флористической провинции.

Последствия увлажненности сказываются еще и в доалакульское время (XVIII-XVI вв. до н.э.), что хорошо подтверждается топографией и видовым составом фауны петровских памятников (табл. 3). Население петровской культуры безусловно проживало в благоприятных климатических условиях. Памятники этого времени занимают современную лесостепную, степную и частично полупустынные зоны от линии: Челябинск-Курган-Омск на севере, до верховьев Тобола и Нуры - на юге.

Наступивший после пловинала длительный период усыхания привел к значительной смене экологических условий. В первую очередь следует отметить данные палеопочвоведения, которые отражают смещение ландшафтных границ на север на одну зону. Палинология показывает полное исчезновение широколиственных и темнохвойных пород на юге Западной Сибири в конце атлантика и располагает сведениями об образовании пограничного горизонта в торфяниках Зауралья и

Северного Казахстана. Такие факты как топография археологических памятников и преобладание степных видов фауны в составе остеологических коллекций подтверждают палеоклиматическую концепцию о засушливости суббореала при господстве сухих и пустынных степей (Николаев, 1979; Иванов, 1983). Крайний ксеротерм по археологическим данным падает на бишкульско-федоровское время.

Количество поселений федоровской культуры, по сравнению с количеством алакульских памятников, на территории Северного и Центрального Казахстана значительно сокращается. Продолжают функционировать только те жилые площадки, которые были расположены в наиболее удобных экологических нишах. Это районы таких крупных поселений как Атасу - в Сары-Арке, Петровка и Новоникольское на Ишиме, Павловка на Чаглинке, Алексеевка на Тоболе. На стыке двух культур - алакульской и федоровской начинается активная миграция андроновцев. На востоке они занимают Минусинскую котловину, на севере вторгаются в зону современных таежных лесов, резко увеличивается количество федоровских памятников на юге у сельскохозяйственных оазисов Средней Азии, наблюдается концентрация населения вдоль Уральского хребта (северная половина Челябинской области) (Итгина, 1984, с. 48; Исаков, Потемкина, 1989, с. 165; Корочкова, Стефанов, 1983, с. 143). Массовые передвижения андроновцев (федоровцев) из глубины Урало-Казахстанских степей связаны и с физико-географическими причинами: последствиями ксеротерма и поисками экологически привычных условий. В конце II тыс. до н.э. наблюдается, вероятно, некоторая стабилизация климата. Население саргаринско-алексеевской культуры заново обживает все удобные места для ведения оседлого скотоводческого хозяйства. Петровские, алакульские и федоровско-бишкульские слои повсеместно перекрываются культурными напластованиями, содержащими валяковую посуду.

Второй этап увлажнения и похолодания на территории Северного Казахстана наступил в IX-VIII вв. до н.э. (табл. 3). Степень его проявления и длительность в масштабе общеглоценовой эволюции не столь значительны, как у предыдущего этапа. Но протекал он, судя по многим признакам, очень динамично, в виде бурных всплесков многоводья, перемежавшихся довольно стабильными атмосферными условиями.

Последствия именно этого плювиала являются наиболее важными рубежными для исследуемой темы. Природно-климатическая перестройка привела к формированию современных ландшафтных рамок лесной, лесостепной и степной зон. В производственной сфере значительность изменений отражена в появлении нового хозяйственно-культурного типа (ХКТ) - кочевого скотоводства. Трансформация этнокультурной карты региона завершилась в раннежелезном веке становлением и соседством двух АК: бантовской, саргатской - в лесостепи и улубаевско-тасмолинской - в степной полосе.

Завершая эту тему - соотношения географического и культурно-исторического, хотелось бы сделать следующее дополнительное замечание. Оно касается современного природного районирования края - различий в оценке принадлежности Сергеевского физико-географического района (степь или лесостепь?). Этот факт имеет естественные природные причины. В связи с проявлением непрерывности растительного покрова и обмена растительными видами, границы ландшафтов расплывчаты и довольно условны (Степи Евразии, 1991, с. 22).

В данном случае мы можем определить время формирования этого промежуточного геокомплекса. В итоге первого плювиала (атлантик) лесостепь установилась до 53° с.ш. - это примерно южная кромка современной переходной зоны (Сергеевский микрорайон). Второй плювиал привел к распространению лесных сообществ до широты г. Петропавловска, что оформило северные границы. В суббореале, судя по основным показателям, эта зона была степной. Таким образом, ландшафтные перемещения второй половины голоцена и создали современный зональный размах промежуточного геокомплекса. И в археологическом отношении эта полоса в рамках Сергеевского микрорайона выделяется как своеобразная контактная (буферная) зона. Содержание ее было различным в разные периоды раннего железного века.

Глава II

Погребальные сооружения и обряд захоронения

Погребальные памятники и погребальный обряд являются важнейшими, а иногда и единственными источниками по истории обществ раннего железного века Северного Казахстана. При моделировании и анализе содержания основных этапов раннего железного века Северного Казахстана решающая роль принадлежит погребальному обряду. Погребальный обряд понимается как совокупность символических и реальных действий, производимых в процессе подготовки и совершения захоронения умершего. Эти действия несут ярко выраженную религиозную и идеологическую нагрузку и предназначены не только для того, чтобы выразить те или иные коллективные переживания, но и утвердить определенные социальные и общественные представления, нормы и идеи. С археологической точки зрения, погребальный обряд находит свое материальное выражение в погребальном памятнике. Детальное изучение памятника и его реконструкция могут стать основой реконструкции погребального обряда. Восстановленная картина погребального обряда никогда не может быть полной. Достаточно близкое приближение к ней связано со степенью сохранности памятника и методикой его изучения.

Процедура исследования распадается на следующие этапы: фиксация археологических фактов, реконструкция погребального памятника, реконструкция элементов погребального обряда. Для формирования первых двух уровней исследования целесообразно расчленить погребальный памятник на его составные части: погребальное сооружение, останки погребенного, погребальный инвентарь, следы ритуальных действий.

Погребальное сооружение раннего железного века как специально организованное пространство для помещения умершего состоит из погребальной камеры и курганного наземного сооружения. К характеристикам погребальной камеры относятся такие показатели как тип, форма, размеры, ориентировка.

Курганное наземное сооружение включает следующие элементы: подкурганную надмогильную конструкцию, насыпь (структура, состав), внекурганные конструкции (рвы, оградки, "усы").

Остатки погребенного предоставляют сведения о способе захоронения, положении (позе) умершего, ориентировке. Раздел "погребальный инвентарь" отражает состав вещевого комплекса и его размещение.

Следы особых ритуальных действий не принадлежат к составным структурным элементам погребального памятника. Но характеристика их необходима для реконструкции погребального обряда. Следы ритуальных действий сохранились в виде остатков кострищ, костей животных, предметов культового назначения, не связанных с погребальным инвентарем.

Погребальные памятники раннего железного века Северного Казахстана представлены

курганными группами либо одиночными курганами. Курганные группы состоят обычно из 3-10 насыпей, которые нестройной цепочкой тянутся вдоль речных систем, повторяя меридиальное направление их стока, либо располагаются компактно на каком-то топографически определенном пространстве - на мысах, площадках, ограниченных балках (табл. 4-7). Протяженность курганных цепочек может составлять 2-3 км, иногда они пересекают могильные поля эпохи бронзы и "заселяют" их территории. Ярким примером подобной топографической ситуации является район Сергеевского водохранилища. Здесь на правом берегу р. Ишима на протяжении 16 км зафиксировано более 60 надмогильных конструкций, расстояние между которыми варьирует от 10-30 до 500-800 м (табл. 5). Только высокая степень изрезанности берега позволяет нам условно разделить цепь курганов на группы и назвать их по наименованию урочищ - Алыпкашская, Бектенизская, Улубаевская (табл. 5; 6). Курганные группы компактной планировки обычно состоят из 3-7 насыпей расположенных вблизи друг от друга, но без видимой закономерности. Такие группы нередко сочетаются с цепочками курганов. Иногда они содержат и более поздние включения - погребальные сооружения эпохи средневековья (табл. 7).

Одиночные крупные курганы находятся в глубине степей на водоразделах, у небольших озерных впадин. Они занимают самые высокие точки на местности, эффектно доминируя над окружающим ландшафтом. Расположены курганы в 4-6 км друг от друга, так что поднявшись на насыпь всегда можно увидеть в отдалении 2-3 аналогичных надмогильных сооружений.

Состав насыпей погребальных памятников Северного Казахстана зависит прежде всего от специфики природного материала. В зоне Казахского мелкосопочника надмогильные конструкции возведены обычно из земли и камня, реже из камня с очень небольшим включением грунта. Для Западно - Сибирской низменности характерны земляные курганы.

Ориентируясь на современные размеры, насыпи можно разбить на три группы:

	ДИАМЕТР, м	ВЫСОТА, м
1 - МАЛЫЕ	6-12	0,1-0,3
2 - СРЕДНИЕ	13-29	0,4-1,4
3 - КРУПНЫЕ	30-80	1,5-4,0

Крупные насыпи составляют примерно 16% от общего количества курганов и основная их часть находится в северных районах, в пределах Западно - Сибирской низменности. В этих же районах расположено и большинство земляных насыпей средних размеров. В целом, на территории изучаемого региона преобладают малые курганы, сложенные из земли и камня. В процессе раскопок установлено, что по составу погребального инвентаря и особенностям ритуала они идентичны земляным курганам средних размеров. Последнее обстоятельство связано, вероятно, с различной трудоемкостью процесса строительства в зависимости от характера используемого материала. На севере в районе Петропавловского Приишмия на создание земляных конструкций обычно идет гумус, снятый с богатых лугово-черноземных почв. К югу в мелкосопочнике, в зоне умеренно-засушливой степи, дерновый слой очень слабый, для получения достаточного количества дерна требуется работа на больших площадях. Значительно затруднена и выборка материкового грунта, насыщенного галечником. Особенно увеличиваются затраты труда при добыче камня из скальных массивов. Разрушение каменных надмогильных сооружений под действием природных факторов протекает значительно быстрее и эффективнее по сравнению с грунтовыми сооружениями. Земляные насыпи быстро теряют первоначальную форму, но вследствие их монолитности относительно хорошо

сохраняют объем и высотные отметки. Таким образом, малые курганы, возведенные с использованием камня, и земляные курганы средних размеров могут быть объединены в одну категорию памятников.

К числу особенностей погребальных памятников Северного Казахстана относится их индивидуальность - каждая насыпь содержит только одну могильную яму. Случаи последующих захоронений в пределах одного хронологического периода крайне редки. Необходимо отметить интересную закономерность в создании курганов крупных размеров. С середины 1 тыс. до н.э. их часто сооружают на древних насыпях эпохи поздней бронзы или переходного периода от бронзы к раннему железному веку (IX-VIII вв. до н.э.). Выбирался курган средних размеров обычно на водоразделе, в центр его опускалось погребение и все перекрывалось новой могильной конструкцией, значительно превосходящей по размерам древнюю насыпь. В конечном итоге под одной насыпью оказывалось два археологических комплекса, разведенных хронологическим интервалом в 4-5 столетий (Зданович Г.Б., Иванов, Хабдулина, 1984).

На территории Северного Казахстана к настоящему времени вскрыто более 250 погребальных сооружений эпохи раннего железа. Надежно документированы вещевым инвентарем 160 курганов. Характеристика погребального обряда населения раннего железного века дается по выделенным хронологическим этапам с учетом особенностей микрорайонов (табл. 8: 1).

Погребальный обряд раннего железного века как целостно оформленная система отличается от погребального ритуала предшествующей эпохи бронзы. Однако если разбить его на отдельные составляющие элементы, то проступает генетическая преемственность, единая линия эволюции.

II.1. (IX) VIII - V вв. до н.э. Среди погребальных памятников Северного Казахстана выделяется немногочисленная группа курганов переходного периода¹. Обряд их отражает промежуточное состояние между затуханием старых и появлением, утверждением новых традиций, определивших в дальнейшем специфику обряда раннего железного века. Датровка их относительная, в пределах конца IX-VIII вв. до н.э. К элементам обряда позднебронзового века относятся: незначительная глубина могильных ям (не более 0,5 м); погребение на горизонте или материке; скорченное положение умерших; неустойчивость ориентировки. В сочетании с этими признаками допускаются новшества, чуждые требованиям погребального обряда эпохи бронзы. В структуру наземного курганного сооружения вводятся такие элементы как возведение бревенчатых выкладок над погребениями на материке, зарождение нового принципа "насыпки" курганг, связанного с изменениями технологии строительства кургана и семантики самого кургана (Зданович Г.Б., Иванов, Хабдулина, 1984, с.47; Грач, 1980, с. 69-70). Появляются одиночные насыпи в глубине степи вдали от речных водоемов.

Данные погребального обряда подтверждаются составом и характером вещевого инвентаря. Традиции бронзового века отражают плоскодонная керамика, идентичная посуде саргаринской культуры, костяные втульчатые четырехгранные наконечники стрел, известные с эпохи поздней бронзы (табл. 10, 13, 3, 4), бронзовые однолезвийные ножи без выделенной рукоятки. Наиболее яркие факты сочетания традиций двух эпох дают погребения с сосудами. Они встречены в трех комплексах. В кургане 5 мог. Берлик погребение было совершено на уровне материка, головой на СВ (табл. 9). У головы стоял сосуд, слева у колен набор бронзовых наконечников стрел, в составе которого архаичные типы втульчатых двулопастных совмещены с черешковыми трехлопастными (табл. 9: 1-5). Наземная конструкция кургана полностью отвечает требованиям раннего железного века. Подкурганная площадка обнажена до материка, насыпь состоит из чернозема с большим включением

1) Учтены в графе VIII - VII вв. до нашей эры (табл. 8: 1)

глины (табл. 9). Процесс постепенного формирования некоторых элементов обряда демонстрирует погребение (№ 170), вскрытое на северной окраине грунтового могильника эпохи бронзы Жабай-Покровка. Могильная яма, содержащая скорченное захоронение, ориентированное головой на ЮЗ, с сосудом в изголовье, обведена кольцевым ровиком. Встречается и такая комбинация признаков: сочетание традиционного обряда и новых категорий сопроводительного инвентаря. В оградку эпохи бронзы (Бурлук, к. 13) введено парное погребение. Умершие положены скорченко, лицом друг к другу, головой на ССЗ. В ногах обнаружен каменный жертвенник (Зданович С.Я., 1970). Указанные примеры отражают конкретную комбинацию одновременных признаков, образующих погребальный обряд переходного времени. Из приведенного явствует, что уже к VIII в. до н.э. зародились многие элементы обряда, характерные для последующих этапов раннего железного века. Погребальный обряд складывался в относительно короткий период и оформлялся достаточно интенсивно.

В рамках VIII - V вв. до н.э. оказалось возможным выделение отличительных признаков обряда VIII-VII и VI-V вв. до н.э. В первую очередь они касаются конструкции наземной части погребального памятника. При анализе таких показателей, как ориентировка, размеры могильных ям, ориентировка и поза умерших, сопутствующий инвентарь выявилось тождество их для всего периода с VIII-V вв. до н.э. Поэтому при изложении эти признаки сведены вместе (табл. 8: 2, 3) и представлены после характеристики особенностей погребальных памятников VI-V вв. до н.э.

VIII-VII вв. до н.э. Погребальные сооружения раннесакского времени по объему насыпей разделяются на малые и средние. Центральной составной частью многих земляных курганов является надмогильная конструкция, сложенная из дерева.

Следы их зафиксированы преимущественно под насыпями средних и крупных размеров. Деревянные конструкции представлены либо низкими бревенчатыми выкладками, либо сооружениями объемного типа в виде клетки, сруба (табл. 11; 12; 13:1-2,7-8). Все известные бревенчатые выкладки связаны с погребениями на древнем горизонте или материке (табл. 11; 12). Они имеют прямоугольную форму, ориентированы обычно по линии СЗ-ЮВ и перекрывают довольно большую площадь вокруг умершего. Конструкция их проста - с двух сторон параллельно телу умершего укладывались длинные слепи и сверху на них размещался поперечный накат. Чтобы бревна не рассыпались, углы закреплялись камнями. Площадка, ограниченная деревянным сооружением кургана 1 мог. Явленка (основное погребение), равна примерно 10 кв. м, с двух сторон обнаружены ямки от столбов, что свидетельствует о каких-то дополнительных деталях конструкции (табл. 11). В кургане 4 урочища Бектениз деревянное сооружение имело размеры 3,3 x 1,7 м. Оно сочеталось с каменной выкладкой подквадратной формы, возведенной на поверхности земляной насыпи. Внешние размеры каменной выкладки 6 x 5 м, она как бы окружает деревянную конструкцию, повторяя ее ориентировку (табл. 12).

Сооружения объемного типа возводились на древней поверхности над погребениями в грунтовых ямах. К их числу относятся клетки или срубы, зафиксированные над насыпью трех курганов (Берлик, курган 1; Кара-Оба, курган А; Кенес, курган 11). Это были прямоугольные в плане постройки высотой в 2-4 венца. Для их сооружения вокруг могильных ям готовились специальные площадки. Конструкция для прочности, и, вероятно, более надежной вязки углов - обводилась глиняным валиком (табл. 13: 1, 7, 8; 28).

Если курган Кара-Оба "А" дает только общие материалы о типе деревянного надмогильного сооружения, то сооружения кургана 1 мог. Берлик и, особенно, кургана 11 мог. Кенес позволяют выделить ряд интересных деталей конструкций и строительных приемов. Остатки деревянной постройки кургана 1 мог. Берлик представляют собой прямоугольник со сторонами 3 x 4 м,

ориентированный по линии СЗ-ЮВ (табл. 13:1). Березовые бревна лежали друг на друге в три - четыре слоя. Угловые соединения сохранились плохо. Это была клеть или сруб в четыре-пять венцов, сверху перекрытый двойным накатом: нижние бревна лежали поперек могилы, верхние - вдоль. В центре на перекрытии был поставлен крупный камень. С запада к конструкции примыкали четыре бревна, лежащие попарно на уровне древней поверхности на расстоянии около 2 м друг от друга. Сохранившаяся длина бревен 1,5 - 2 м. Эти бревна не могут принадлежать развалу основной конструкции. Вероятно, это остатки от крепиды коридора-дромоса. Об этом говорит и тот факт, что дромос обращен на запад к проходу, где обрывается канавка, окружающая насыпь.

Сооружение кургана 11 мог. Кенес отличается по способу перекрытия. Конструкция эта археологически прекрасно сохранилась, благодаря консервирующему действию огня и представляет особый интерес в плане эволюции деревянных надмогильных сооружений эпохи железа. Здесь под земляной насыпью был расчищен сруб в четыре венца рубленый "вхлоп". Высота сруба 1,0 м, размеры в плане 7 х 8 м, ориентирован по сторонам света. Площадка вокруг конструкции покрыта корой. Перекрытие, выполненное в виде четырехгранной усеченной пирамиды, опиралось на центральные столбы. У юго-восточного угла зафиксирован пандус из четырех бревен, наклонно ведущий от древней поверхности на уровень верхнего венца сруба (табл. 13: 8). Последняя деталь - наличие входа в погребальную камеру - дает дополнительный штрих к отнесению конструкции Берлик, к.1 и Кенес, к.11 к одному типу (табл. 13: 1, 7, 8).

Среди памятников VIII-VII вв. до н.э. Сергеевского микрорайона зафиксирована одна деревянная конструкция, созданная на каркасной основе. В кургане 1 мог. Покровка на площадке, ограниченной квадратной канавкой (8 х 8 м), обнаружено 16 ямок от столбовых конструкций. При соединении внешней линии столбов вырисовывается прямоугольник. Наиболее крупные ямки расположены у СВ угла, что дает основание предполагать наличие какого-то входа в погребальную постройку. Общее направление коридора в таком случае совпадает с проходом в северо-восточной части внешнего круглого рва (Зданович Г.Б., 1969, с. 72).

Каменные конструкции, лежащие в основании малых курганов, сложенных из земли и камня, по целому ряду признаков перекликаются с деревянными надмогильными сооружениями, вскрытыми под земляными насыпями. О первоначальном внешнем виде каменных насыпей позволяют судить фрагменты сохранившейся кладки, форма, размеры оснований, а также объем камней, рухнувших в погребальную камеру. Анализ фактологических материалов свидетельствует о существовании в древности наземных каменных построек прямоугольных, круглых и многоугольных в плане. Размеры этих построек соответствуют деревянным сооружениям земляных курганов и колеблются в пределах 4 х 5 - 7 х 7 м (табл. 14).

Земляные насыпи курганов средних и крупных размеров имеют, как правило, сложную структуру, которая представлена аморфными включениями глины, создающими в разрезе своеобразный "пятнистый" профиль кургана. Подобные насыпи сочетаются с полным удалением гумуса с подкурганной площадки и погребениями на уровне материка (Берлик, к. 4, 5; Явленка, к. 1)(табл. 9; 11).

К внекурганым конструкциям погребальных памятников VIII-VII вв. до н.э. относятся рвы, зафиксированные в основном вокруг земляных насыпей. Преобладают круглые кольцевые рвы, иногда с двумя проходами с западной и восточной сторон. Значительной редкостью являются рвы квадратной формы. Встречены по одному разу в курганах Сергеевского (Покровка, к. 1) и Ишимово-Чаглинского (Графские развалины, к. 23) микрорайонов. Первый из них обведен внешним круглым рвом, прерывающимся в СВ и ЮЗ секторах (Зданович Г.Б., 1969, с. 71). Судя по стратиграфии и

погребальному обряду это сочетание возникло в один хронологический период.

К выскурганным конструкциям мы также должны отнести каменные гряды курганов с "усами". "Усы" длиной 10-90 м, шириной 0,5-1,0 м тянутся в восточном, юго-восточном направлениях, заканчиваются вебольшими выхолмлениями. Курганы с "усами" известны на территории Ишимо-Чаплинского микрорайона.

Основной тип погребальной камеры VIII-VII вв. до н.э. - простая грунтовая яма подпрямоугольной формы с прямыми, почти отвесными стенками.

Следы ритуальных действий, связанных с огнем, встречены в погребальных камерах в виде сжигания, обугливания деревянных перекрытий, изредка некоторых вещей. В ряде случаев следы огня (прокалы, застивание золой), отмечены на древней поверхности и в насыпи. Ярким проявлением культа огня является обугливание деревянной постройки, воздвигнутой под насыпью к. 11 мог. Кенес и деревянная выкладка в кургане 4 мог. Бектениз (табл. 13; 12). Наиболее часто следы огня встречаются в намятниках Сергеевского микрорайона. В Ишимо-Чаплинском они присутствуют в виде единичных угольков в заполнении и на дне погребальных камер.

К следам особых ритуальных действий относятся находки предметов конской упряжи, обнаруженные либо в насыпях курганов эпохи бронзы, либо в специальных каменных кольцах. Кольца диаметром 3 м составлены из лежащих плашмя или врытых вертикально плит. Внутреннее пространство оградки, камни, канавка, вырытая для закрепления плит, несут следы огня. Удила положены обычно в небольшом углублении под камнями как внутри кольца, так и с внешней стороны. Подобные конструкции встречены на территории могильников эпохи бронзы (Саргары II, Жабай-Покровка) и в составе курганных групп раннего железного века (Рузаевка, Боганаты).

К особым ритуальным действиям надо причислить и следы, оставленные на поверхности подкурганной площадки в виде различных вкопов, срезание гумуса (70%), иногда полного обнажения материка или застипания глиной поверхности погребенной почвы (38%). В случае дваактности насыпи поверхность нижней использовалась как подкурганная площадка и подвергалась всем традиционным ритуальным действиям (Куропаткино, к. 10; Бектениз, к. 4) (табл.12).

VI-V вв. до н.э. Сохраняются все ведущие характеристики обряда. Появляются насыпи крупных размеров. Шатровой формы наземное деревянное сооружение исследовано в кургане 1 мог. Кенес. Это была многоугольная в плане деревянная конструкция площадью около 530 кв. м. На периферийных участках кургана она фиксировалась как выкладка из мелких бревен, хвороста и бересты. Центральная объемная конструкция состояла из березовых бревен диаметром 30-40 см. Нижний слой ее образует вокруг ямы вписанные бревенчатые многоугольники с промежутком 0,4-0,6 м. Их перекрывал плотный ряд бревен, уложенных радиально к центру кургана. На радиальной выкладке располагалась еще несколько бревенчатых многоугольников, повторяющих конструкции нижнего слоя. Такое сооружение должно иметь первоначально форму пирамиды, вероятно, усеченной. Центральная и самая высокая рама дополнительно опиралась на столбы, от которых сохранилась группа опорных ямок (табл. 13; 9) (Хабдулина, 1976, с. 197).

Необходимость создания полых наземных объемов из дерева приводит к оформлению новой структуры насыпи. Неоднородность ее проявляется в виде чередования горизонтально перемежающихся пластов глины, золы, хвороста либо камыша, трав с основным дерновым грунтом. В профиле центральной части кургана 1 мог. Кенес насчитывается до 16 слоев дерева и других растительных остатков толщиной 3-5 см. Сверху насыпь была обмазана разжиженной глиной, в которой закреплены мраморные плиты облицовки. Курган 1 урочища Саркара сложен из черноземного грунта, прослоек

зола и покрыт сверху камнем (табл. 19: 1).

Более разнообразным становится оформление могильных ям. Помимо простых грунтовых ям распространяются подбои. Камеры выкопаны под длинной северной стенкой на одном уровне с дном входной ямы, ориентированы по линии З-В. Устье подбоев закрыты вертикальными каменными плитами (Айдабуль, к. 1, 2) (Акишев, 1959, с. 19-21). Яма с дромосом вскрыта под насыпью крупного кургана (Кенес, к. 1). От восточной стенки погребальной камеры отходит коридор, наклонно поднимающийся до уровня древней поверхности и ведущий, вероятно, к восточной подошве насыпи. Зафиксированная длина дромоса 5,5 м, ширина 1,6 м. Стенки обставлены вертикальными плахами. Конструкция перекрытия не сохранилась (табл. 13: 9) (Хабдулина, 1976).

Такие показатели как ориентировка могильных ям и погребенных объединены для всего периода VIII - V вв. до н.э. и приведены в одной графе сводных таблиц (табл. 8: 2, 3). По размерам преобладают ямы, выделенные в группу "средние" (56%). Малых ям, содержащих детские погребения, всего две, крупных зафиксировано 10¹. Глубина ям 0,4-1,0 м. Лишь 10% могил Ишимо-Чаглинского микрорайона достигают глубины 1,1-1,7 м.

Преобладающей является широтная ориентировка ям (табл. 8, 2). Если анализировать по территориальному признаку, то ведущей для VIII-VII вв. до н.э. оказалась ориентировка могил Сергеевского микрорайона, где присутствуют только два направления З-В и СВ-ЮЗ. В Ишимо-Чаглинском районе известен незначительный процент ям, ориентированных меридианально. 22% погребений совершены на древнем горизонте или на уровне материка. Подобный тип захоронений одинаково встречается как под земляными, так и под каменными курганами.

Для погребений VIII-V вв. до н.э. характерны труположения вытянуто на спине. Изредка (16%) кисть левой руки на тазовых костях. В девяти случаях зафиксированы погребения скорченно на боку. Два из них совершены на древней поверхности (Явленка, к. 1; Рузаевка, к. 1) (табл. 11).

Ведущей является ориентировка умерших головой на запад, на втором месте северо-западное направление. Учет ориентировок по отдельным локальным регионам выявил некоторые особенности. Так, в Ишимо-Чаглинском районе в равной мере распространены западное и северо-западное направления (по 34%), в Сергеевском преобладают западное (50%) и юго-западное (25%) и отсутствуют случаи положения головой на север и северо-запад (табл. 8: 3).

Погребальный инвентарь сопровождает 75% учтенных памятников VIII-V вв. до н.э. В основном он происходит из могильных ям. Изредка и только в курганах раннесакского времени встречены вещи на древней поверхности. Это каменные жертвенники особой клювовидной формы и сосуды (табл. 58: 3).

Наиболее распространенной категорией сопровождающего инвентаря оказались каменные жертвенники, бронзовые зеркала. Зафиксированы в 40% курганов. Жертвенники - сбоку от умершего, зеркала и костяные "флакончики" с порошкообразным веществом - в специальных кожаных сумочках на поясе (табл. 16-19). Иногда под жертвенниками обнаружены гальки с окрашенной поверхностью. Следующая категория: сосуды (37,7%) по одному в яме, поставлены у головы, или сбоку (табл. 9; 10:1; 14). 33% могильных ям содержат предметы вооружения: наконечники стрел, кинжалы.

1) По размерам дна все исследованные могильные ямы Северного Казахстана разбиты на три группы:

малые - 1,0-1,4 м (длина),	0,5-0,9 м (ширина);
средние - 1,8-2,0 м,	0,6-1,2 м;
крупные - 2,2-2,6 м,	0,7-1,5 м.

Колчаны положены слева вдоль бедренной кости, кинжалы - справа у бедра. В состав колчанов иногда входят бронзовые и биметаллические ножи (табл. 14:7; 15:9; 20:8).

Кости домашних животных обнаружены в 45% погребальных памятников. В 62% могильных ям зафиксированы кости мелкого рогатого скота (кости ног, хребет, иногда череп), лежащие сбоку от умершего, реже у ног. В 33% курганов открыты остатки поминальной тризны в насыпи или на древней поверхности. В составе их не только кости овцы, но и лошади (18,5%). Последнее особенно характерно для памятников Сергеевского микрорайона. Под насыпью кургана 1 мог. Берлик с восточной стороны во рву и на территории, прилегающей к рву, расчищено семь жертвенных комплексов из черепов, костей ног овцы и лошади (табл.13:1).

II.2.IV-II вв. до н.э. Характеристика погребальных памятников второго хронологического периода основывается на данных 50 курганов¹. Из них курганы малых размеров составляют 57%, средних - 30%, крупных - 13%. Последние в основном происходят с Сергеевского микрорайона.

Подкурганные надмогильные сооружения IV-II вв. до н.э. открыты под земляными насыпями средних и крупных размеров. Имеют цельные объемы, сложены из земли, глины, хвороста и иногда покрыты сверху деревом, создающим определенную архитектурную конструкцию.

Шатровой формы постройка была вскрыта под насыпью кургана 6 мог. Берлик. В центре подкурганной площадки первоначально воздвигнуто цельное черноземное ядро (диаметром 9 м, высотой 0,5 м), покрыто сверху мощным слоем глины, на нее радиально уложены бревна (табл. 24). Способ соединения бревен в центре утрачен из-за потревоженности насыпи. Основание радиальной выкладки упирается в деревянную многогранную раму, обрамлявшую возвышение по периметру (размеры по осям 13 х 13 м). Подкурганное надмогильное сооружение кургана 1 Ступинка представляет собой постройку высотой 1,0 м, возведенную из плотного однородного суглинка с прослойками глины и дерева. В основании ее на глиняной платформе развал деревянной прямоугольной конструкции, размерами 10 х 12 м, ориентированный по линии СВ-ЮЗ. Сохранились следы дромоса в виде мелкого углубления в материке шириной 1,5 м и ряда параллельных бревен, примыкающих к восточной стенке (табл. 25; 26:1).

Среди покурганных конструкций IV-II вв. до н.э. сохраняются постройки каркасного типа. Судя по столбовым ямкам, деревянное сооружение кургана 2 урочища Шагалы имело в плане прямоугольную форму (13 х 11 м).

Кроме искусственно созданных подкурганных надмогильных сооружений для строительства крупных насыпей использовали уже существующий древний курган. Центр его прорезался новой могильной ямой, поверхность насыпи покрывалась глиной, хворостом (Кара-Оба, Обалы, Шагалы, к.1)(табл. 28; 30:Б)(Зданович Г.Б., Иванов, Хабдулина, 1984).

Насыпи курганов средних и крупных размеров отличаются сложной структурой. Они возведены из черноземного грунта с большим включением хаотично разбросанных "комьев" глины размерами 0,2 х 0,3 м, создающих в разрезе "пятнистый" профиль (табл. 26:1;28). В оформлении крупных насыпей открыты валы, сбитые из плотного суглинка и обмазанные для большей прочности разжиженной глиной. Они отстоят на 1,5-2,0 м внутрь от кольцевых рвов и достигают высоты около

1) Учтены и погребальные комплексы Петропавловского микрорайона (табл.21), малочисленность которых (табл.8:1), не позволяет характеризовать их как отдельную территориально-хронологическую группу.

1,0 м, при ширине основания 2,0-3,0) м. Внешняя линия их очерчивает первоначальный диаметр кургана. На склонах и частично во рву зафиксированы сползшие слои гумусного грунта - свидетельство развала какой-то мощной дерновой кладки (табл. 28; 30).

К вёскурганам конструкция относится рвы круглой или овальной формы. Половина их имеет проход с двух сторон (запад-восток) или одной (юг).

Доминирующий тип погребальной камеры IV-II вв. до н.э. - простая грунтовая яма. Единично практикуются погребения в подбоях и катакомбе (табл. 24; 31; 35). Преобладают ямы подпрямоугольной формы, ориентированные по линии З-В (47,6%) и С-Ю (24%). Ширитное направление является основным в обоих микрорайонах, но они различаются ориентировкой второго порядка. В Ишимо-Чаглинском - это СЗ-ЮВ (25%), в Сергеевском - С-Ю (33%) (табл. 8:2).

Большинство (56,5%) ям имеет средние размеры, среди которых вычленяется группа широких, почти квадратных могил глубиной 0,6-1,0 м. Крупные ямы (32,6%) имеют значительный перепад глубин: 1,0-4,6 м. Ямы малых размеров составляют 10,8%, глубина их 0,6-0,8 м. Самая распространенная глубина погребальных камер IV-II вв. до н.э. - 0,5-1,0 м (57%), затем следует 1,1-2,0 м (30%) и 2,1-4,6 м (13%). Не устанавливается никакой закономерности при анализе таких показателей как объем насыпей, размеры могильных ям, территориальная принадлежность.

Стенки погребальных камер оформлены различными вариантами заплечиков с одной или двух продольных сторон (23%), как правило, служивших для закрепления деревянных перекрытий.

Особо следует остановиться на внутренней отделке погребальных камер крупных курганов, достигающих глубин 5 и более метров (с учетом высоты древней насыпи, центр которой прорезался). Необходимость спуска на такую глубину и породила, вероятно, спиральный принцип ассиметрично расположенных ступенек вдоль стен. Разрыв между ступеньками достигает 0,5-1,2 м. Ко дну ямы значительно сокращаются в размерах. В верхней части стен погребальной камеры обнаружены ниши для временного закрепления перекидного настила из бревен (табл. 27; 29:2,2а). Одной из интересных деталей в устройстве могильных ям крупных и средних курганов является наличие с восточной стороны коридорообразного выступа шириной 1 м, длиной 1,5 м. Судя по разрезу, наклонно ведущему вверх, и присыпанности дна глиной, он использовался как пандус для выноса грунта (табл. 27). Мы не располагаем полными сведениями о внутреннем интерьере погребальных камер. Сохранившиеся фрагменты нетронутых участков свидетельствуют о существовании в древности деревянной обшивки стен (Обалы, Б) и обмазке стен жидкой глиной (Ступинка). От столбовых конструкций неизвестного назначения (деревянная гробница, навес-перекрытие?) остались ямки на дне погребальной камеры кургана Б, Обалы (табл. 29:1,2б).

Наличие деревянных перекрытий зафиксировано у 50% ям IV-II вв. до н.э. В основном это были продольные настилы на уровне древней поверхности. Мощное продольно-поперечное перекрытие на заплечиках обнаружено в яме кургана 13 Амангельды (табл. 22: II). Часть могил (особенно подбой, катакомбы) имеют по два перекрытия. Сверху - на древней поверхности и внутри, устья камер закрыты горизонтальными настилами, сооруженными на уровне уступов (табл. 22:III;31). Подбой и катакомба обнаружены под насыпью крупных и средних курганов Сергеевского микрорайона (табл. 24; 29:4; 31). Входные ямы подбоев ориентированы по линии З-В. Камеры сооружены под длинными северными стенками. Входная яма катакомбы (Берлик, К. 6) ориентирована по линии С-Ю. Длинная ось ее является продолжением погребальной камеры, устроенной в северной торцовой стенке. Камера сводчатой формы с пологим дном отделена от пола шахты наклонным спуском. Фрагменты бревенчатого перекрытия обнаружены в придонной части входной ямы (табл. 24).

Умершие лежат вытянуто на спине, руки вдоль туловища. В единичных случаях обе кисти - на тазовых костях (Петровка, погр. 8) (табл. 26:II). Около половины (45%) погребений IV-II вв. до н.э. положены головой на запад, 19% на северо - запад. В Ишимо - Чаглинском микрорайоне в качестве основных выделяются два направления - запад, северо-запад. В Сергеевском микрорайоне почти в равных количествах представлены западная и южная ориентировка (табл. 8: 3).

Два погребальных камер, иногда кости скелетов покрыты темным налетом органического происхождения, возможно, это остатки погребального савана (кошма, войлок). В Сергеевской группе курганов обнаружены погребения в берестяной колоде (18, 7%).

67% курганов IV-II вв. до н.э. содержат погребальный инвентарь. Чаще всего встречаются 1-2 сосуда (53%), стоящие преимущественно в головах. Если в яме два сосуда, то один - в ногах. Следующая категория вещей - это предметы вооружения (25%): колчаны со стрелами, железные княжы (табл. 22: I, III; 34). Распространены и предметы культа (25%), камешные жертвенники стоят сбоку в верхней половине туловища (табл. 23: 34). Зеркало найдено на левой голени, в одном случае фрагмент его на костях таза. В составе погребального инвентаря зафиксированы предметы козьей утвари: железные псалы, подвески; из бытовых вещей - ножи, пряслица; из украшений - бусы, серги (табл. 22; 32-34). В кургане 2 Шагаламы найден бронзовый котел.

Следы проявления культа огня зафиксированы в 43, 7% курганов. Чаще всего практиковалось разведение костров на перекрытиях, что приводило к обугливанию дерева и частичному прокаливанию стенок ямы. Мощный костер, сложенный на многослойном перекрытии ямы кургана 13 мог. Амангельды горел, вероятно, очень долго - весь центр насыпи состоит из прокаленного красного грунта (табл. 22: II). Иногда встречается частичное сбрашивание в яму остатков костра, сохранившихся на дне в виде углистых плашек, обожженного грунта, угольков. Следы огня в насыпи обнаружены в 30% курганов. Они выражены в обугливание деревянных построек, в разжигании костров на древней поверхности (табл. 24). Сожжение деревянной конструкции и полностью прокаленный грунт верхней части насыпи зафиксирован в кургане 2 Шагаламы.

Заупокойная пища сопровождает 64, 5% погребений IV-III вв. до н. э. Предпочтение отдается частям туши овцы (трубчатые кости, лопатки, позвонки), в 42% могил зафиксированы кости лошади - черепа, кости ног с копытами, ребра. В двух случаях встречены кости птиц. Сопроводительная пища положена обычно в головах или в ногах умершего. Жертвенные комплексы, состоящие из костей лошади, овцы обнаружены также в насыпях крупных и средних курганов (19%). Они расположены во рвах и прилегающих к ним с севера и юга участках.

Следы ритуальных действий, связанных с подготовкой подкурганной площадки, сохранились в виде вкопов, частичного срезания дерна, застилания равномерным слоем глины, бересты или хвороста. Под насыпью малых и средних курганов распространены глиняные площадки или валники вокруг ямы.

II, 3, II в до н.э. - IV в н.э. Из числа исследованных погребальных памятников раннего железного века ко II в. до н.э.-I в. н. э. относятся 17 курганов (табл. 8:1). Это насыпи малых и средних размеров. Сложная конструкция наземной части характерна для курганов, возведенных из земли и камня. В основании их фиксируется кольцо из плит, иногда вкопанных в древнюю поверхность. Глина выкидана распределена внутри оградки в виде площадки (Саркара, к. 4), или валика (Конурсу, к. I) (табл. 37; 45). Вне сомнения, над могильной ямой сооружалась какая-то конструкция из камня, первоначальный облик которой не дошел до наших дней. Часть курганов обведены кольцевыми рвами.

Погребальные камеры двух типов: простая грунтовая и камерная (подбон, катакомбы).

Грунтовые ямы овальных форм имеют преимущественно меридианальную ориентировку (табл. 3: 2). Наличие уступов со всех сторон приводит к значительной разнице верхних и нижних размеров погребальных камер (табл. 43). По площади дна они распадаются на средние и крупные. Большими размерами выделяется группа ям, содержащая коллективные захоронения (табл. 42). Глубина ям колеблется от 1,0 до 3,0 м.

В трех случаях у основания торцовых стен обнаружены ниши для сосудов и жертвенных комплексов (табл. 42; 43). Стенки погребальных камер каменных курганов обставлены плоскими плитами и наполовину заполнены колотым сланцем. Следы деревянных перекрытий в виде продольных настилов расчищены на древней поверхности. Встречены и каменные плиты огромных размеров, перекрывающие могилу сверху (табл. 45). Любопытно, что большая часть ям имеет в нижней половине чистое материковое заполнение, затрудняющее их фиксацию. Думается, это же следствие постепенно затекания, а специальная засыпка. Единично подобные явления зафиксированы при вскрытии ям IV-II вв. до н. э. (табл. 26: II; 33; 45).

Входные ямы подбоев и катакомб ориентированы по линии С-Ю (табл. 38; 40). Подбоек устроены под длинными западными стенками, на уровне дна входной ямы. В одном случае зафиксирован многослойный заклад устья подбоя вертикальными плитами (Саркара, к. 4, п. 2) (табл. 46). Длинная ось катакомб является продолжением длинной оси входных колодцев. Камеры выкопаны как с северной (Жалтырь, яма 2), так и с южной сторон (Саркара, к. 5). Высота камер около 1 м (табл. 38; 40).

Умершие лежат вытянуто на спине, в двух случаях левая рука согнута и кисть находится на тазовых костях. Преобладает южная ориентировка (табл. 8: 3). Под скелетами, иногда на них, фиксируется темный налет (кошма?). Следы берестяной подстилки сохранились на дне катакомбы Жалтырь (табл. 38: 3).

В состав погребального инвентаря обязательно входят сосуды в количестве от 1 до 3. Часты предметы вооружения. Мечи и кинжалы в деревянных ножнах положены сбоку, колчан со стрелами на голени ног. С правой стороны вдоль тела умершего (Саркара, к. 3) зафиксированы костяные накладки, дающие представления о форме и размерах лука гуннского типа. Длина его равнялась 160 см. Пряжки и кольца найдены в области пояса, бусы - на шее (Саркара, к. 4, п. 1), ножи - в ногах или среди заупокойной пищи. Сосуды расположены как в головах, иногда в специальных нишах вместе с жертвенной пищей, так и в ногах (табл. 37-46).

Остатки заупокойных триз в виде костей барана сохранились в головах или ногах погребенных. В двух случаях найдены черепа крупного рогатого скота, лежащие на голени вводного погребения (Саркара, к. 4; Корсак к. 7) (табл. 33, 46). Жертвенные комплексы в насыпи и следы культа огня не обнаружены.

II-IV вв. н.э. Характеристика погребального обряда II-IV вв. н. э. основана на данных 18 погребений, 8 из них - вводные. Курганы малых и средних размеров. Среди земляных насыпей известны факты намеренного оформления подкурганных площадок в виде срезания гумуса древней поверхности, застилания ее глиной, сооружения глиняного валика вокруг ямы (Красный Яр, Покровка, к. 2) (табл. 47: 1; 49). При вскрытии курганов средних размеров зафиксированы насыпи с включением глины (табл. 47: 1). Рвы и оградки не обнаружены.

Погребения совершались в простых грунтовых ямах овальной формы, ориентированных по линии З-В и СЗ-ЮВ. Деревянные перекрытия покоятся на заплечниках или сверху на древней поверхности. В двух случаях на внутренних перекрытиях обнаружены фрагменты конской узды -

кольчатые удила, часть уздечки (табл. 49), деревянная чаша и заупокойная пища (череп и конечности жеребенка). Глубина ям колеблется от 1 до 2 м. В одном случае вскрыта яма глубиной 6 м (табл. 47).

Среди курганов II-IV вв. н. э. встречаются подбои устроенные под длинной западной стенкой (Коржак, к. 7; Покровка, к. 2) (табл. 33: 49). Входная яма ступенькой переходит ко дну камеры. В Кургане 2 мот. Покровка устье на уровне пола входного колодца закрыто плоским деревянным настилом. Умершие лежат вытянуто на спине головой на северо-запад и запад. Встречены черепа с незначительной деформацией. На дне ямы и на костях фиксируется темный налет от погребального савана.

Сопровождающий инвентарь представлен, в основном, сосудами, предметами вооружения и предметами украшения. Костяные наконечники стрел (справа у плеча или кисти рук), железный меч с халцедоновым навершием (справа, вдоль ног), костяные накладки лука (справа, вдоль туловища), железные кольчатые удила (справа у локтя). Сосуды стоят сбоку у плеча. В качестве заупокойной пищи использовались части туши овцы, крупного рогатого скота и лошади. Следы огненного ритуала не обнаружены.

Входные погребения впускны в насыпи курганов бронзового или предшествующих этапов раннего железного века. Это одиночные захоронения, положенные вытянуто на спине головой на ССЗ. Изредка сбоку поставлен сосуд, встречаются поясные пряжки, стеклянные бусы с внутренней позолотой.

Оценивая в целом погребальный обряд населения раннего железного века Северного Казахстана, можно выделить следующие особенности в его развитии:

1. Все основополагающие черты обряда оформились на первом раннесакском этапе (VIII-VII вв. до н. э.). Обряд этого времени характеризуется наибольшей сложностью и разнообразием признаков.

2. Вся эта многообразная система норм и ритуалов достигла наивысшего расцвета в IV-II вв. до н. э. и получила воплощение в архитектуре крупных и средних курганов.

3. Погребальные памятники Сергеевского микрорайона отличаются наибольшей выразительностью и локальным своеобразием. Именно они определяют основные черты и направленность эволюции погребального обряда всего изучаемого региона.

4. Археологические комплексы Северного Казахстана позволяют проследить генетическую преемственность погребальных обрядов эпохи бронзы и раннего железного века. И эта преемственность продолжает сохраняться на протяжении первых двух хронологических периодов раннего железного века (VIII-II вв. до н. э.).

Глава III

Поселения и жилища: планировка и конструкции

На территории Северного Казахстана известны пять поселений раннего железного века. Четыре из них расположены на Ишиме в пределах Петропавловского микрорайона. Они предоставляют материал для моделирования культурно-исторической ситуации VIII-VI и IV-II вв. до н. э. Один поселенческий объект (Кеноткель X) обнаружен в степной зоне в Ишимо-Чаглинском микрорайоне. Раскопки его расширили наши представления о раннесакском этапе раннего железного века Северного Казахстана. Это пока единственное поселение, найденное в степной зоне¹. Судя по характеру вещного инвентаря, памятник появился в переходное от бронзы к раннему железу время и продолжал функционировать в VIII-VII вв. до н. э. Поэтому предварительно предлагается дата конец IX-VII вв. до н. э. При описании памятник включен в первую хронологическую группу.

III.1. Поселения (IX) VIII-V вв. до н. э.

Кеноткель X. Поселение находится на правом берегу р. Чаглинки, в 40 км южнее г. Кокшетау в прекрасной плодородной долине северных отрогов Кокшетауской возвышенности. Русло реки течет среди сопок Берендинской гряды, в районе памятника в р. Чаглинку впадает ее правый приток - р. Кошкарбай. Памятник расположен в межсочной котловине диаметром примерно 2-3 км. Река неоднократно меняла свое русло, оставив к настоящему времени причудливую сеть стариц и пересохших мелких балок.

Поселение Кеноткель X занимает останец первой надпойменной террасы. Площадь памятника 14000 кв. м. Судя по развалам фундаментов и подъемным сборам на этой же площадке в конце XIX в. стоял казахский аул. Раскоп площадью 600 кв. м заложен на южной оконечности мыса. Культурный слой мощностью 0,6-0,8 м состоит из зольного грунта различных оттенков. По вскрытой части довольно трудно составить представление о конструкциях или древних постройках. Очертания ям, ямок, канавообразных углублений фиксируются на уровне 60-80 см. Но проследить какую-нибудь взаимосвязь и закономерность пока не представляется возможным.

БОРКИ II. Поселение находится на коренном мысу правого берега р. Ишим у северной

1) Думается, что круг этого типа источников будет расширяться. Поселения раннежелезного века, вне сомнения, существовали в степной зоне. Следы их обнаружены в виде культурного слоя на верхних горизонтах поселений поздней бронзы (Берсуат, Ишимка I, Трузнежко).

окраины г. Петропавловска. Площадка памятника, расположенная на высоте 25 м от уреза реки, почти полностью разрушена карьером кирпичного завода.

В обнажениях и на склонах мыса был собран подземный материал, у края карьера заложен рекогносцировочный раскоп площадью около 30 кв. м. Мощность культурного слоя 60 см. На территории раскопа расчищено два погребения, которые по вещемому инвентарю могут быть отнесены к III-II вв. до н.э. (табл. 21:1, II). Стратиграфическая позиция погребений не вызывает сомнений — их могильные ямы прорезают гумусированную супесь и заполнены культурным слоем поселения.

КАРЛУГА 1. Поселение расположено в 35 км к югу от г. Петропавловска на правом берегу р. Ишим. Площадка поселения расположена на высоте 16-18 м над уровнем воды, на останце второй террасы, ограниченной с одной стороны берегом реки, с другой — высокой поймой. О первоначальных размерах памятника судить трудно. Сохранился, вероятно, небольшой участок, который был полностью исследован раскопом площадью 920 кв. м (табл. 64).

Культурный слой поселения состоит из гумусированной супеси мощностью 0,4-0,5 м. В юго-западной и северо-восточной частях раскопа расчищены каналы шириной 1,2 м, глубиной 0,7 м, заканчивающиеся расширениями прямоугольной формы. В заполнении — затеки прокала, угля, золы, глины. Направление и состав канавообразных углублений позволяют утверждать, что это остатки простейших укреплений замкнутой планировки с проходом в западной и восточной стороне. Нивелировочная сетка поверхности памятника (общий уровень +30) фиксирует вдоль ровиков развалы небольших валов. Один из них идет в 4 м от внутренней стенки юго-западного углубления в виде полосы легкого возвышения, шириной в основании более 6 м и достигает высотных отметок +50, +76. Аналогичное возвышение читается и за пределами северо-восточной канавы, только с противоположной стороны (табл. 64). Размеры сооружений не предполагают серьезных оборонительных возможностей, скорее всего они возведены для ограждения территории поселка от животных.

По исследованной территории поселения Карлуга 1 можно составить представление о характере застройки жилой площади. На территории раскопа расчищены ямы различного содержания и форм. Наиболее крупные ямы расположены по внутренней дуге вдоль свободного центра, примерно на равном расстоянии друг от друга. Они подпрямоугольной формы, размерами 3,5-4,0 x 2,5-3,0 м, дно уплощенное, глубиной 0,5-0,6 м. Ямы более мелкие описывают внешнюю дугу. Ясно, что все эти углубления являются остатками каких-то жилых и хозяйственных конструкций, располагавшихся радиально (табл. 64).

В заполнении большинства ям обнаружены зола и древесный уголь, дно и стенки прокалены на глубину от 10 до 20 см. В пяти ямах со следами прокала (4, 8, 19, 27, 28) зафиксированы развалы сосудов. В ямах 19, 24 прослежены скопления чистого речного песка. Углубления 26, 33 содержали слои плотной светлой глины. По характеру затеков можно судить, что это остатки рухнувших глинобитных перекрытий. На территории раскопа зафиксированы только две-три столбовые ямки. Вероятнее всего жилища были наземные срубной конструкции.

Косвенного характера материалы по планировке и конструкции жилищ получены только с поселения Карлуга 1. Поселение Борки II оказалось практически полностью уничтоженным. Рекогносцировочный раскоп, заложенный на поселении Кеноткель X захватил периферийную, возможно, частью смытую окраину памятника. Общим для поселений VIII-VII вв. до н.э. независимо от ландшафтной привязки является расположение на достаточно приподнятых участках первой или второй надпойменных террас. Отсутствие четко фиксируемых котлованов жилищ заставляет

предполагать наземный тип жилых сооружений. Подтверждением этого служат разнообразные конструкции жилищ эпохи бронзы и сложные подкурганные деревянные постройки погребальных памятников раннесакского времени.

III.2. Поселения IV - II вв до н.э. Представлены поселениями лесостепной полосы: Борки 1 и Ак-Тау. Наиболее полные сведения по планиграфии, архитектуре и конструкции жилых и фортификационных сооружений получены с городища Ак-Тау.

БОРКИ 1. Поселение почти полностью разрушено при выборке глины для нужд кирпичного завода. Раскоп площадью 93 кв. м заложен на узкой наклонной площадке, сохранившейся между берегом реки и обрывом карьера. Исследованы остатки жилища 1, угол жилища 2 и две хозяйственные ямы за пределами помещений (табл. 67).

Жилище 1. Дно котлована обнаружено на глубине 60 см. По сохранившемуся фрагменту (площадь 58 кв. м) можно судить, что оно имело форму неправильного прямоугольника с выходом на север - запад. По углам и в центре помещения обнаружены ямки от столбов глубиной до 0,4 м. В средней части жилища зафиксировано три очага, диаметром около 0,7 м, глубиной 20-50 см. Очажные ямки заполнены прокаленным грунтом, древесным углем, мелкими пережженными костями животных. Здесь же в средней части жилища обнаружены три хозяйственные ямки, в двух из них стояли крупные сосуды (табл. 67). Недалеко от входа зафиксировано углубление в плане близкое квадрату со сторонами 1,8 м. На дне его (-90 см) темный золистый чернозем с всрапленными древесными угла. По всему заполнению котлована, особенно на полу жилища, встречаются фрагменты керамики. Своеобразные выкладки из кусков глиняной посуды зафиксированы у северной стенки помещения.

Юго-западной частью раскопа вскрыт угол жилища 2 и две хозяйственные ямы. Пол жилища обнаружен на глубине 0,7 м. Из раскопанных конструкций следует отметить канавку неизвестного назначения. Длина зафиксированной части около 2,5 м, ширина 20-25 см, глубина 15 см. Канавка заполнена золистым черноземом и древесным углем. Судя по фрагментам двух жилищ поселения Борки 1, они имели конструкцию полуземлянок.

ГОРОДИЩЕ АК-ТАУ. Городище расположено на мысу правого берега р. Ишим, образованного изгибом русла и балкой. Высота его над уровнем поймы 30 м (табл. 73). У основания мыса фиксируется останец первой надпойменной террасы. На поверхности жилой площадки памятника с напольной стороны просматривались вал высотой 0,3-0,4 м и легкий прогиб рва, дугообразно опоясывающие обитаемую часть. Общая площадь поселка, включая и систему укреплений, составляет 1700 кв. м. Отсутствие подъемного материала на поверхности городища и на крутых склонах свидетельствует, что береговая линия не подвергалась активному разрушению в последние две тысячи лет и мыс незначительно изменил свою форму. Раскоп площадью 1730 кв. м своей конфигурацией повторяет подтреугольные очертания горизонтальной плоскости мыса. Траншеи, заложенные за пределами линии укрепления, культурного слоя не обнаружили (табл. 73).

Верхний почвенный слой на территории "жилой" площадки поселения состоял из гумусированного суглинка мощностью 35-40 см неравномерной коричневатой-темно-серой окраски. Очертания столбовых ям и хозяйственных углублений удавалось уловить только на глубине 40-50 см, т.е. на уровне углубленной зачистки по материковому грунту. Тщательные наблюдения за характером грунта, взаиморасположением очагов и углублений, концентрацией находок позволили достаточно надежно восстановить планировку городища, форму жилищ и размеры построек.

ЖИЛИЩА. На территории городища вскрыты остатки 10 жилищ (табл. 75). По отношению к древней поверхности они характеризуются как наземные. При их сооружении удалялся слой дерна,

так что пол помещений приходился на уровень материка. Жилища представлены двумя типами построек - однокамерными и двухкамерными. Наиболее точно площадь и форма построек выявлена по котлованам 1 и 6. Это однокамерные прямоугольные сооружения, имеющие длину 6 и 7 м, при ширине 4 и 5 м соответственно. К этому типу жилищ относятся конструкции 3, 4, 5, 10, площади которых варьируют в пределах от 26 до 30 кв. м (табл. 76).

Двухкамерных жилищ на территории городища четыре. В каждом комплексе попарно соединенных сооружений одно отличается более значительными размерами. Площади больших камер колеблются от 27 до 48 кв. м, а малых - от 12 до 30 кв. м. Разнообразна схема соединения камер - это однорядовые варианты связок (жил. 8, 9), сложное угловое соединение помещений (жил. 2), и смежные камеры, сообщаемые через коридор (жил. 7) (табл. 75, 76).

Выходы из жилищ представляют собой коридоры длиной от 1,5 до 2,3 м и шириной 0,6-0,7 м, или короткие тамбуры шириной 1-2 м (табл. 78). Каждое жилище и каждое помещение двухкамерных жилищ имеет по одному выходу. Исключение составляет жилище 3, в котором зафиксировано два выхода и камера А жилища 2, имеющая выход через смежную постройку 2 Б. Выходы в большинстве случаев располагались в углах, либо тяготели к угловой части сооружения. Конструкции выходов фиксируются в виде канав, углубленных на 10-15 см в материковый грунт и обращенных не только наружу, но и внутрь жилища. При этом они могут идти вглубь постройки на длину до 2 м перпендикулярно стене, в которой расположен вход (жил. 5, 9 А). В трех случаях входы меняют вышнее направление и переходят в канавы, параллельные стенам жилищ (жил. 8 А, 7 А, 7 Б). Длина таких канав достигает 4 м. В жилище 6 угловой тамбур смыкается с канавой шириной 0,8 м, проходящей вдоль всей торцевой юго-западной стенки (длина 5 м), затем отгибает длинную юго-восточную стенку котлована и заканчивается в районе очага. Во внутреннюю канавку, идущую вдоль стены жилища, переходит короткий угловой тамбур сооружения 8 А (табл. 75).

Полы помещений ровные, кроме жилища 2, камера В которого на 15-20 см ниже камеры А. В жилищах зафиксировано по одному - два очага (табл. 78). В трех случаях очажные пятна расчищены у торцовых стен напротив входа (жил. 2 А, 6, 8 Б). В остальных случаях они располагались в средней части помещения и являлись центральным элементом организации интерьера. По форме преобладают овальные очаги, хотя есть и прямоугольные. Размеры 0,7-1,2 x 0,4 - 1,0 м. По устройству выделяются два типа: напольные и в специальных углублениях. К центральному очагу жилища 7 А были подведены две узкие воздуховодные канавки длиной 0,6 м (табл. 75). Для этой же цели служили, вероятно, и канавки, примыкающие к очагам в жилище 3, 8 А (боковой очаг). С очажными конструкциями связаны овальные углубления, заполненные золой (жил. 4, 5, 6), и служившие, вероятно, в качестве выгребных и хозяйственных ям (табл. 75, 76). В них обнаружены развалы сосудов и скопления керамики. Практически у всех очагов в специальных круглых ямках расчищены развалы сосудов. Необходимо отметить еще одну деталь - наличие одной - двух столбовых ямок рядом с очагами (табл. 78).

На площадке городища зафиксировано шесть десятков столбовых ям, связанных с конструкциями жилых помещений и вала-стены. Немногим более 40 столбов имели диаметр 20-40 см и глубину ямок 10-30 см. Остальные ямки диаметром до 10 см, оставлены явно небольшими кольями, которые не могли нести сколько-нибудь серьезную нагрузку. Столбы фортификационной линии нанесены на чертежи далеко не все. Из-за сложности грунта, мозаичности затеков и незначительной глубины не вызвали сомнения только те столбы, остатки которых сохранились в виде стгившей древесины или отпечатков ее при вертикальной зачистке. Редкие из них оказывались углублены в материк на 10-

15 см. Основная часть столбов, особенно западного крыла фортификационной линии была, видимо, вкопана или вбита в уже углубленное основание вала. При вскрытии восточных участков оборонительной стены зафиксированы следы канавок, в которых закреплялся бревенчатый частокол (уч. П1Т, П4П) (табл. 75).

В размещении столбовых ям в пределах жилищ существует определенная система. Они расположены вдоль стен, в углах, при входе, изредка у очагов. Лишь в двух жилищах (3, 7) фиксируется ряд глубоких столбовых ям (до 40 см ниже уровня пола), идущих посередине и могущих держать центральные слепы перекрытия (табл. 78).

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ. В плане территория городища Ак-Тау имеет форму сектора (часть условного круга) с центром у юго-западной оконечности мыса. Дуга, заключенная между двумя радиусами длиной 48 и 50 м и равная 63 м, соответствует размерам и плану оборонительных сооружений, защищающих поселение со стороны степи (табл. 73; 75). На современной дневной поверхности очертания оборонительных сооружений фиксировались в виде сильно расплывшегося вала высотой 0,3-0,4 м и шириной 7-9 м с едва заметным прогибом внешнего гребня. Концами вал опирался на крутые склоны мыса. В средней части его, с небольшим смещением к востоку было заметно легкое понижение, которое, как оказалось в дальнейшем, соответствовало входу в поселок (табл. 74).

В задачу исследования входило полное вскрытие и детальное изучение всего комплекса фортификационных сооружений. Применялась следующая полевая методика. Участки, занятые валом и рвом, первоначально вскрывались, как и вся территория памятника, поквдратным методом метрическими горизонтами по 20 и 10 см. После зачистки на уровне материка и выявления основных контуров, ров разрезался траншеями шириной 0,5 м через каждые 9 м. Затем, с учетом полученных профилей производилась полная выборка его заполнения по очертаниям. Такая методика позволяла, не нарушая стенок рва, проследить его конструкцию, выявить характер и направление затеков, а также расположение бревен на стенках и дне сооружения. В случае необходимости, т.е. нечетких очертаний в профиле, отдельные участки раскапывались метрическими горизонтами, что давало возможность сделать более точные наблюдения в плане.

Основу фортификации городища составляет ВАЛ-СТЕНА, сложенная из грунта и бревен. По цвету и структуре развал вала четко отделяется от культурного слоя жилой площадки. Ядро его сложено из плотно утрамбованного серого гумусированного суглинка, полученного путем смешения гумуса с белой материковой глиной, иногда в суглинке попадаются известковые включения. Мощност серого суглинка 0,6-0,8 м, ширина по основанию 3-4 м. Он залегает прямо на материке, слегка подгесанном по направлению ко рву, т.е. при строительстве вала убирались не только дерн, но и частично срезался верхний слой материка на 10-20 см (см.: западные профили, табл. 77).

Вторым слагающим и связующим компонентом являлась глина. Горизонтальные прослойки ее читаются на разных уровнях в массиве серого суглинка - это следы последовательной засыпки и утрамбовки грунта вала. Большой частью из глины состоит ядро вала западных участков оборонительного пояса. Ширина ее в основании равняется 1-1,5 м (табл. 77). Остатки глины в виде смещенных линз и "языков" фиксируются на наружных и внутренних склонах вала. Со стороны поселения слои имеют ширину от 0,5 до 2 м, мощностью 0,2-0,3 м. В отдельных случаях читается и угол укладки глиняных блоков в основание вала (уч. П13, П12) (табл. 77). Еще более мощные следы глиняной крепиды прослежены на внешних скатах. На большинстве участков она появляется сразу после удаления гумуса и фиксируется по затекам в ров на глубину до 1 м (табл. 77). Характер разрушения - наложение

глины на частично оползший вал свидетельствует, что глиной была покрыта и верхняя часть грунтового сооружения (табл. 79).

С конструкцией вала связана канавка, обнаруженная в его основании и идущая вдоль внутреннего края рва. Ширина канавки 0,6-0,8 м, глубина 0,2-0,3 м; дно плоское, стенки вертикальные или слегка наклонные. Она выделяется светло-серым заполнением, иногда в разрезе ее читаются слои белой известковой глины (табл. 77). Судя по структуре и плотности, канавка забивалась специально подготовленной увлажненной массой грунта. Внешняя стенка канавки срезана на некоторых участках и тогда она фиксируется как уступ верхнего края рва. Однако самостоятельное происхождение ее четко видно по многочисленным разрезам, где сохранились ее полные контуры. Назначение канавки не вызывает сомнений - это фундамент, на который опиралась докольная часть вала.

Внутренняя, обращенная к поселку, стена оборонительной конструкции устанавливается не только по глине облицовки, но и по линии столбов; идущих параллельно рву на расстоянии 2,5 м. Диаметр столбов 0,2-0,3 м. Судя по наиболее сохранившимся участкам (Т12, Н14, 15, П14), столбы располагались довольно плотно друг от друга в виде частокола, основания их закреплялись в специальной канавке (табл. 75). Незначительная глубина канавки 10-20 см от уровня материка, наводит на мысль, что она была вспомогательной и дерево крепилось в предварительно насыпанной платформе вала. В западной части оборонительного сооружения разрыв между столбами достигает 1-3 м. Однако этот факт не отражает реальной картины, а является результатом плохих условий фиксации дерева. Необходимо отметить, что столбовая конструкция в плане вычерчивает не форму дуги, а образует отрезки прямых линий, соединенных уступами. Длина "отрезков" 8-10 м, "шаг" уступов 0,5-1,0 м. Всего читается пять секций, три на запад от входа, две - на восток (табл. 75; 79:1). Линия излома, если за начало отсчета взять вход в городище, обращена вовнутрь, т.е. с каждым "шагом" стена отодвигается вглубь площадки (табл. 75; 79:1).

В планировочную структуру оборонительного пояса кроме вала-стены входит и внешний ров. Форма и характер заполнения его играют важную роль в реконструкции всей системы укреплений. Для получения достаточно полной картины на крутых склонах мыса были заложены квадраты и прирезаны траншеи (уч. 14, 15В, 11\Ф, X) (табл. 75). Грунт снимался параллельно дневной поверхности склона. Оказалось, что ров здесь имел четко выраженное продолжение - в виде узкой канавки он спускается на 3-4 м вниз по склону. В целом зафиксированная длина рва 62 м, западная часть до входа равна 37 м, восточная 25 м. Ширина на уровне материка 3,5-4,0 м, глубина 1,3-1,5 м от современной поверхности. В разрезе ров имеет почти отвесную внутреннюю и пологую с уступами внешнюю стену. С напольной стороны в верхней части рва фиксируются два уступа. Наружный шириной около 1,5 м углублен в материк всего на 15-20 см, второй, более четкий, имеет размеры 1,0 x 0,4-0,5 м (табл. 77). На историю формирования их проливает свет канавка, начало которой обнаружено на северо-западных участках 16В-Е. Канавка тянется с напольной стороны параллельно рву, иногда почти смыкаясь с его северной стенкой. Ширина углубления 0,5-0,6 м, длина около 30 м (табл. 75). Вне сомнения, это остатки дренажной системы для отвода дождевых и талых вод. Разрушение ее со временем и создало фиксируемую картину разрезов рва. Наиболее углубленная часть рва начинается с уровня основания фундамента вала (0,6 м от современной поверхности). В ряде случаев на стенках рва сохранились мелкие ступеньки высотой 10-20 см. Как выяснилось при вскрытии - это следы облицовки деревом. При выборке заполнения фиксировались обгорелые берзовые горбыли длиной от 1 до 6 м, лежащие горизонтально вдоль стенок (табл. 75; 76).

Тщательной расчисткой установлено, что закреплялись они путем выборки грунта, т.е. пак бы укладывались в специальные "пазы". Особенно ярко это запечатлено в поперечном разрезе участка 15/6. Дно рва, в основном, уплощенное, шириной 0,2-0,5 м, изредка приостренное или округлое (табл. 77).

Нижняя часть заполнения рва - это темный гумусированный суглинок, отличающийся от грунта вала и культурного слоя поселения. В более чистом виде он представлен на западных участках рва. Толщина его от дна 0,5-0,75 м. В разрезах рва центральной площадки (уч. Н, П, Р) в нижней части фиксируются затеки глины, проникающие с napольной стороны. Иногда они спускаются почти до дна и перемежаются с прослойками сгоревшего дерева (табл. 77). В наземной половине заполнения рва, по всей длине прослеживается мощный затех прокаленной глины. Она имеет ярко красный цвет и появляется с верхних слоев, буквально под дерном. Мощность ее 50 и более см (табл. 77; 79:II,2). Прокал двух видов: помимо просто прокаленного грунта сыпучей структуры, встречаются спекшиеся блоки (лепешки), как специально сформованные, овально-неправильной формы размерами 20 x 30 x 10 см. Они сосредоточены, главным образом на квадратах, примыкающих ко входу и по краям вала (уч. Н, П, Р, В, Г, Т, У) (табл. 77; 76). В последнем случае эти "лепешки" не имеют ярко-красного цвета, но также вываливаются спекшимися "блоками" (кусками). Характер заполнения прокаленного грунта свидетельствует о том, что он сместился в последнюю очередь сверху, со стороны вала. С внешней стороны он подпирался темным гумусированным суглинком. В основании прокалов почти везде прослеживается слой чистой глины, иногда тонкая прослойка древесного угля (табл. 77; 79: II, 1, 2).

Вход на территорию поселка фиксируется как проход во рву (табл. 75). Он расположен не в центре оборонительного пояса, а несколько смещен к востоку (уч. 15/0). Ширина его в самой узкой части 1,2 м. Вход надежно запирался системой бревенчатых конструкций, от каркаса которой сохранились столбовые ямки. На уровне материка торцовые концы рва имели совершенно схожие фигурные очертания, которые позволили предположить наличие шести столбов по три друг против друга. Выборка привратных участков велась особенно тщательно, с фиксацией продольных и поперечных разрезов. Установлено, что на самом деле, у торцов рва стояли столбы. Наиболее глубокими оказались два центральных, вкопанных на 90 см. К остаткам привратных укреплений относятся две ямки, зафиксированные с napольной стороны (уч. 16/0, П) и группа столбовых ямок на внутренней площадке, на уч. 15, 14/Н, О. Наиболее крупные из них имеют диаметр 0,4-0,5 м, остальные 0,2-0,3 м. Правда, все они незначительно уплощены в материк, всего лишь на 10-20 см (табл. 76).

III.3. Реконструкция архитектурно-пространственной планировки городища Ак-Тау.

Полное исследование памятника с применением различных методов, с составлением разнообразной документации, детально фиксирующей весь процесс раскопок, предоставило обширную информацию для характеристики всей системы пространственной организации поселка в целом, осмысления особенностей архитектурно-планировочного решения, приемов строительства и реконструкции его основных ансамблей.

Обследование местности и топоплан свидетельствуют, что в выборе и оформлении будущего местообитания древними задумки максимально использованы естественные условия защиты. Облюбовав этот мыс, они отрезали самой экономной кривой его наиболее выступающую часть, создав таким образом, практически неприступную крепость. С двух сторон их оберегали довольно высокие и крутые склоны балок, а с третьей, napольной, ими воздвигнут мощный оборонительный рубеж (табл. 73; 79). Анализ планировочной структуры памятника, подкрепленный полученными в ходе исследования

дополнительными сведениями, поражает своей стройностью, продуманностью и рациональностью. Складывается впечатление, что проект застройки, своеобразный план существовал до начала работ - настолько отрегулированы и согласованы все части застройки.

Композиционной основой планиграфии поселка стал ансамбль оборонительных сооружений, состоящий из вала-стены, примыкающего к нему дугообразного ряда домов, внешнего рва и системы наружных защитных приспособлений, остатки которых фиксируются по затекам во рву. Главным стержнем оборонительного пояса является "вал-стена". Это название употребляется нами, так как по форме и инженерному решению - это была не просто вытянутая в дугу насыпь, а конструкция с жестким деревянным каркасом, заполненная грунтом и составленная из отдельных прямоугольных в плане блоков-секций (табл. 79:1). Полевые наблюдения и характер разрушения позволяют восстановить процесс сооружения и конструкцию фортификационной системы. Строительство начиналось с возведения вала-стены. Вне сомнения, прежде была осуществлена полная разметка будущих компонентов ансамбля. На отведенной площадке убирался дерн, местами зачищалась поверхность материка. Эти действия вызваны техническими причинами достижения большей жесткости и устойчивости основания "вала". Внешней линией служила траншея под фундамент фасада. Плотной забутованная траншея предохраняла основание фасада от скопления и циркуляции талых и подпочвенных вод, создавая, видимо, необходимый сухой микроклимат, оберегающий деревянные части от гниения. Подобные строительные приемы широко известны по этнографическим материалам исследуемого региона (Липинская, Сафьянова, 1974, с. 174). Намечалась и южная граница пространства, отведенного под конструкцию оборонительной стены. Ею служила линия северных стен примыкающего жилого комплекса. Получалась полоса шириной 4-5 м.

Стена возводилась секционно, по блокам, строительство ее должно было вестись от входа, т.к. именно здесь проходил важный узел обороны. Одновременно шли работы и по сооружению прилегающего жилого помещения. Судя по разрезам, нижняя часть крепостной стены представляла собой тугой, прочный монолит, практически не разрушенный временем. В ее составе кроме перемежающихся слоев серого суглинка и глины встречается и дерево. Фрагменты горизонтально уложенных плах расчищены на отдельных участках. Цокольная часть каждого отдельного отрезка стены имела прямоугольную (или трапециевидную) форму шириной 3-4 м, длиной 8-12 м и являлась основной несущей опорой всей конструкции. Платформа выносилась на передний край траншеи фундамента. После усадки и уплотнения в ней закреплялась ведущая ось стены - бревенчатый частокол, проходивший в 2,5 м от наружного контура вала (табл. 79: I).

В целом в конструкции вала-стены можно наметить два яруса. Нижний реконструируется по комплексу технических деталей, связанных с включенностью жилых строений в архитектуру оборонительного пояса. Высота яруса должна соответствовать высоте дома (2,5-3,0 м). На этом вертикальном отрезке стены укладка грунта ведется по обе стороны бревенчатого частокола. И если фасадная часть должна была оформляться в виде склона, то внутренняя, обращенная к поселку могла иметь отвесную стенку. Ширина этой внутренней грунтовой кладки (0,5-1,0 м) восстанавливается по полосе "мертвой зоны", тянущейся вдоль линии бревенчатого ряда и имеющей слегка углубленное в материю основание. Для предохранения ее от оползания, она, вероятно, закреплялась глиной (см.: профили уч. 14/Л, 13/П) (табл. 77; 79:II) и дополнительно обшивалась деревом. В некоторых случаях сохранились следы столбовых ямок (уч. 12/Г, 14/М) (табл. 75). Между этим выступом вала и стеной жилища оставалось незастроенное пространство шириной 1-1,5 м - своеобразный коридор, который документировался перепадом уровней основания, характером затекания грунта вала в процессе

разрушения (уч. 14/Н, К) и находками здесь вещей, костных остатков. Данный выступ нижнего яруса вала был необходим технически. Он не только закреплял бревенчатую стенку, но и служил опорой боевой галереи - плоского наката, переброшенного к стене на уровне кровли домов (табл. 79:II). Ширина полученного сплошного настила равнялась двум метрам. Но в случае необходимости этот стрелковый коридор мог расширяться за счет алощадки крыши домов.

Выше этой боевой площадки грунт, преимущественно глина, укладывается только с наружной стороны. По размерам верхний ярус должен скрывать защитников крепости - значит был не менее двух метров. Грунтовая кладка с напольной стороны стены должна была подниматься до основания бойниц, т.е. где-то в пределах 1,0-1,5 м. А выше вздымалось лишь острие бревенчатого частохкола (табл. 79).

Таким образом, высота оборонительной стены по приведенным минимальным подсчетам равнялась 4,5-5,0 м. Определяющей является высота нижнего яруса, завершающегося боевой галереей. Ее вертикальные размеры в свою очередь соотносены с высотой прилегающего жилища. Внутренняя сторона вала-стены отвесна в пределах каждого яруса, внешняя, судя по заплыву вала вовнутрь жилой площадки, имела пологий скат (табл. 74). Фасад ее по всей высоте выкладывался глиняными блоками и; вероятно, дополнительно закреплялся горизонтальными бревнами, остатки которых в обугленном виде фиксируются в верхней части заполнения рва. При строительстве каждого блока-секции для сохранения четырехугольной формы и возведения грунтового массива на столь значительную высоту (до 5 и более метров) деревом, вне сомнения, должны были обшиваться торцевые стенки блока. Дополнительно дерево в виде настилов перемежало и связывало грунтового ядро вала. Таковы основные положения принципиальной конструкции вала-стены в ее вертикальном и горизонтальном срезе в рамках отдельной секции (табл. 79).

Интересна архитектурно-пространственная организация оборонительного комплекса в целом. Сплошной массив вала-стены разбивается входом на две неравные части (табл. 79:I). По ряду признаков, среди которых ведущими являются: линия, вычерченная столбовыми ямками, контуры южной стенки рва, форма и размеры канавки под фундамент, установлено, что общая длина западной дуги вала - 32 м, состоит она из трех секций (№№ 1-3). Крайние точки ее продольной оси хорошо читаются в плане по торцовым очертаниям канавки (уч. 14/В, 15/Н). Длина восточного изгиба 20 м, она составлена из двух блоков-секций (№№ 4, 5). Перед входом оставалось незанятое валом пространство шириной 5-7 м. К каждой секции крепостной стены примыкало одно жилище (№№ 1-5) (табл. 75; 79).

Наблюдаются некоторые отличия в архитектуре западного и восточного крыла вала-стены, продиктованные нуждами оборонительного характера. Более компактным выглядит восточный изгиб системы укреплений. Первая от входа секция (№ 4) имеет нестандартную трапециевидную форму основания, смыкающуюся в нижнем объеме с очертаниями жилища № 4. То есть между их стенками нет прохода. Это видно по заполнению разрезов (уч. 14/П, 13/Р, 14/Р) (табл. 77), схеме расположения столбовых ямок и технически объяснимо с точки зрения позиционных задач, которые выполняет этот участок в системе привратных укреплений. Размеры основания секции 6-10 х 4 м.

Ось второй секции (5) несколько смещена вглубь поселка таким образом, что образует легкий коленчатый выступ на месте стыка (табл. 75; 79:1). Такая кривизна изгиба значительно расширяет радиус действия защитников крепости. Они получают возможность контролировать не только подступы ко входу, но и держать под прицелом наружные склоны восточной балки (табл. 73; 79). В плане секция прямоугольная, длина сторон 8-9 м. Между нею и северной стенкой жилища 5 оставалось незастроенное пространство шириной более метра. Этот коридор в сочетании с

проходами между жилищами обеспечивал свободу передвижения, возможность быстрого подъема на верхнюю стрелковую галерею и являлся нижним ярусом обороны. Проход выводил к краю восточного склона, где на небольшой площадке (уч. Т, У10), судя по насыщенности культурного слоя, наличию очага и неясным контурам углублений, возможно, был оборудован своеобразный сторожевой пост. Получалась довольно удобная ниша, застроенная с трех сторон и перекрытая сверху (табл. 75).

Заканчивая характеристику восточной части оборонительного комплекса, следует остановиться на организации усиленной защиты восточного угла городища. Причина этого кроется в очертаниях берегового выреза, в близости балки с довольно пологими склонами, что, вероятно, привлекало нападающих легкостью штурма. И в целом нельзя было допустить проникновения врага в балку, т.к. она, думается, играла немаловажную роль в хозяйственной жизни поселка. Именно по ней могли прогонять скот из поймы в степь, по ее дну явно протекал ручей в дресьности, что решало главную проблему - проблему водоснабжения городища. Это и заставило продумать особую систему защитных мер. Ведущей в ней является сама форма очертаний оборонительных укреплений в этой части. Они как бы вторгаются в балку, рассекая ее продольную ось и раздвигая этим стратегические рамки контролируемого пространства (табл. 73; 79).

Одним из звеньев тактической цепи являлось жилище 6. Строение несколько сдвинуто вглубь поселка и технически не связано с грунтовым массивом вала-стены (табл. 75). Но своим местоположением оно удлиняет пространственную протяженность фортификационного пояса, логически завершает и замыкает его, усиливая оборону восточных рубежей. Построенное на самой кромке склона, жилище позиционно выполняло роль своеобразного бастионного выступа по отношению к балке. Вне сомнения, конструктивно оно было подключено к общей системе стрелковых галерей. Его крыша могла быть использована как боевая площадка верхнего яруса, внизу создавались условия для эффективной организации подошвенного боя. И еще одна существенная деталь, подчеркивающая особое внимание к восточному углу - это наличие здесь постоянного дозорного пункта, расположенного между рвом и жилищем 6 (табл. 73; 75).

Западное крыло оборонительного комплекса составлено из трех неодинаковых по размерам блоков длиной 10, 12 и 8 м. Возведение его началось от входа. Дугообразность плана достигнута за счет ступенчатого смещения длинных осей секции вглубь поселка и подчеркнута легким замыкающим поворотом на юг крайней секции у западного склона мыса. Жилища, входящие в состав фортификационных укреплений, вытянуты в одну линию, обращены к ней длинной стороной, имеют одинаковую ширину 4 м и стоят друг от друга на расстоянии 3-5 м (табл. 75; 79:1).

В композиционной структуре этой части вала-стены спланировано и технически оформлено начало одной из коммуникаций поселка, логически являющегося продолжением входного лабиринта. Схема размещений его проста по инженерному замыслу и одновременно отвечает фортификационным требованиям обороны и безопасности. Активным планировочным элементом выступает жилище 3. Оно не вычленяется из общей цепи жилищного ряда, но позиционно обеспечивает дополнительную защищенность входного комплекса и конструктивно образует одну из сторон коленчатого изгиба улицы.

Исходный прямой отрезок пути пролегает по коридору, оставленному между стенами жилища 3 и первой от входа секции вала (3). Ширина коридора 1,5-2,0 м. Он перекрыт сверху и одновременно является началом стрелковой галереи западной дуги. Коридор, огибая дом, выводит на самую широкую магистраль поселка, направленную на юг. Здесь между жилищами 2 и 3 зафиксировано широкое пространство (5 м), свободное от застройки. Эти участки привлекали внимание еще в процессе раскопок легким понижением материка (0,1-0,2 м) и отсутствием находок. Угловые грани

противоположной стороны образованы изгибом юго-восточного края среднего вала, сливающегося с восточной стенкой жилища 2 (табл. 75; 76).

В конструкции двух крайних секций отмечены незначительные отклонения. Поперечные разрезы в сочетании с линией углубления материка под вал, совпадающей с очертаниями северных стенок жилищ 1 и 2, свидетельствуют об отсутствии здесь внутреннего прохода. Грунтовая кладка идет прямо от стен примыкающих жилищ. Сквозное движение вдоль западной дуги оборонительной системы осуществлялось только по верхней босвой галерее. Необходимость в оборудовании нижнего яруса обороны отпадала, т.к. из-за конфигурации мыса и очертаний берегового выреза северная напольная сторона оказывалась недосягаемой для подошвенного обстрела, а опасность с запада практически исключалась. Русло Ишима примерно в 100 м от мыса прижимается к правому коренному берегу и оказывается в пойме с этой стороны можно только по воде (табл. 73).

Таковы принципиальные особенности архитектурного строя фортификационного комплекса. Необычность его, свидетельствующая о достаточно высоком уровне и глубоких традициях военного зодчества, заключается в рациональном способе построения. Оборонительный пояс составлен из пяти отдельных блоков, размещенных по дуге. Композиционной вершиной дуги является участок входа. При такой планировочной структуре каждый следующий выступ стены становится своеобразным бастионом, обеспечивающим достижение наиболее полного контроля прилегающего пространства без возведения специальных технически-сложных башен. С бастионных площадок становится возможным не только эффективное отражение прямых атак, но и фланкирование подступов к стене.

В процессе раскопок накоплен ряд косвенных деталей, уточняющих конструкцию оборонительной стены. Среди них привлекают внимание контуры основания глиняной крепиды вдоль западного фасада (табл. 75). Необходимо указать, что это уровень вала (0-10 см), не подвергшийся разрушению, и глина сохранила первоначальные ступенчатые очертания плана, приблизительно совпадающие с выступами бревенчатого цастокола. На протяжении 22 м от западного торца вала-стены в рамках двух крайних секций (1 и 2) четко читаются три прямых отрезка длиной 6-10 м, шириной 0,5-0,75 м заполненные глиной. Вне сомнения, этот рисунок отражает реальную картину оформления наружных склонов вала-стены. Фасад не имел сплошной гладкой поверхности даже в пределах отдельного блока. Он был расчленен, разбит рядом поперечных выступов. Такая обработка фасада, с одной стороны, являлась конструктивным приемом, придававшим стене дополнительную жесткость и прочность, а с другой усиливала ее оборонные качества. Косвенным подтверждением такого облика стены являются изломанная линия очертаний рва, и остатки обгоревших горизонтальных бревен длиной до 6 м, расчищенные в завале рва (табл. 75).

Еще одна частная деталь касается особого положения средней секции (2) западного отрезка фортификационных укреплений. Именно на этих участках сохранился самый высокий останец вала (+40, +45), вдоль него внешняя граница развала перекрывает очертания рва (табл. 74). Складывается впечатление, что восточная половина секции 2 была дополнительно укреплена, подсыпана, возможно, до сооружения специальной грунтовой башни, несколько возвышающейся над общим уровнем оборонительного комплекса. Технически построение такой башни объяснимо даже не в смысле укрепления внешних позиций, а скорее как "огневая точка", контролирующая начало одной из улиц. Необычная массивность крепостной стены на этих участках, подкрепленная такими фактами, как значительная до 5 м ширина прохода между домами 2 и 3, легкое понижение материкового грунта, - находят еще одно логическое объяснение. Думается, именно здесь могла проходить главная транспортная магистраль на время строительства крепости. Вход, как основа

пространственной композиции поселка, должен был оформляться в первую очередь. Доставка грузов, стройматериалов через такой узкий проход как ширина ворот (1,2 м) была крайне затруднительна. Поэтому единственно возможным для этих целей местом в фортификационной цепи является промежуток участков восточной половины секции 2, выделяющийся инженерно и прилегающий к одной из будущих "улиц". Возведением этой части секции 2 завершались основные строительные работы на территории городища (табл. 79:1).

Наиболее уязвимым в тактическом отношении является участок входа, поэтому его защите уделялось особое внимание. Следы столбовых конструкций рисуют сложную лабиринтную систему укреплений, построенных на внутренней площадке входа, т.е. наиболее активный участок обороны перенесен вовнутрь. Входной комплекс занимает пространство подквадратной формы с длиной сторон 6 м (табл. 76).

Предвратная конструкция составлена направляющим коридором с широким устьем и узкой перемычкой ворот. Судя по торцовым очертаниям рва и глубине ямок, ворота крепились на средней паре столбов, самых глубоких (0,7-0,9 м). Ширина ворот 1,2 м. Дальнейшее прямое продвижение во внутрь пресекалось деревянной стеной, поставленной поперек входа в 1,2 м от рва. Длина заслона около 2 м (уч. 014). Наткаясь на него, поток вынужден дробиться, обтекая преграду с двух сторон (табл. 79).

Направляющей стороной западного "рукава" лабиринта служит бревенчатый частокол, выступающий из юго-восточного угла западной секции вала (3). Он скошен таким образом, что удлиняет опасный отрезок пути и преграждает проникновение на запад, во внутренний коридор, являющийся началом одной из улиц. Длина выступающей деревянной стены около 3 м (уч. Н14). Ширина образованного изгиба по-прежнему равняется 1,2 м. Только обогнув очередной заслон, неприятель мог выйти на открытую площадку и оттуда прорываться либо на юг, либо на запад. Восточное ответвление лабиринта ограничено сплошной плоскостью торцовой стенки вала, смыкающейся с жилищем 4. Жилище развернуто так, что пространственно замыкает южные рубежи привходовой площадки. Плотнo обстреливаемый с двух сторон с крыши домов 3 и 4, неприятель оказывался практически в ловушке. Теоретически легче было ему прорываться на запад в крытый коридор, чем на юг. Но думается, выйти из коридора на улицу (между домами 2 и 3) не позволяла "огневая точка" секции 2 (табл. 79).

Итак, главным защитным свойством входного комплекса является его лабиринтное оформление и незначительная ширина. Практически весь путь от ворот представляет собой узкий коридор (1,2 м), продвигаться по которому можно только по одному. И буквально каждая точка лабиринта находится под прицельным огнем с двух сторон; в такой ситуации штурмующие просто превращались в удобную мишень. Таким образом, мы видим, что пытаться проникнуть на территорию поселка через вход - опасная и напрасная затея.

Несколько замечаний о технической отделке входного комплекса. Главным строительным материалом являлось дерево. Вне сомнения, им были обшиты торцы вала, рва, стенки внешнего коридора. Именно обилие деревянных конструкций объясняет ту высокую степень прокалиненности грунта до состояния спекшихся "лепешек", зафиксированную на участках, граничащих со входом. Как уже указывалось, все столбовые ямки имеют незначительную глубину, вероятно, они служили просто вертикальным каркасом горизонтально срубленных строений. И еще одно наблюдение. Такие детали как взаиморасположение столбов у края рва, многослойный завал бревен в заполнении, на дне рва у входа, наводит на мысль, что привратная площадка могла иметь какое-то перекрытие в виде башни, занимающей ключевую позицию в защите входа. Строение это связывало два крыла вала и

обеспечивало сквозное движение по верхней галерее вдоль всей оборонительной стены.

Одним из элементов фортификационной системы является ров. Срезанные на некоторых участках наружные стенки фундамента вала, ломанные очертания рва в плане, соответствующие направлению прямых отрезков блоков вала свидетельствуют, что ров был выкопан после завершения строительства вала-стены и является своеобразным отделочным актом. Незначительные размеры рва позволяют утверждать, что он не играл какой-либо серьезной оборонительной роли, а скорее всего использовался как водоотводная траншея. Такое назначение его объясняется необходимостью оградить грунтовую стену фортификационной линии от водных потоков, устремляющихся весной к балкам со стороны степи. Стенки рва, вероятно, с целью предохранения от быстрого разрушения обшиты деревом. Существовавшая в древности прочная бревенчатая облицовка способствовала сохранению практически первоначальной формы внутренней стенки. Вне сомнения, скос ее являлся продолжением уклона нижней цокольной части вала-стены (табл. 77; 79:2).

Характер заполнения рва служит дополнительным источником, уточняющим конструкцию фортификационной системы и процесс ее разрушения. Грунт придонной части рва отличается по цвету и структуре от серого суглинка вала-стены. Он перемежается прослойками обгоревшего дерева, глины и явно проник с напольной стороны (табл. 77). Это обстоятельство с учетом нивелировочных ходов пробитых за пределами рва вдоль траншеи и по линии "Н", "О" свидетельствует о существовании здесь в древности дополнительного наружного пояса защитных сооружений. Он не фиксировался визуально, вероятно, не был столь массивен и монолитен как основной вал, но также был сложен из дерна с применением глины и дерева. У его южной подошвы проходила канавка, часть которой зафиксирована на северо-западных участках мыса (В-К\16) (табл. 75). Возможно, канавка появилась за счет выемки грунта, но в любом случае все эти конструкции значительно повышали оборонный потенциал городища. Дополнительный "вал", возведенный в 10-15 м севернее рва мог использоваться как первая линия обороны и одновременно являлся серьезным фактором, сдерживающим мобильность и маневренность нападающих, особенно конницы (табл. 79:2).

Судя по заплыванию рва, эта внешняя конструкция разрушилась в первую очередь. И только после того как развал ее почти сивелировал ров, началось осыпание вала-стены. Сначала падает обгоревшее дерево облицовки, затем постепенно затекает глина крепиды и все это перекрывается сверху прокаленным грунтом (табл. 79:1). По поперечным разрезам и современным нивелировочным отметкам видно, что основная масса вала сместилась на внутреннюю жилую площадку и почти перекрыла прилегающий ряд домов (табл. 74). Интенсивному разрушению его наружу, препятствовал общий уклон фасада и довольно массивный панцирь глиняной крепиды.

Таким образом, городище Ак-Тау имело мощную систему фортификационных укреплений. Основой ее являлась дерево-грунтовая конструкция вала-стены, достигающая высоты 5-5,5 м. В архитектуре ее в технически-рациональной форме заложен принцип двух уровней обороны: наземный, по внутристенному коридору и верхней боевой галерее. Наземный уровень обороны автономен в рамках каждого крыла оборонительной дуги и активен лишь на наиболее опасных участках (вход, склоны). Верхняя стрелковая галерея была сквозной по всему поясу фортификационной системы. Оптимальной с точки зрения военного искусства являлась и пространственная композиция вала-стены. Легкое смещение продольной оси каждого блока-секции дополнительно расширяло радиус действия защитников крепости, обеспечивая контроль не только над пространством перед стеной, но и фланкирование подступов к ней.

Фасад вала-стены имеет уклон (табл. 79:II). Цокольная часть ее помимо мощного глиняного

панциря имела, вероятно, и облицовку из горизонтально закрепленных горбылей. Привлекает внимание обилие прокала, обнаруженного в верхнем заполнении рва. Присутствие его в тех или иных объемах в разрезах оборонительных конструкций городищ лесостепной полосы отмечается исследованиями археологов (Иванов В.А., 1984; Борзунов, Новиченков, 1988; Моруженко, 1985; с.169; Плетнева, 1989, с.14). Происхождение прокала может быть двоякого рода: вследствие пожара или намеренного использования обожженного грунта в целях технологического (удобства и прочности формовочной массы) и идеологического (освящения, оберега) эффекта. В данном случае анализ имеющихся фактов не позволяет решить проблему однозначно. Скорее всего источником прокала служат оба фактора. Мы имеем находки обугленных плах в заполнении рва, явно свидетельствующих в пользу случившегося пожара. Но с другой стороны, удивляет компактное заделение прокала только с наружной стороны и на определенном уровне, что позволяет предполагать специальное использование его в виде своеобразного облицовочного материала верхней части фасада крепостной стены. Возможно, при обжиге глиняная масса формовалась в виде отдельных "кирпичей", остатки которых вываливаются аморфными "лепелками". Традиция намеренного обжига глины при возведении грунтовых конструкций подкрепляется существованием курганов эпохи железа, насыпи которых сложены из прокаленного грунта (Зданович Г.Б., Малютина, Зайберг, 1978, с. 514).

У подошвы вала-стены был выкопан ров глубиной 1,3-1,5 м, технически затруднявший непосредственный штурм крепости и предохранявший массив стены от излишней влаги. С напольной стороны в 10-15 м от рва проходила дуга внешнего вала, служившего вспомогательным рубежом обороны. Эта конструкция, гораздо меньшая по размерам, также состояла из грунта и дерева. Подобная схема фортификационных ансамблей - явление традиционное и широко распространенное с глубокой древности до нового времени. Основные и вспомогательные пояса защитных сооружений окружают античные города Средней Азии, жилые площадки скифских городищ, древнерусские крепости и сибирские грады XVIIв. (Хожаниязов, 1981, с. 46; Ковпаненко, Бессонова, Скородум, 1989, с. 21; Брашинский, Марченко, 1980, с. 215; Куза, 1985, с.108; Баландин, 1974). Характерны они для городищ эпохи железа Урала и Сибири (Борзунов, Новиченков, 1988, с.94-103; Морозов, Сосновкин, 1976, с.104-106).

Рациональные знания, выработанные многовековой практикой военного дела, закреплялись и претворялись как наиболее оптимальные и выразительные. Этим объясняется сходство не только планировочной структуры памятников военного зодчества, но и многих принципиальных деталей технического исполнения. Мощност и прочность оборонительного комплекса городища Ак-Тау достигались за счет слияния в единой архитектурной композиции двух функциональных начал - жилых строений и крепостной стены. Без дополнительных трудовых затрат увеличивалась жесткость и масштабность защитных конструкций. Этот строительный прием известен с неолитических укреплений Средней Азии (Хлопин, 1964, с.80-85) в оборонной архитектуре поселений эпохи бронзы (Зданович Г.Б., 1989, с.181-184) и без принципиальных изменений зафиксирован в облике сибирских крепостей (Баландин, 1974, с.30; Крадин, 1986, с. 249).

Предельное использование естественных условий безопасности позволило древним строителям ограничиться возведением мощного оборонительного рубежа лишь с напольной стороны. Но это не отрицает возможного существования бревенчатого заградительного заслона по всему периметру жилой площадки. Несмотря на высокие и крутые склоны (табл. 73; 79:III), необходимость таких дополнительных мер объективна и объяснима. Открытые межжилищные пространства по краю мыса, вне сомнения, увеличивали опасность для его обитателей и затрудняли организацию обороны.

Археологические следы такого кругового пояса не обнаружены. Причина кроется, вероятно, в некотором изменении мыса. Линия склона практически отрезала юго-восточный угол жилища 6, южную часть жилища 7 Б, западную часть жилища 10, опозла и стрелка мыса (табл. 75). Наиболее вероятней могла быть бревенчатая стена, соединяющая наружные стены домов, выходящих к краям мыса. Площадки краем также могли использоваться как бастионные выступы при защите крепости (табл. 79).

Планировочная структура городища. Жилая площадка застроена довольно плотно. Планировка ее подчинена целям оборонного характера. Наиболее выразительным является северный ряд домов, повторяющий дугообразную схему вала-стены. Он выглядит несколько обособленно (табл. 75). В размещении остальных строений читается ряд двухкамерных жилищ, тянувшийся параллельно западному склону мыса или руслу реки. За начало его можно взять жилище № 2. В таком случае композиционная структура городища состоит из трех рядов домов: восточного (жил. 3-6), центрального (жил. 2, 7, 8, 9) и западного, сохранившегося частично (жил. 1, 10). Из среднего ряда выделяются малые камеры жилищ №№ 8 и 9. Их нерегулярность технически объяснима. Они выдвинуты ко входной части, позиционно запирают ее с юга и образуют коленичатый поворот одной из "улицек" городища. Дома стоят на расстоянии 1-2 м друг от друга, ширина "улиц" 4-5 м. Улицы начинаются от входа. Одна ведет на юг между жилищами №№ 3 и 4 и поворачивает на юго-восток вдоль длинных стен жилищ 8Б и 9Б к незастроенной площадке у восточного склона мыса (табл. 75). Вторая отгибает жилище № 3 с севера и запада и, опираясь в строение 8А, разветвляется на запад и юг. На территории крепости две свободные площадки у западного и восточного склонов мыса. Судя по насыщенности культурного слоя, они использовались для хозяйственных целей. Таким образом, в планировочной композиции городища зафиксировано своеобразное преломление линейного и кругового принципов застройки.

Конструкция жилища. Мы располагаем незначительным количеством прямых археологических сведений о конструкции жилищ городища Ак-Тау. На территории раскопа зафиксированы прямоугольные очертания трех построек (№№ 1, 2Б, 6), столбовые ямки, намечающие линии некоторых стен (жил. №№ 4, 5, 7А) и канавки, связанные с устройством стен и входов. Все это остатки конструкций, углубленных в материк не более 0,1-0,2 м. Несмотря на скудость конкретного археологического источника, обширные знания, накопленные экспедицией, по эволюции древних жилищ Урало-Казакстанского региона позволяют реконструировать постройки городища Ак-Тау как наземные, срубные. Деревообрабатывающая технология домостроительства была освоена еще в эпоху неолита, о чем свидетельствуют жилые постройки поселения Ботай (Зайберг, 1993, с. 20-38). В эпоху бронзы расцветают и распространяются два направления строительной техники: срубная и каркасная. Наземные срубные дома преобладают в раннеалакульское время (Петровка, Кулевчи IV). В последующие периоды бронзового века эта традиция затухает, уступая место крупным полумезолитическим жилищам каркасного типа (Зданович Г.Б., 1988; Ковалева, Шгадлер, 1989, с. 155; Зданович С.Я., 1983а). Высокий уровень достигнутого мастерства и традиции строительной практики раннего железного века отражают архитектурные формы деревянных погребальных сооружений, вскрытых под насыпью крупных курганов. Они имеют разнообразную планировку и выполнены как в срубной, так и в каркасной технике (Зданович Г.Б., Хабдулина, 1986, с. 55; Хабдулина, Малютина, 1982, с. 76).

Эти свидетельства, дополненные этнографическими материалами, подтверждают правильность нашей реконструкции. По этнографическим источникам наиболее оптимальным видом постоянного жилища данного природно-климатического региона является срубная постройка. Основным строительным материалом были сосна и береза. Судя по палинологическим и почвенным исследованиям, проведенным на территории Северного Казахстана, недостатка в лесе жители позднего голоцена не

испытывали. Сосново-березовые леса произрастали по вершинам грив и отдельными языками проникали далеко на юг в пределы современной степной зоны (Кунцуаков, 1984, с. 100; Маланьин, Сметана, 1989, с. 27-28). Подобная ситуация сохранялась вплоть до второй половины II тыс. н.э. По архивным документам известно, что основным материалом при строительстве сибирских крепостей "Торьской линии", некоторых казахских зимовий и русских селений XVII-XVIII вв. служили сосна и отчасти береза (Бенюх, 1974; Миллер Г.Ф., 1941, с. 27; Из отписки Тобольского воеводы..., 1959, с. 47-48; Александров, Липинская, Сафьянова, 1981, с. 120).

Вероятно, не все постройки городища Ак-Тау имели венцовую кладку. Столбовые ямки, намечающие линии стен некоторых жилищ свидетельствуют о применении столбовой техники с горизонтальной закладкой проемов более короткими бревнами. Возможно, это было связано с характером и количеством заготовленного материала.

Высота жилищ (2,5-3,0 м), предложенная при описании оборонительной системы, определена, исходя из анализа архитектуры деревянных надмогильных сооружений курганов раннего железного века, тщательного исследования энеолитических жилищ поселения Ботай с их преследующей экспериментальной реконструкцией и информацией, полученной с поселения финальной бронзы Саргары (Зданович Г.Б., Хабдулина, 1986, с. 55; Зайберт, 1993; Зданович С.Я., 1983а). Дополнительной аргументацией служат этнографические сведения о том, что количество венцов в домах Западно-Сибирской лесостепи преимущественно равнялись 10-15, а для строительства заготавливался лес диаметром не менее 20-25 см (Александров, Липинская, Сафьянова, 1981, с. 124).

Что касается формы кровли, то, скорее всего, она была плоская или односкатная. Это вытекает из полифункциональности основной части построек городища Ак-Тау. Они служили не только жилищными помещениями, но и составными элементами оборонительной системы. И в этом качестве крыши их могли использоваться как боевые площадки верхней галереи обороны. С этих позиций наиболее удобными были плоские накаты. Вероятность именно такой реконструкции подтверждается шириной жилищ. Она не превышает 4-5 м, что является оптимальным стандартом строительного перекрытия без дополнительного внутреннего каркаса (Черняк, 1987; Неразик, 1976, с. 162). Остатки бревенчатой кровли расчищены в придонной части жилища 7Б (табл. 75).

В планировке и архитектуре жилищ немаловажным маркирующим элементом является вход. На городище выделяются два типа входов: коридорообразный, продолжающийся внутри помещения, и короткий угловой в виде тамбура. Оба характерны для жилищ саргатской культуры и находят массу аналогий в этнографии народов лесостепной и степной зон (Корякова, 1988, с. 38). Интерес представляют длинные коридорообразные входы, ставшие традиционными в домостроении поздней бронзы. Появление их следует рассматривать как результат развития строительной практики, выверенной суровыми природно-климатическими условиями, заставлявшими связывать коридорообразными переходами различные по назначению помещения. Нередко это приводило к созданию единого замкнутого комплекса, охватывающего чуть ли не всю территорию поселка (Маргулан, 1979, с. 165; Зданович С.Я., 1983а). Длинные коридорообразные входы городища Ак-Тау предоставляют дополнительные возможности тепловой изоляции, могли использоваться как дымоходы, каналы тяги очагов, элементы хозяйственной организации интерьера. Обнаруженные в них остатки очагов, возможно, выполняли роль своеобразных кондиционеров, претраждавших доступ холодного воздуха в помещение. Конструкции входов четырех жилищ (№№ 3-6) имели по одной паре столбов у внешних очертаний. Назначение их неясно, может быть, это следы каких-либо навесов, или они связаны с архитектурой оборонительного комплекса.

Организирующей основой интерьера жилищ являются очаги. С ними связаны все зафиксированные очертания и большинство находок. Очаги открытого типа. Существование дополнительных конструктивных деталей свидетельствуется одной-двумя столбовыми ямками, расположенными у очажного пятна (табл. 78; 75). Обязательным кухонным приспособлением являются ямки под сосуды. К приочажному пространству относятся и узкие канавки, заполненные золой. В некоторых из них обнаружены сосуды, аккуратно раставленные и присыпанные до плечиков золой (жил. 4). Судя по содержанию, канавки служили не только в качестве выгребных ям, но и возможно, своеобразных подогревающих устройств при приготовлении пищи. Из этнографии известно, что подобные углубления, заполненные золой, в зимнее время застилались шкурами и служили теплыми лежанками (Востров, Захарова, 1989, с. 35).

Жилые конструкции городища Ак-Тау представлены одно- и двухкамерными постройками. В планировке двухкамерных жилищ зафиксированы разнообразные виды связок, известные с эпохи бронзы и распространенные в домостроении саргатского времени. Все помещения крепости жилые. В каждом обнаружен очаг или два, найдены фрагменты сосудов. Единственным исключением является камера Б жилища 2, построенная, видимо, для хозяйственных нужд. Рядом с ней на открытой площадке расчищены скопления камней, очажные пятна, керамика. Судя по насыщенности культурными остатками, наиболее обитаемыми являлись жилища №№ 3, 4, 7. Отсюда происходит большинство фрагментов вещей, костные остатки, чешуя рыб, развалы сосудов. Необходимо отметить, что межжилищные пространства выделяются бедностью находок. Вероятно, это отражение непродолжительности существования поселка.

Внутренняя планировка и в целом архитектурный строй городища свидетельствует о его узкоспециальном назначении - как крепости-убежища для защиты людей.

Глава IV

Погребальный и поселенческий инвентарь: классификация и хронология

Основой хронологических построений сако-сарматской эпохи Северного Казахстана является вещевой инвентарь курганов и поселений. Классификация произведена по отдельным категориям инвентаря с применением традиционных методов: формально-типологического, метода аналогий и статистической обработки. Последний использован для анализа керамических комплексов поселений. Систематизация предметов материальной культуры позволяет представить основное направление культурно-исторического развития исследуемого региона с подробной характеристикой отдельных хронологических этапов.

IV.1. Наконечники стрел. Основное количество наконечников стрел происходит из погребений. Лишь единичные экземпляры найдены при раскопках поселений. Всего в исследованных комплексах раннего железного века Северного Казахстана содержится 250 наконечников, входящих в состав 32 колчанов. Стрелы выполнены из бронзы, железа, кости, дерева, встречено два каменных наконечника.

П Е Р И О Д Ы	К-во колч	М А Т Е Р И А Л					В С Е Г О
		бронза	железо	кость	дер.	кан.	
II - IV в.в. н.э.	6	-	-	40	-	-	40
II в. до н.э. - I в. н.э.	4	-	51	-	-	-	51
IV-II в.в. до н.э.	9	18	12	26	-	1	57
VI-V в.в. до н.э.	5	15	-	12	1	-	28
VIII-VII в.в. до н.э.	8	63	-	8	2	1	74
ИТОГО	32	96	63	86	3	2	250

Прежде чем перейти к типологической характеристике данной категории инвентаря необходимо сделать несколько вводных замечаний. При изложении не выдержана последовательность, отраженная в таблицах 50, 51. Таблицы составлены на основе классических канонов классификации наконечников стрел скифо-сарматской археологии (Смирнов К.Ф., 1961; Мошкова, 1963; Акишев, Кушаев, 1963; Вишневская, 1973; Литвинский, 1972). При попытке выделить состав колчанов по хронологическим этапам - это оказалось возможным только для бронзовых наконечников стрел. Железные и костяные наконечники не поддаются дробной хронологической систематизации. Среди массива костяных наконечников датируемыми являются только втульчатые, которые по сечению и форме пера распределяются в пределах VIII-III вв. до н.э. Типы костяных черешковых наконечников стрел без особых изменений просуществовали от эпохи бронзы до нового времени. Во времени определены только те типы, которые оказались совмещены с бронзовыми наконечниками стрел. Во избежании повторов, для костяных и железных черешковых наконечников стрел приведена сквозная типологическая характеристика с указанием эволюционных изменений. Для обобщений достаточно наглядными являются таблицы 50 и 51.

VIII-VII вв. до н.э. представлен 8 колчанами с 74 наконечниками стрел. Употреблялись стрелы бронзовые, костяные, единично деревянные. В одном случае оказался кремневый наконечник, вероятно, положенный как амулет. Бронзовые наконечники стрел (63 экз.) по способу насада втульчатые и черешковые. Втульчатые по сечению головки разделяются на четыре группы, внутри которых по форме пера и насада выделены типы (табл. 50).

Отдел А. Втульчатые наконечники. Группа I. Втульчатые двухлопастные (21 экз.).

Тип 1. Наконечник с продолговато-линовидной формой пера (1 экз.) длиной 4,0 см имеет массивную втулку через все перо (табл. 50:1; 9:1). Относится к архаичным типам известным в евразийских степях с эпохи бронзы. Достаточно яркие экземпляры представлены в позднебронзовых коллекциях Казахстана (Акишев, Кушаев, 1963, с.117; Аванесова, 1975, с.44). Датируется VIII-VII вв. до н.э. В нашем случае ранняя дата подтверждается присутствием сосуда позднебронзового облика (табл. 10:1).

Тип 2. Наконечники с ромбовидной формой головки распадаются на два варианта: овально-ромбовидной формой пера и ассиметрично-ромбовидной (табл. 50:2,3). Первый вариант (12 экз.) размерами 4,4-4,8 см имеет утяжеленную ромбическую в сечении головку, втулка доходит до середины пера. Комплекс наконечников из кургана I Покровка снабжен шипами на втулке (Зданович Г.Б., 1969, с. 71). Наконечники с ассиметрично-ромбовидными очертаниями пера (8 экз.) длиной 4,2-4,6 см имеют втулку через все перо, четырехгранный кончик острия, отточенные края лопастей. Среди этого варианта есть три экземпляра, лопасти которых смыкаются с основанием втулки, т.е. они ближе к наконечникам двухлопастным со скрытой втулкой, характерным для эпохи поздней бронзы (табл. 14:3). Описанные наконечники относятся к т.н. "доскифским" формам, достаточно широко распространенным в восточном ареале степей в комплексах VII-VI вв. до н.э. (Медведская, 1972, с. 83; Кадырбаев, 1966, с. 378; Вишневская, 1973, с. 96; Литвинский, 1972, с. 93). Известны они и в сарматских сериях - тип I,VA (Смирнов К.Ф., 1961, табл.1). Происхождение их связывается с андроновской территорией (Аванесова, 1975, с. 37,38; Медведская, 1980, с.28).

Группа III. Втульчатые четырехлопастные (3 экз.).

Тип 1. Наконечник четырехлопастной образован взаимоперпендикулярным расположением плоскостей двух двухлопастных наконечников с ассиметрично-ромбовидной и листовидной формами головок. Выступающая втулка проходит через все перо. Кончик острия и края лопастей заточены.

Длина стрелок 4,4 см (табл. 50:5; 15:28-30). Единичные экземпляры втульчатых и черешковых четырехлопастных наконечников встречаются на протяжении всего раннего железного века (Худяков, 1986, с. 38). Наконечники, найденные в комплексах поздней бронзы и начала железа Сибири и Казахстана (Матющенко, 1973, с.16; Членова, 1967, с. 263, табл. 13, 15; Акишев, Кушася, 1963, с. 117, 13; Аванесова, 1975, с. 36; Кызласов, 1977, с. 74), недостаточно выразительны и фрагментарны. Наши наконечники отлиты в одной форме, имеют прекрасную сохранность, входят в состав одного колчана, набор которого относится к VII вв. до н.э.

Группа V. Втульчатые четырехгранные (21 экз.).

Тип 1. Наконечники ромбовидные ромбического сечения с внутренней четырехгранной втулкой. По оформлению граней выделяются следующие варианты: а) наконечники с гладкой поверхностью граней, шипастые (5 экз.); б) с крестовидными нервюрами и ложками треугольной формы на верхней половине граней. Основание неровное (15 экз.); в) один экземпляр имеет четырехгранное острие, отделанное арочным вырезом от нижней чуть уплощенной части пера. Длина стрелок 4,0-4,4 см (табл. 50: 6, 7, 8). Ромбовидные ромбического сечения наконечники характерны для восточного ареала культур раннего железного века. Происхождение их связывается с территорией Казахстана и Средней Азии (Толстов, Итина, 1966, с. 162; Вишневская, 1973, с. 91; Кулемзин, 1976, с. 47). Наиболее распространенным является первый вариант с гладкими гранями, ведущий свое начало от костяных четырехгранных наконечников поздней бронзы (Литвинский, 1972, с. 95). По комплексам Памира, Приаралья, Казахстана время распространения ромбовидных ромбического сечения наконечников VIII-VI вв. до н.э. На нашей территории этот тип входит в один колчан с двухлопастными наконечниками ассиметрично-ромбовидной головкой с шипом на втулке, что позволяет датировать его VII в. до н.э. (табл. 15).

Группа VI. Пулевидные (2 экз.). Тип 1. Узкий наконечник слегка огранный, основание неровное, длина 3,3 см. Острие чуть заточено (табл. 50: 9).

Тип 2. Пулевидный наконечник высотой 1,8 см имеет подчетырёхгранное острие образованное легкими дугообразными выемками (табл. 50:10). Аналогичной формы наконечники из бронзы известны в комплексах кургана Аржан (Грязнов, 1980, с. 22, рис. 11, 12). Круглые наконечники выполненные из кости характерны для пред- и раннескифского времени (Шарафутдинова, 1980, с. 123, табл. XXXIII; Тереножкин, 1976, с. 134; Смирнов К.Ф., 1964, рис. 3; Маргулан, 1979, с. 321, рис. 232).

Отдел Б. Черешковые наконечники стрел (18 экз.). По сечению головки трехлопастные и трехгранные. Группа I. Черешковые трехлопастные (8 экз.).

Тип 1. Со сводчатой головкой, шипастые и с прямым основанием. Встречаются экземпляры, у которых черешок в виде валика проходит через все перо и ниже основания уступом переходит в плоский насад (табл. 50:20).

Тип 2. Трехлопастные с треугольной головкой, прямым основанием пера (табл. 50:21). В некоторых случаях черешок в виде валика фиксируется у основания головки. В обоих типах преобладают наконечники с массивными головками с черешком равным по длине высоте пера. Размеры головок 2,0-3,0x1,2-1,7 см.

Группа II. С треугольной и башневидной головками, шипастые и с прямым основанием, различаются формой выреза на гранях: с дуговидным или арочным вырезом и с трапецевидным вырезом (табл. 50:22, 23). Часть наконечников у основания головки имеет круглый в сечении черешок переходящий ниже в плоский клиновидный насад. Четыре экземпляра выделяются

короткими черешками не превышающими по длине высоту головки. Черешковые наконечники происходят из 7 колчанов. Встречаются в сочетании с втульчатыми двухлопастными и четырехгранными и с костяными черешковыми. В наших колчанах бронзовые черешковые наконечники стрел сведены с типами, которые не встречаются позже VII в. до н.э. (табл. 15).

Костяные наконечники раннесакского времени представлены двумя колчанами с 8 стрелами (Берлик, к.1; Бектелиз, к. 3)(табл. 13:3, 4). Принадлежат к отделу втульчатых и черешковых. Втульчатые представлены одной группой четырехгранных.

Отдел А. Втульчатые наконечники стрел: Группа П. Втульчатые четырехгранные (3 экз.).

Тип 1. Наконечники башневидной формы с треугольной формой острия и параллельными гранями пера ромбические и квадратные в сечении, шипастые и с ровным базисом. Размеры 3,6-4,4 x 0,9 см (табл. 51:1, 2). Подобные наконечники с предскифского времени встречаются в колчанах лучников евразийских степей (Тереножкин, 1976, с. 33, с. 102, рис. 65).

Отдел Б. Черешковые наконечники стрел (5 экз.). Представлены четырехгранными и овальными в сечении наконечниками¹ (табл. 51:5,8,9). Деревянные наконечники (2 экз.), круглые в сечении с тупым кондом (Зданович Г.Б., 1969, с. 71). Встречаются в колчаных наборах Памира (Литвинский, 1972, с. 105).

VI-V вв. до н.э. - 5 колчанов, 28 стрел. Изготовлены из бронзы, кости, единично встречаются деревянные наконечники. Бронзовые наконечники стрел (15 экз.) по способу насада втульчатые. По сечению головки разделяются на три группы, по форме пера на три типа (табл. 50).

Группа I. Втульчатые двухлопастные (1 экз.).

Тип 3. Наконечник со сводчатой головкой с узкими прямообрезанными внизу лопастями, выступающей втулкой (1 экз.). Длина 3,4 см. Острие массивное ромбическое в сечении, отделено от лопастей и втулки вертикальными арочными ложками. По всей длине втулки - рваная щель (табл. 50:4). Это редкий тип наконечников. В сводке К.Ф.Смирнова упоминается только о двух экземпляров (тип IX), датированных VI-V вв. до н.э. (Смирнов, 1961, с.43). Близкий по форме наконечник известен среди ананьинских древностей. С.В.Кузьминых относит его появление на Нижней Каме к VI-V вв. до н.э. (Кузьминых, 1983, с.105). Праформы этого типа выстроены Н.А.Аванесовой в эволюционный ряд стрел эпохи бронзы. Завершающий его тип XIX в дальнейшем мог трансформироваться в описываемый тип наконечников раннего железного века (Аванесова, 1975, табл. 2). Наш наконечник идет в комплексе с втульчатыми трехлопастными распространившимися на территории Казахстана в VI-V вв. до н.э.

Группа 2. Втульчатые трехлопастные (11 экз.).

Тип 1. Наконечники с выступающей втулкой и сводчатой головкой. Различаются размахом лопастей, формой, пропорциями втулки. Длина варьирует от 3,2 до 4,6 см (табл. 50:11, 12, 15). Встречаются в колчанах VI-IV вв. до н.э. Ранние из них (табл. 50:11), как и савроматские (тип VIA) имеют широкие лопасти с опущенными жальцами (Смирнов К.Ф., 1961, табл. 1). В дальнейшей эволюции (табл. 50:12) они мельчают, приобретают узкие походящие на ребра лопасти, иногда с косо срезанным основанием (тип VIB, Г по К.Ф.Смирнову). В поздних комплексах соседствуют с трехлопастными и трехгранными со скрытой втулкой, характерными для IV-III вв. до н.э. (табл. 50: 15, 17, 18). Наконечники этого типа датированы по аналогии с савромато-сарматскими наборами.

1) Описание их смотри ниже.

Группа IV. Втульчатые трехгранные (3 экз.).

Тип 1. Наконечники с выступающей втулкой со сводчатой головкой представлены вариациями, известными по сапроматскому типу V. Происходят из колчанов VI-IV вв. до н.э. (табл. 50:13, 14, 16). Ранние из них (VI-V вв. до н.э.) с массивным трехгранным острием имеют шипастые лопасти с узкими ложками, шестигранную втулку длиной 4,2 см (табл. 50:13) (тип УБ по К.Ф.Смирнову). В комплексах V-IV вв. до н.э. встречены наконечники с треугольной головкой, вильчатым вырезом граней, с тонкими узкими лопастями (табл. 50:16) (тип УГ по К.Ф.Смирнову). Они идут в наборе с трехлопастными и трехгранными со скрытой втулкой (табл. 2:1).

Костяные наконечники стрел представлены втульчатыми и черешковыми. К первым относятся пулевидные наконечники (2 экз.) (Хабдулина, 1993, с. 36, рис. 7) (табл. 51:3).

Отдел А. Группа III. Тип 1. Наконечники круглые в сечении, высотой 2,0-2,4 см, шириной 1 см найдены в одном комплексе с костяными черешковыми наконечниками. Этот тип стрел широко распространен в предскифское время (Теренождин, 1976; Смирнов К.Ф., 1964, рис. 3, 8А; Маргулан, 1979, рис. 232). По казахстанским материалам пулевидные наконечники датируются временем не позже VII-VI вв. до н.э. (Вишневская, 1973, с. 91).

Отдел Б. Черешковые наконечники стрел. Группа 1. Черешковые трехгранные (3 экз.) (табл. 51:4, 18). Представлена сквозная типологическая характеристика.

Тип 1. Наконечники с массивной треугольной и сводчатой головкой, черешки в виде плоского насада или короткого клинышка. Высота головок 4,4 см, ширина 1,2-1,6 см. По нашим материалам поздние экземпляры имеют уплощенно-треугольное сечение пера (табл. 51:18).

Группа 2. Черешковые четырехгранные (50 экз.) включают наконечники с ромбическим, квадратным, прямоугольным сечением пера.

Тип 1. Наконечники вытянуто - треугольной формой пера ромбические в сечении (14 экз.). Вариации этого типа представлены во всех наборах с костяными наконечниками стрел. Длина стрел 7,4-10,4 см (табл. 51:5, 15, 19).

Тип 2. Наконечники ромбовидные с ромбическим сечением пера. Наиболее четкие формы встречаются в ранних комплексах (табл. 51:6). В наборах II-IV вв. н.э. они выделяются значительной небрежностью изготовления. Среди них попадаются экземпляры с узкими кривыми гранями, грубо и словно спешно выструганные (табл. 51:20, 21). Длина стрел 8-10 см.

Тип 3. Наконечники вытянуто-пятиугольной и остролистной форм с квадратным сечением. У первого варианта грани взаимно перпендикулярны по отношению к черешку. Длина 4-8 см, ширина 1,0 см (табл. 51: 7). Второй без плечиков с остроугольным острием с прямыми гранями постепенно переходящими в уплощенный насад. Длина 6 см, ширина 0,8 см (табл. 51:23).

Тип 4. Наконечник с остроугольным острием, без плечиков, с прямыми гранями, переходящими в уплощенный насад, с прямоугольным сечением пера (табл. 51: 24).

Тип 5. Наконечник треугольной формы, шипастый с трапециевидным сечением пера. Длина 8,4 см, ширина 0,8-1,0 см (табл. 51:8). Встречен в комплексе с бронзовыми черешковыми наконечниками стрел.

Группа III. Черешковые овальные и овально-шестигранные (4 экз.).

Тип 1. Наконечники с овальным сечением пера представлены двумя вариантами: 1) остролистной формы с гладкими сторонами, длиной 7 см (табл. 51:16); 2) с четырехгранным острием без плечиков, длиной 5 см (табл. 51:9).

Тип 2. Наконечники овально-ромбовидной формы с овально-шестигранным сечением пера.

Длина 6,4 см, ширина 1,2-1,4 см (табл. 51:10, 17).

Отдел В. Зажимные наконечники стрел (2 экз.). Группа 1. Треухгранные.

Тип 1. Наконечники стрел вытянуто-листовидной формы пера с коротким уплощенным насадом. Длина стрел 10 см, ширина 2,0 см (табл. 51:25). Деревянный наконечник стрелы (1 экз.) черешковый с остроугольным острием, без плечиков, грани постепенно переходят в уплощенный насад, сечение пера подпрямоугольное. Деревянные наконечники идут в комплексах с бронзовыми наконечниками стрел (табл. 29:7).

IV-II вв. до н.э. - 9 колчанов, 57 наконечников стрел, изготовлены из бронзы, железа, кости. Бронзовые наконечники стрел представлены трехлопастными и трехгранными со скрытой втулкой со сводчатой и треугольными формами головки. Длина 3,0-4,0 см (табл. 50:17, 18, 19). В некоторых колчанах соседствуют с трехлопастными и трехгранными с выступающей втулкой (табл. 50:15, 16). Костяные наконечники стрел втульчатые и черешковые. Черешковые описаны выше.

Отдел А. Костяные втульчатые наконечники стрел. По сечению пера представлены трехгранными, четырехгранными. Группа 1. Втульчатые трехгранные (19 экз.).

Тип 1. Наконечники со сводчатой и треугольной головкой, шипастые и с ровным основанием. Длина 3,0-4,0 см, ширина 1,0 см. Встречаются в комплексе с бронзовыми втульчатыми трехлопастными и трехгранными. Датируются IV-III вв. до н.э. (табл. 51:11, 12; 21:15).

Группа 2. Втульчатые четырехгранные.

Тип 2. Наконечники ромбические в сечении с треугольной и сводчатой формой пера, шипастые и с ровным базисом. Размеры 2,8-4,0 x 0,8-1,4 см. В наших комплексах встречены в наборах IV-III вв. до н.э. (табл. 51:13, 14; 21:14). Железные наконечники стрел относятся к отделу черешковых. По сечению пера трехлопастные. Встречены в колчанах IV в. до н.э. - II в. н.э.

Группа 1. Железные черешковые трехлопастные (63 экз.).

Тип 1. Наконечники стрел со сводчатой формой пера, шипастые. По нашим материалам первые экземпляры железных наконечников появляются в конце V-IV вв. до н.э. (табл. 50:25). Размеры их: длина головки 2,2 см, ширина 1,2 см. Постепенно они укрупняются, приобретая более вытянутые формы. В колчанах II-I вв. до н.э. они достигают длины 3,0 см при ширине головки 1,3 см (табл. 50:27), одновременно с ними сохраняются и мелкие формы. В погребениях II в. до н.э. - I в. н.э. встречаются наконечники с высотой головки 3,5-4,5 см при размахе лопастей 1,6-2,0 см (табл. 50:29; 39:1-6; 46:6, 7).

Тип 2. Наконечники с треугольной формой пера, шипастые. Их первые экземпляры появляются в колчанах конца V-IV вв. до н.э. Длина головки 2,0 см, ширина 1,0 см (табл. 22:III). Преобладающим типом наконечники с треугольной головкой и прямым основанием пера становятся во II в. до н.э. - I в. н.э. Размеры их достигают 3,0-4,5 x 1,2-2,0 см (табл. 50:29, 30, 31; 42:5).

IV. 2. КИНЖАЛЫ И НОЖИ

Оружие ближнего боя (кинжалы и ножи) представлено 19 экземплярами, изготовленными из бронзы (6) и железа (13)¹. Восемь из них являются случайными находками, остальные происходят из курганов. Данная категория инвентаря не составляет массовых серий. Практически каждый кинжал и меч индивидуальны. Поэтому приводится подробное описание с обоснованием даты. По основным типологическим показателям кинжалы и мечи Северного Казахстана вписываются в

1) Учены и кинжалы известны по публикациям (Трояцкий присек, Степяк, Маринское, Айдабуль; Черников, 1954, 1960; Членова, 1976; Грязнов, 1956а; Акишев, 1959).

существующие классификационные схемы скифо-сарматского оружия. В итоге анализа была составлена таблица, достаточно наглядно демонстрирующая разнообразие типов кинжалов и их эволюцию (табл. 52). VIII-V вв. до н.э. представлен бронзовыми и биметаллическими акинаками (7 экз.). По форме перекрестия они распадаются на две группы. Ранние экземпляры выполнены по карасукским образцам двух типов: с "шипастым" и "крышевидным" перекрестием (табл. 52:1-3). Вторую группу составляют кинжалы с различными вариантами бабочковидного перекрестия (табл. 52:4-7).

VIII-VII вв. до н.э. Кинжалы с "шипастым" перекрестием (2 экз.). Один из них уже известен науке (Троицкий прииск, табл. 52:1). Второй - бронзовый кинжал, найденный в 1986 г. на землях совхоза Новопокровка (Сергеевский микрорайон) (табл. 52:2). Кинжал с грибовидным навершием, односторонним желобком на рукояти, перекрестием в виде легких выступов - "шипов" и клинком треугольной формы (табл. 53). Длина кинжала 34 см. Рукоять овальная в сечении, длиной 11,2 см, постепенно расширяется к основанию от 2,2 до 3,3 см. Продольный желобок шириной 0,6 см перехвачен двумя, подпрямоугольными в сечении, перемычками. Внешняя поверхность перемычек повторяет общий контур овального сечения рукояти. Шипы крайне невыразительны, образованы легкими пластинчатыми выступами, длина перекрестия 6,2 см. Клинок у основания шириной 5,7 см, линзовидный в сечении, края лезвия раскованы и оттянуты.

Полая шляпка навершия несколько ассиметрична. Под ней со скошенной стороны фиксируется легкий напильчик сегментовидной формы длиной 0,7 см, шириной 0,2 см, подтреугольный в сечении (табл. 53). Расположение напыла на гладкой поверхности боковой грани рукояти, форма и сечение выдают его как рудимент петельки, некогда существовавшей на первоначальной модели или форме отливки, и утерянной, либо небрежно отлитой на настоящем экземпляре.

Кинжал по форме и размерам относится ко II группе карасукских кинжалов (Членова, 1976, с. 7) и является еще одной находкой, пополняющей серию казахстанского оружия карасукского типа. Известные казахстанские образцы архаичны и датируются VIII-VII вв. до н.э. Наибольшую близость наш кинжал обнаруживает с серией находок из Восточного Казахстана (Черников, 1960, с. 259, 5; Членова, 1976, табл. 8, 2, 4, 5; Арсланова, 1980, с. 89, рис. 3, 9) и Восточной Европы (Тереножкин, 1976, с. 75, рис. 41, 1, с. 96, рис. 59), бытовавших в VIII-VII вв. до н.э. Помимо внешних данных - формы и ширины клинка, сечения и конструкции рукояти - вероятность такой даты подтверждается сохранением под навершием следа от петельки - детали, свойственной архаичным образцам карасукских кинжалов I группы (Членова, 1976, с. 9, 38; 1987, с. 135, рис. 2, 10).

Кинжал из Новопокровки является изделием местных литейщиков, воплотившим в себе технологические приемы двух культурных традиций: андроновской - в оформлении клинка, и карасукской в общем облике кинжала. Вероятно, он был изготовлен по старой литейной форме, но во времена, когда необходимость в петельке была уже изжита. Кинжал датируется VIII-VII вв. до н.э.

VII-VI вв. до н.э. (3 экз. Два из них опубликованы¹⁾).

Существуют поздние формы бронзовых кинжалов, карасукского типа. Появляются акинаки с бабочковидным перекрестием (табл. 52:3-5).

Бронзовый кинжал (случайная находка у села Рассвет, в 60 км южнее г. Петропавловска) с зооморфным навершием и "шипастым" перекрестием имеет длину 32 см. Длина клинка 18 см, ширина лезвия 3,2 см, ширина рукояти 2,5 см (табл. 54:1). Перекрестие в виде изломанной посередине прямоугольной рамки (6 x 3 см), изломы образуют лопасти, опущенные вниз. В выступающей части лопастей - овальные прорезы. Навершие представляет собой уплощенные скульптурные изображения

1) Хабдуляна, Рубе, 1984, с. 227-231; Членова, 1982, с. 34-40; Черников, 1954.

животных, развернутых в геральдической композиции. Сверху по месту слияния их наложен валтик с сужающимися концами. Основание навершия имеет прямоугольный выступ, оформленный узким выгнутым кантиком, не выходящим за пределы ширины рукоятки. На зооморфных скульптурах рельефной полукруглостью с ямочкой посередине обозначены глаза и очертания черепа. Снизу эта линия переходит в углубленный зигзаг, намечающий, вероятно, характерные особенности челюстей (клыки?).

Изображения выполнены условно, без какой-либо дополнительной подчистки, что затрудняет отождествление конкретного образа. Однако общие контуры фигур и фиксируемые детали - могучая шейка или холка, тупая срезанная внизу под прямым углом морда, расположение глаз - более всего напоминают головы кабанов или медведей. Определенную смысловую нагрузку несет и рельефный кантик основания. С одной стороны, он подчеркивает внутреннюю линию шеи и морды, с другой, он, взятый как отдельный обобщенный мотив, - вероятнее всего, является своеобразной имитацией ног. Причем правая сторона более выразительна и заканчивается небольшим напылом, напоминающим копытце. Эта деталь и форма резного зигзага в нижней части морды и являются признаками, заставляющими связывать звериные образы с кабанями. Итак, кинжал венчают скульптурные изображения противостоящих голов кабанов, выполненные в обобщенной стилизованной манере. Головы наклонены вниз, передние "конечности" размещены у морды (табл. 54:1).

Сибирские параллели и совокупность признаков, слагающих индивидуальный облик предмета, позволяют датировать кинжал VII-VI вв. до н.э. (Хабдулина, Рубе, 1984, с. 227-231).

Новой находкой является бронзовый акинак, найденный на правом берегу р. Ишим у с. Баландино Казанского района Тюменской области. Это в 30 км севернее административной границы республики. При осмотре местности на левом берегу р. Ишим обнаружено поселение раннего железного века.

Бронзовый кинжал имеет сегментовидное навершие, бабочковидное перекрестие, длину 28 см (табл. 55; 52: 5). Под уплощенным навершием расположен выступ обоймы шириной 0,9 см, подчеркнутый с лицевой стороны по основанию тонким желобком. На обороте обоймы отлита петелька прямоугольной формы длиной 1,1 см. Рукоять акинака гладкая, овальная в сечении, длиной 9 см, шириной 3 см. Клинок треугольной формы, по центру его проходит легкое затертое углубление, начинающееся с поверхности перекрестия и постепенно сужающееся к нижней трети клинка. Этот желобок придает сечению клинка фигурные очертания. В нижней трети клинок имеет ромбическое сечение.

По материалу и форме кинжал близок круту изделий тагарской культуры (Членова, 1967, с. 16). Поздняя модификация данного типа широко представлена в курганных комплексах Алтая и Тувы (Сорокин, 1974, с. 77, рис. 10; Кубарев, 1981; Грач, 1980, с. 168, рис. 30), где находки датируются V-III вв. до н.э. Более близкие аналогии нашему кинжалу известны среди сакских древностей (Грязнов, 1956а, с. 12, рис. 3, 4, 5, 6; Вишневская, 1973, с. 135, табл. III, 10).

Кинжал найден в лесостепной полосе Западной Сибири и имеет одну из распространенных форм оружия раннескифского времени. Несмотря на всеобщность и универсальность каждого отдельно взятого признака, конкретное сочетание их в данном случае склоняет в пользу отнесения кинжала из Баландино к предметам сакского вооружения. Сближают их треугольной формы клинок, оформление поверхности лезвия широкими бороздками, желобками, не доходящими до острия. Типичным для сакского оружия является сочетание сегментовидного навершия с бабочковидным перекрестием. Такая комбинация признаков представлена в яркой группе бронзовых акинаков с орнаментированной рукоятью с волнистыми краями так называемого нурманбетского типа (Кадырбаев, 1966, с. 344, рис. 38; Членова, 1981, с. 9). Одним из более ранних вариантов этого типа является наш кинжал. По размерам и внешним данным он близок уйгаракскому акинаку VII-VI вв. до н.э.

и биметаллическому акинаку из мотильника Жаман-Тогай, курган I. Сопровождающие его наконечники стрел так же дают дату VII - VI вв. до н.э. (Вишневская, 1973, с. 135, табл. III, 10; Максимова, 1968, с. 189, табл. V).

Мы склонны датировать кинжал из Баладино VIII-VI вв. до н.э. Нижний хронологический рубеж обосновывается двумя фактами. Материалом - (бронза), из которого изготовлен наш акинак. Второе обстоятельство связано с архаичностью облика кинжала, - массивностью и наличием петельки под навершием - детали, характерной для оружия харасуской эпохи (Членова, 1976, с. 9; Членова, 1972) и не встречающейся, судя по раннескифским экземплярам, позже VI в. до н.э. (Черненко, 1980, с. 13; Белозор, Скорый, 1985, с. 256).

VI-V вв. до н.э. (2 экз. Оба опубликованы) (табл. 52:6, 7). Представлен бронзовым акинаком с бабочковидным перекрестием, подтреугольно-сегментовидной формой навершия, рукоять с волнистыми краями (Марининское). Второй тип - биметаллический акинак с бабочковидным перекрестием, рубчатой рукоятью и рожковидной формой навершия (Айдабуль, к. 2) (Грязнов, 1956а; Акишес, 1959).

V-IV вв. до н.э. (2 экз. табл. 52: 8, 9). Железные акинаки двух типов: 1) с бабочковидным перекрестием и зооморфным навершием, 2) с перекрестием подтреугольной формы и рожковидным (серповидным) навершием. Железный кинжал с зооморфным навершием и бабочковидным перекрестием найден на правом берегу р. Ишим у села Бесколь Северо-Казахстанской области (в 10 км южнее г. Петропавловска). Концы лезвия обломан в древности. Сохранившаяся длина оружия 40 см (табл. 54:2). Навершие уплощенное в виде двух крыловидных выступов подпрямоугольной формы. Длина навершия 7 см, ширина 2,8 см. Рукоять подпрямоугольная в сечении, размерами 10 x 2,5 см, поверхность украшена зооморфными изображениями. Перекрестие узкое длиной 8 см. Клинок ромбический в сечении, ширина у основания 4,8 см, края лезвия постепенно сужаются к низу.

Интерес представляет трактовка зооморфных изображений навершия и рукояти. Изображения на навершии выполнены в традиции зеркальной симметрии. В центре расположены два треугольника, острые углы которых выступают над верхним углом навершия. Контуры треугольников подчеркнуты гравировкой. В центре их - по резному кружочку. От треугольников отходят две лопасти подпрямоугольной формы, поверхность их заполнена вертикальными и наклонными бороздками. По силуэту навершия идет рельефный кантик, украшенный насечками по нижнему краю.

Рукоять расчленена на три части. По краям нанесен вертикальный столбец ямок. В центре - ритмический ряд зооморфных фигур. В самой идее художественного оформления навершия заложен принцип полисемантической. Содержание его имеет тройную расшифровку. Навершие можно интерпретировать как головки двух ушастых грифонов, обращенных затылками друг к другу. Огромные пасти их заполнены зубами, обозначенными бороздками. Уши треугольной формы, глаза изображены резным кружком. Второй вариант трактовки - это образ совы во время полета. Она распростерла крылья, уши торчком, круглые немигающие глаза. В этом случае бороздки на подтреугольных выступах - "крыльях" означают оперение - прием традиционный для древнего искусства при изображении крылатых существ (Афанасьева, 1976, с. 76, рис. 53, с. 102, рис. 73; Давыдаев, Луконин, 1980, с. 404, рис. 7; Аракеян, 1971, с. 146, рис. 2; Кубарев, Черемисин, 1984 с. 89, рис. 1). И еще один вариант зооморфных превращений навершия - они похожи на фигурки сидящих зайцев, прижавшихся лбами друг к другу. Лапы подогнуты. Содержание художественных образов, запечатленных на поверхности навершия, при осмыслении разветвляется в своеобразную сюжетную панораму представлений древних о воинской доблести, храбрости, силе.

Изображения центральной части рукоятки, в зависимости от ракурса рассмотрения, имеют

двойное прочтение. При горизонтальном положении рукоятки композиция воспринимается как фриз из головок хищной птицы. Четко видны глаза, обозначенные резным кружком, длинный хищно загнутый клюв и спиральный завиток с противоположной от глаз стороны, изображающий голову птицы. При вертикальном рассмотрении изображения напоминает стилизованные фигуры стоящих на двух ногах животных, с повернутой назад головой. В целом изображения схематичны и нечетки. Полностью сохранилась средняя фигура, верхняя нарушена заходящим на рукоять основанием навершия, нижняя оказалась частично прикрытой выступом перекрестия.

Поиски истоков художественного оформления кинжалов уведет нас на восток к традициям карасукской и тагарской культур. В данном случае необычайной и редкой является форма навершия в виде крыловидных выступов подпрямоугольной формы. Кинжалы с подобным контуром навершия известны на территории Южного Приуралья (Ростовцев, 1918, табл. VII, 15). Сводка их приведена в статье Р.Б.Исмагилова, где представлен рисунок и нашего кинжала (Исмагилов, 1980а, с. 224, рис. 2). К этой группе оружия примыкает меч с Прикамья, с Висимской дачи. Навершие его выполнено в виде двух обращенных затылками друг к другу головок лошади (Ростовцев, 1918, табл. XXVII, 8). Единичные экземпляры оружия с близкой схемой навершия найдены в лесостепной Барабе (Соловьев, Мартынов, Терсбило, 1987, с. 134, рис. 1). Аналогичны им также ведут к савроматской территории.

Таким образом, намечается компактная группа оружия с типологически своеобразной формой навершия в виде пары подпрямоугольных лопастей с нанесенным на них зооморфным декором. Производство их, судя по аналогиям, связано с требованиями савроматской моды. По основным типологическим, художественно-стилистическим признакам наш кинжал пополняет серию этого типа вооружения. Не только форма навершия, но и набор зооморфных сюжетов, приемы их трактовки, композиционное оформление отвечают традициям савроматского искусства (Смирнов К.Ф., 1976, с. 75). Яркие параллели находят манера изображения головок хищной птицы, приведенной на рукоятки акинака. Именно в такой условной схеме распространен этот мотив в бронзовом литье Южного Приуралья (Смирнов К.Ф., 1976, с. 81, рис. 3; 18, 19; Чежина, 1983, с. 27).

Обычным компонентом зооморфного репертуара савроматского звериного стиля является образ ушастого грифона, геральдическое противопоставление которого образует форму навершия нашего кинжала. Вместе с тем в оформлении кинжала проступают черты не свойственные образцам савроматского искусства. Своеобразна и индивидуальна моделировка образа ушастого грифона с огромной пастью, со стилистически редким приемом изображения зубов в виде рельефных бороздок. Специфичен и канонически не стандартен способ воплощения сопутствующих вариантов зоологических превращений - образа совы во время полета и зайца в позе покоя. Парящая птица, как и фигура зайца являются распространенными персонажами искусства раннего железного века и изображение их мифологически осмысленно (Кубарев, Черемисин, 1984, рис. 1, 2; Раевский, 1985, с. 60-63).

Но именно в такой стилистической трактовке они не известны на сопредельных территориях. Вероятно, это результат творчества местных мастеров, запечатлевших в собственной художественной манере известные мифологические сюжеты. По основным типологическим показателям и устойчивому кругу аналогий кинжал датируется V-IV вв. до н.э.

Железный кинжал с рожковидным навершием и ложнотреугольным перекрестием происходит из кургана 6 могильника Берлик П. Длина оружия 36,5 см. Навершие составлено из двух пластинчатых брусков, которым в процессе изготовления придана рожковидная форма. Длина навершия 7 см. Рукоять круглая в сечении, длина ее в обхвате не превышает 6 см. Перекрестие скорее

ложнотреугольное (подтреугольное), чем бабочковидное, размерами 6 х 3 см. Клинок вытянуто-треугольной формы, ромбический в сечении, длиной 26 см (табл. 52:9).

Кинжал по форме навершия принадлежит к V отделу раннесарматского оружия, распространение которого начинается с IV в. до н.э. (Мошкова, 1963, с.34). Классической схемой при серповидном или рожковидном навершии является прямое (редко изогнутое) перекрестие. В нашем случае мы имеем необычную конструкцию перекрестия - подтреугольную. Ложнотреугольная форма перекрестия сходится к образцам савромато-сарматского оружия, имеющим зооморфное навершие и датирующимся V-IV вв. до н.э. (Исмагилов, 1978, с. 230, рис. 1, 4). Конструктивно она отражает процесс упрощения бабочковидного эфеса и постепенную трансформацию его в изломанное или дуговидное перекрестие. Рожковидная схема навершия известна в казахстанской серии акинаков с VI в. до н.э. (табл.52:7). Сочетание одновременных признаков отражает, вероятно, этап технологических поисков, приходящийся на V-IV вв. до н.э. Этим временем и следует датировать кинжал из могильника Берлик II.

IV-III вв. до н.э. - 3 экз. Железные кинжалы двух типов: 1) с брусковидным навершием и сломанным под углом перекрестием, 2) с серповидным навершием и прямым перекрестием (табл. 52: 10, 11).

Железный кинжал из кургана 2 могильника Урнек с прямым навершием и узким сломанным под тупым углом перекрестием, длиной 27 см. Навершие довольно массивное, выполнено из прямоугольного бруска длиной 7 см. Рукоять овальная в сечении, размерами 7 х 1,6 см в сечении. Перекрестие по форме напоминает узкое (1,5 см) бабочковидное, размах лопастей составляет 6 см. Клинок с параллельными краями лезвия имеет двояковыпуклое сечение (табл. 52: 10; 22:8). По ведущим типологическим признакам акинак относится к формам, характерным для переходного от савроматского к раннесарматскому оружию, распространенному в IV в. до н.э. (Мошкова, 1963, с. 33). Форма эфеса, сохраняющая легкие бабочковидные очертания, и форма клинка с параллельными краями лезвия придают кинжалу черты архаичности и индивидуальности, выделяя его среди стандартных образцов раннесарматского оружия. Возможно, накопление материала позволит в дальнейшем удревить дату данного типа, опустив ее до рубежа V-IV вв. до н.э. Близкой формы акинак найден в курганном комплексе V в. до н.э. в могильнике Бесоба в Западном Казахстане (Кадырбаев, Курманкулов, 1977, с. 106, рис. 2,8). Мы пока вынуждены датировать кинжал IV в. до н.э.

Из случайных находок происходят два акинака с серповидным навершием и прямым перекрестием, характерные для раннесарматского времени (табл. 52:11).

II в. до н.э. - I в. н.э. - 4 кинжала и два меча (табл. 52:12-15, 44:8, 9).

Кинжалы трех типов: 1) с навершием и перекрестием, 2) с перекрестием без навершия, 3) без перекрестия и навершия. Мечи одного типа без перекрестия и навершия.

Железный кинжал с кольцевым навершием и прямым перекрестием длиной 44 см найден в кургане 1 урочища Конурсу. Навершие диаметром 5,8 см свернуто из овального в сечении прута. Длина рукояти с навершием 13,5 см. Перекрестие имеет вид узкой пластинки, не выступающей за пределы клинка. Клинок треугольной формы, наибольшая ширина его 5 см, сечение ромбическое (табл. 37: 3; 52: 12). Кинжал относится к ведущему типу оружия среднесарматского времени (Хазанов, 1971).

Железный кинжал с перекрестием без металлического навершия входит в состав боевой экипировки воинского погребения кургана 3 урочища Саркара (табл. 43). Длина оружия 40 см. Кинжал имел деревянную рукоять и ножи. Длина рукояти 10 см. Интерес представляет перекрестие подтреугольной формы, придающее необычный облик кинжалу. Клинок с постепенно сужающимся к острию лезвием, линзовидный в сечении, наибольшая ширина 4 см (табл. 52: 13).

Аналогии кинжалу известны в среднеазиатских материалах (Обельченко, 1978). По

классификации древнего оружия кинжал может быть отнесен к рубежу эр, хотя первые экземпляры подобного типа стали известны еще в савроматскую эпоху (Хазанов, 1971). Среднесарматское время подтверждается южной ориентировкой умершего и такой деталью как не стандартной формы перекрестие. В противоречие с этой датой вступают остальные части сопровождающего инвентаря. По своему облику лук, меч и наконечники стрел представлены типами более характерными для позднесарматской культуры (табл. 43; 44: 8, 10). Сочетание разновременных типов оружия в одном погребении не является исключением и может способствовать установлению более узкой даты. В данном случае в пределах I в. до н.э. - I в. н.э.

Железный кинжал с прямым перекрестием без металлического навершия длиной 45 см происходит из кургана Жалтырь. Стержень рукояти овальный в сечении, длиной 9 см имел деревянную обкладку, обмотанную сверху кожаными ремешками. Перекрестие изготовлено из двух пластин длиной 10 см. Клинок треугольной формы, наибольшая ширина его 5 см, сечение линзовидное (табл. 39:7). Кинжал относится к сарматскому оружию рубежа - первых веков нашей эры (Хазанов, 1971). По среднеазиатским комплексам и деталям погребального обряда кинжал может быть датирован II в. до н.э. - I в. н.э. (Обельченко, 1978, с. 119).

Кинжал без металлического навершия и перекрестия длиной 30 см входит в состав сопровождающего инвентаря коллективного погребения воинов могильника Жабай-Покровка (табл. 42). Рукоять длиной 7 см, прямоугольная в сечении. Плечики покатые. Клинок массивный с нервюром посредине, округлым острием, ромбовидный в сечении. Наибольшая ширина лезвия 4 см (табл. 52:15; 44:11).

Кинжалы и мечи без металлического перекрестия и навершия принадлежат погребениям воинов позднесарматского времени. Первые экземпляры подобного оружия появляются в конце I тыс. до н.э. В данном случае форма и сечение клинка с массивным нервюром несут черты архаики, технологически присущей ранним образцам. Это дает основание определить время изготовления кинжала концом I тыс. до н.э. или рубежом нашей эры. Аналогии с датированными комплексами Средней Азии (Максимова, 1968, с. 187) и некоторые детали погребального обряда позволяют отнести кинжал и меч из этого погребения к I в. до н.э. - I в. н.э.

Двулезвийный меч без металлического навершия и перекрестия длиной 0,85 м происходит из коллективного погребения 32 могильника Жабай-Покровка. Стержень рукояти приострен сверху, выкован из бруска прямоугольного сечения, имеет длину 14 см. Переход к клинку под прямым углом. Лезвие сварено из двух полос шириной 4 см, сечение линзовидное (табл. 44:9).

Двулезвийный меч без металлического навершия и перекрестия длиной 116 см происходит из кургана 3 Саркара (табл. 43). Рукоять прямоугольная в сечении, длиной 21 см, переход к лезвию плавный. Ширина клинка 3,5 см, сечение линзовидное. Меч лежал в деревянных ножнах. В 30 см от острия у боковой грани ножен обнаружена железная кольцевая пряжка диаметром 1,5 см, принадлежавшая, вероятно, конструкции скобы (табл. 44: 8).

II-IV вв. н.э. - 1 экз. Двулезвийный меч без металлического навершия и перекрестия длиной 95 см найден в кургане 2 могильника Покровка. Меч имел халцедоновое навершие диаметром 5 см и деревянную обкладку рукояти. Переход к лезвию под прямым углом. Ширина лезвия 4 см. Оружие лежало в деревянных ножнах, окрашенных в красный цвет. К деталям ножен относится кожаная обоймочка диаметром 1,4 см (табл. 49:8).

По классификации сарматских древностей господство двулезвийных мечей без металлического навершия начинается со II в. н.э. Процесс перехода к этому виду оружия связан с военной реформой I в. до н.э. - I в. н.э. (Хазанов, 1971, с. 89). Мечи из кургана 3 Саркара и погребения 32 могильника

Жабай-Покровка по сопутствующим им кинжалам и южной ориентировке погребенных датируются I в. до н.э. - I в. н.э. При определении времени меча из кургана 2 могильника Покровка упор может быть сделан на наличие халцедонового навершия. Ближайшие аналогии подобному оружию известны в позднесарматских комплексах Западного Казахстана (мог. Лебедевка), надежно датированных II-III вв. н.э. (Мошкова, 1982, с. 84). К этому же времени следует отнести и наш меч.

Все найденные в погребениях кинжалы расчищены справа у бедра. В трех случаях (Урлик, к.2; Саркара, к.3; Жабай-Покровка, погр. 32) кинжал плотно прилегал к бедренной кости. В погребениях кургана 6 Берлик II и кургана I Конурсу кисть руки прикрывала рукоять акинака. На всех кинжалах обнаружены остатки деревянных ножен. Конструкцию их установить невозможно из-за плохой сохранности.

Три всаднических меча расчищены слева от плеча, в двух случаях вплотную к туловищу, в одном (Покровка, к.2) в некотором отдалении. В погребении 32 могильника Жабай-Покровка зафиксированы остатки портупейного ремня. Мечи лежали в деревянных ножнах, от конструкций которых сохранились металлические пряжки, кожаные обоймы. Более полно восстанавливаются ножны меча погребения 32 могильника Жабай-Покровка. По верху они имели железную оковку, в двух местах были скреплены деревянными зажимами шириной 2 см (табл. 44: 9). Изнутри ножны обтянуты тонкой тканью (типа шелка). На деревянном зажиме в средней части ножен под тленом портупейного ремня расчищена железная кольцевая пряжка диаметром около 3 см, служившая, вероятно, для подвешивания меча при ношении. Такая же маленькая кольцевая пряжка обнаружена в 30 см выше острия грани ножен в кургане 3 Саркара. Довольно низкое расположение ее наводит на мысль, что она могла использоваться для фиксации ножен при верховой езде. От системы портупейного и поясного ремней в этом погребении остались три железных кольца, расчищенные на тазовых костях (табл. 43). Мелкая бронзовая пряжка с прилипшим фрагментом кожаного ремешка обнаружена у ножен меча в кургане 2 могильника Покровка.

Таким образом, найденные в курганах Северного Казахстана всаднические мечи имели конструкцию ножен и способ ношения меча традиционные в сарматское время в евразийских степях.

НОЖИ. Одной из категорий вещевого инвентаря поселенческих и погребальных комплексов являются ножи (26 экз.). Они изготовлены из бронзы, железа, известны два биметаллических экземпляра. Все ножи относятся к отделу однолезвийных (табл. 56).

VIII - V вв. до н.э. Наибольшим типологическим разнообразием выделяются ножи раннесакского периода (10 экз.) (табл. 56: 2-11). Преобладают ножи пластинчатой конструкции, по оформлению рукояти делятся на три типа: 1) с невыделенной рукоятью (табл. 56: 5, 9, 10); 2) с намечающимся черенком (табл. 56: 6, 7); 3) с кольцевым навершием (табл. 56: 2-4). К отдельному типу (№ 4) относятся ножи черенковые с "хвостатым" лезвием (табл. 56: 8, 11). Среди пластинчатых ножей выделяется крупный нож длиной 16,5 см, имеющий изогнутую рабочую часть (табл. 56: 5).

Ножи с кольцевым навершием имеют прямые спинку и лезвие, размеры 20,5 - 12,5 x 1,4 - 1,1 см. Один из ножей имеет зигзагообразный край лезвия (Покровка, к.1). Ножи с кольцевым навершием являются довольно стандартной формой ножей тасмолинской культуры. Судя по условиям находок и крупным размерам, часть из них использовалась в качестве кинжалов (Горелик, 1993, с. 13). Они зафиксированы у пояса справа, в деревянных ножнах (Кадырбаев, 1966, с. 352, 356).

Один из ножей четвертого типа - биметаллический. Бронзовая рукоять в виде стержня подпрямоугольного сечения расширяется книзу, охватывая железное лезвие. Кончик лезвия приострен и оттянут назад (табл. 56: 8). Второй нож - железный с короткой пластинчатой рукоятью, переходящей в выгнутую лезвийную часть с оттянутым и приостренным кончиком. Размеры ножей

одинаковы 10,5 x 1,3 см. Ножи раннесакского периода, происходящие из курганов, найдены у устья колчанов. Вероятно, они носились в одном из отделов колчанов, в обособленном "кармане" и служили для ремонта стрел.

К VI - V вв. до н.э. относится биметаллический нож, найденный в кургане 2 урочища Алыпкаш. Он имеет бронзовую рукоять с кольцевым навершием и прямое железное лезвие. Размеры ножа 18 x 1,4 см. (табл. 56: 1). Металлографическим анализом установлена технология производства биметаллических изделий. Вначале отковывалась железная лезвийная часть, затем она закреплялась в двусторонней форме и доливалась бронзовая рукоять. Изготовление орудий из двух металлов, как и использование в качестве нового сырья железа отражают высокий уровень технологического мастерства североказахстанских кузнецов и свидетельствует об освоении и развитии черной металлургии уже в начале раннесакского периода.

IV - II вв. до н.э. - 6 экз. Форма восстанавливается только у трех экземпляров. Это небольшие по размерам (7 x 1,4 см) железные ножи с выделенной рукоятью, прямым лезвием и выгнутой спинкой. Линия спинки сливается с линией черенка, переход к лезвию плавный (табл. 56: 12-14).

II в. до н.э. - I в. н.э. - 8 экз. Ножи черенковые (табл. 56: 15-19). Объединяющим признаком этой группы является уступчатый переход от черенка к лезвию. Линия рукояти составляет продолжение спинки. По форме лезвия распадаются на два типа: 1) сохраняются прежней формы ножи с прямым лезвием и горбатой спинкой; 2) ножи с прямым лезвием и прямой спинкой, концы лезвий иногда скошены со стороны спинки и приострены (табл. 56: 16, 17). Между этими типами встречаются переходные формы.

II - IV вв. н.э. - 1 экз. (табл. 56: 20). Нож с выделенным черенком, прямым лезвием. Длина предмета 20 см. Сохранилась деревянная рукоять, насаженная на черенок (табл. 33: 9).

Типологическая характеристика североказахстанских ножей, несмотря на малочисленность и ограниченные датировочные возможности данной категории инвентаря, позволяет уточнить хронологические позиции отдельных комплексов.

IV.3. ЗЕРКАЛА, КАМЕННЫЕ ЖЕРТВЕННИКИ В комплексах Северного Казахстана известно 16 зеркал. Два из них являются случайными находками, остальные происходят из курганов. Три представлены фрагментами (Явленка, к. 5; Покровка, к.5; Берлик, к. 3). Все зеркала бронзовые, относятся к классу одноставных (табл. 57) (Кузнецова Т.М., 1987, с. 35). По расположению ручек распадаются на два отдела: 1) зеркало с центральной ручкой (6 экз.) и 2) зеркало с боковой ручкой (7 экз.). Зеркала первого отдела разделяются на два вида: диск без бортика (2 экз.); диск с бортиком на одной стороне с ручкой (4 экз.) (табл. 57: 2, 3).

Среди зеркал с боковой ручкой в одном случае обнаружен диск, украшенный прорезной концентрической окружностью (Петровка, погр. 8) (табл. 26: II, 2). Ручки зеркал второго отдела выделяются разнообразием дополнительных конструктивных деталей. При общей для всех плоской гладкой поверхности, имеются зеркала с петелькой на одной из сторон ручки (3 экз.), с отверстием на конце ручки (1 экз.), ручка с легким расширением на конце и пазами для крепления кожаного ремешка (1 экз.) (табл. 57: 1, 4, 5, 6).

Диаметр зеркал 8-10 см. Лишь три зеркала имеют диски диаметром 12-15 см. Самый крупный экземпляр - это зеркало из кургана у оз. Б.Чебачье (Грязнов, 1956а). Зеркала встречены как в женских, так и в мужских погребениях, находятся, как правило у пояса, чаще - справа. Почти все они найдены в кожаных футлярах - сумочках. Наибольшую встречаемость бронзовые зеркала обнаруживают с каменными жертвенниками, лишь в 5 из 14 комплексов с зеркалами каменные жертвенники

отсутствуют (табл. 14; 16; 17; 19). На втором месте предметы украшений: бусы, серьги, височные кольца. Датирующих вещей практически нет. Совместные находки зеркал с предметами конской упряжи в курганах Северного Казахстана не обнаружены. Из предметов вооружения лишь в одном случае зеркало найдено с бронзовыми наконечниками стрел (урочище Акчийат, к. 2) (табл. 34) и известен единственный факт случайной находки зеркала с бронзовым кинжалом (Марининское).

КАМЕННЫЕ ЖЕРТВЕННИКИ. На территории Северного Казахстана известно 34 каменных жертвенника (табл. 58). Все они, за исключением одного (Кенес, к. 1), принадлежат группе каменных блюд без ножек. Размеры: длина 8,5 - 18 см, ширина 5,5 - 11 см, высота 2,0 - 4,5 см. Пять предметов являются случайными находками, остальные происходят из курганов. Фрагменты каменных изделий в виде жертвенников подняты с поверхности поселения IX - Уп вв. до н.э. - Кеноткель X (табл. 61: 3). Изготовлены жертвенники из песчаника серого, коричневого, розового цветов. Основная масса имеет слабо выраженные бортики и дуговидные углубления внутренней поверхности. Большинство выделяются тщательной двусторонней отделкой и устойчивой плоскостью дна. Из 34 предметов - одна плоская плитка овальной формы и две миниатюрные чашечки - ступки (табл. 58: 10, 5, 6).

По форме предметы разделяются на овальные (21 экз.), подтреугольные или ладьевидные (3 экз.), клювовидные (2 экз.). Жертвенники найдены в курганах Упш - III вв. до н.э. как в женских, так и в мужских погребениях. Встречены с предметами украшений, бронзовыми зеркалами, сосудами, ножами, пряслицами.

В курганах Северного Казахстана найден один экземпляр каменного жертвенника на четырех ножках (табл. 13: 10). Три ножки отбиты в древности, сохранилась только одна. На внешней стороне дна - яйцевидное углубление. Подобные изделия савроматского типа единично встречаются в погребальных комплексах Центрального и Южного Казахстана (Даныбай, к. 3; Уйгарак, к. 47; Тагискен, к. 45; Беловодское). Время появления их на территории восточнее Урала определяет совместная находка подобного изделия с ранним типом упряжи (Уйгарак, к. 47) - Упш - Уп вв. до н.э. (Вишневская, 1973). Использование каменных жертвенников на ножках, судя по савроматским древностям, продолжалось до Уп - У вв. до н.э.

IV. 4. КЕРАМИКА. Керамика является массовым материалом поселений Северного Казахстана. При анализе ее использованы методы математической статистики - типологический и сравнительный. Коллекция погребальной посуды, происходящая из курганов Северного Казахстана малочисленна и разнородна. Поэтому в обработке ее мы вынуждены были ограничиться описательным методом.

При анализе поселенческой керамики использована классификация и статистические методы, предложенные Л.Н.Коряковой для саргатской посуды (Корякова, 1988). Обработаны коллекции с четырех поселений: Карлуга I, Борки I, II и Ак-Тау. Самую большую по объему выборку дало поселение Карлуга I (153 шейки). Поселенческая керамика делится на две группы: А - сосуды с шейками, Б - сосуды без шеек. Подвиды (9, 10, 11), которые определялись профилировкой шейки стали основными классификационными единицами при анализе фрагментарной посуды: 9 - шейка отогнута, 10 - шейка вертикальная, 11 - шейка наклонена вовнутрь. По соотношению формы шейки и тулова выделены типы сосудов.

Керамика поселений (IX) VIII - V вв. до н.э. Представлена коллекциями поселений Борки II, Карлуга I (Петропавловский микрорайон) и поселения Кеноткель X (Ишимо-Чаглинский микрорайон). Выборка коллекций с поселений Борки II и Карлуга I составляет 213 орнаментированных фрагментов шеек и 23 неорнаментированные.

Керамический материал комплекса отличается однородностью. Он представлен хорошо

обоженными, крупными сосудами. Диаметр шеек варьирует от 8 до 40 см. Наибольший диаметр (среднее значение 29-32 см) дали сосуды 11 подвида на обоих поселениях, а наименьший диаметр (среднее значение 17-21 см) показали банки. В качестве примеси использован песок и шамот, один фрагмент в примеси имеет галек. Внешний цвет сосудов светлорыжий и серый. Стенки сосудов заглажены или затерты щепкой. Толщина стенок и шеек равномерная (5-8 мм). На сосудах преобладает плоский венчик (пос. Карлуга I - 83%, пос. Борки II - 95,6%). На поселении Карлуга высок процент округлых венчиков - 14,3% (табл. 65).

Почти вся керамика круглодонная, несколько сосудов имеют приотстренные днища, в двух случаях в выборке пос. Карлуга I встречены плоские днища. Преобладают сосуды с вертикальной и отогнутой шейкой. Процент банок в комплексе незначителен (10,3%), в целом преобладают сосуды с отогнутой шейкой (36,7%). Показатель степени орнаментированности на пос. Карлуга I (83%) намного больше, чем на пос. Борки II (45%).

Орнаментированные зоны: венчик, шейка, плечо. Чистые орнаментальные зоны встречаются редко, зато посуда отличается большим разнообразием в сочетаниях орнаментальных зон (таких сочетаний на обоих поселениях четыре). Присмы нанесения орнамента одинаковы. Орнамент состоит из глубоких цилиндрических ямок (с жемчужиной на внешней или внутренней стороне), неглубоких ямок, гребенчатого штампа, резных линий, вдавлений (табл. 66). В большинстве случаев встречаются ямочный, гребенчатый, резной орнамент. На обоих поселениях преобладают сочетания ямочного и гребенчатого орнамента. Разнообразны приемы нанесения орнамента (их выделено восемь групп).

Проведено сравнение коллекций по технике орнамента и элементам узора. Близкий коэффициент различия по элементам орнамента дали сосуды с вертикальной и отогнутой внутрь шейкой. Относительно близкими оказались керамические комплексы по приемам нанесения орнамента. Всего выделено 16 элементов, а с вариантами 40 (табл. 66). Чаще всего используются оттиски гребенчатого штампа, цилиндрические ямки, которые в различных сочетаниях показали на пос. Борки II - 56%, на пос. Карлуга I - 76,6%. Поселение Борки II отличается большим разнообразием сочетания элементов узора на сосудах.

Синхронным поселенческим объектом степной зоны Северного Казахстана является поселение Кеноткель X. Керамический материал памятника вследствие его малочисленности и сильной фрагментарности не подвергался статистической обработке. Сосуды поселения Кеноткель X в основном баночных форм, плоскодонные. Особую группу составляют невысокие открытые чашки (табл. 63). Встречаются горшки с выгнутой шейкой, раздутым туловом. Вследствие длительного пребывания в золистом грунте и под воздействием влаги, керамика покрыта тонкой патиной. Те фрагменты, которые можно очистить, как и редкие экземпляры без патинизированной оболочки имеют коричнево-серый и кирпично-красный цвет поверхности, в изломе черные. Тесто с большой примесью крупного песка, шамота, имеет комковатую структуру.

Посуда грубая, бедно орнаментированная, выделяется разнообразным оформлением венчиков. Помимо обычных уплощенных венчиков, встречаются шейки с оттянутым наружу венчиком, скошенным вовнутрь до образования внутреннего ребра, венчики с напылом или довольно массивным утолщением (табл. 62; 63). Техника орнаментации - ямочно-жемчужная. Преобладают пояски жемчужин, выдавленные по шейке изнутри и дополнительно оформленные поверху защипом (табл. 63). Помимо ямок встречается треугольные вдавления, вертикальные налеты с орнаментированной поверхностью. На одном из горшков на изгибе шейки сформировано отверстие с выступающим воронкообразным краем (табл. 63: 4).

IV - V вв. до н.э. Выборка керамики с поселений Борки I и городища Ак-Тау составила 172 сосуда. Из них 128 орнаментированных шеек. Сосуды средних и больших размеров с раздутым туловом, наибольший диаметр у банок 10-17 см. Сосуды круглодонные, процент плоскодононных незначителен. В качестве примеси использован мелкий песок, шамот, обжиг слабый. Сосуды толстостенные (свыше 7 мм), преобладает плоский венчик (Борки I - 86,4%, Ак-Тау - 43,9%). На Ак-Тау значителен процент округлых венчиков - 34,7%, встречаются и заостренные венчики. Процент банок и чаш в комплексе незначителен (8,7%) (табл. 68: 3,7; 81: 7-14). На поселениях Борки I преобладают сосуды 11 подвида с вогнутой шейкой (40%), на поселении Ак-Тау соотношение сосудов девятого (35%) и одиннадцатого (34%) подвидов совпадает. Предварительно было выделено 6 типов сосуда, но это условно, в целом комплекс монолитен (табл. 68-72; 81-86).

Степень орнаментованности комплекса составляет 67%. Орнаментальные зоны: венчик, шейка, плечо. Преобладает украшение венчика (47,9%) и плеча (33,3%). Слабо орнаментированной оказалась шейка. Комплекс керамики отличается большим количеством сочетания орнаментальных зон (их четыре). На сосудах поселения Борки I узорная канва охватывает сразу венчик, шейку, плечо (34,6%), на городище Ак-Тау такими зонами являлись венчик и плечо (56,3%). Изредка орнаментировалось днище круглодонных сосудов, обычно ямочными наколами.

По технике нанесения все элементы узора условно разделены на четыре совокупности: 1 - резные, нанесенные ребром или острым концом палочки, сюда же относятся и резные насечки; 2 - накольчатые, нанесенные, как правило, углом тупой палочки; 3 - ямочные, элементарным изображением является овальная или круглая ямка; 4 - гребенчатые, выполненные гребенчатым штампом.

Всего выделено 16 элементов орнамента, а с вариантами - 29 (табл. 87). Чаще всего используется косая насечка, нанесенная обычно по срезу венчика. Традиционными являются горизонтальные елочки и вертикальный зигзаг, составляющие основу всех орнаментальных композиций комплекса (Борки I - 61%, Ак-Тау - 27%). Орнаменты были объединены в восемь групп (табл. 87). Семь элементов орнамента, встречающиеся только на Ак-Тау, групп не образуют. Общий набор элементов орнамента является типичным для саргатской керамики. Но каждый конкретный памятник характеризуется различной степенью их постоянства. Коэффициент различия по элементам орнамента (30%) превышает коэффициенты по технике орнамента. Это объясняется тем, что на Ак-Тау орнаментальные композиции более разнообразны (их 15).

Наиболее тесная связь (1,9%) установлена по технике орнамента. Близкий коэффициент дали памятники по степени орнаментованности (19,5%). На сосудах приишимских памятников преобладает резная техника (54%), ямка и накол составляют незначительный процент (7% и 7,3%). На поселении Борки I часть керамики была украшена оттисками гребенчатого штампа (6%).

КЕРАМИКА ПОГРЕБЕНИЙ. Погребальная посуда насчитывает 70 сосудов. Из них 5 - это фрагменты деревянных и берестяных чаш, 7 сосудов привозных (среди них 4 сделаны на гончарном круте). Среди комплекса лепной керамики - 5 курильниц баночной формы с отверстием на тулове. Керамика выделена в хронологические группы по предметам вооружения и особенностям погребального обряда. Самостоятельно датирующими выступают привозные сосуды и образцы позднебронзовой керамики. Малочисленность комплекса затрудняет выявление каких-либо тенденций в развитии глиняной посуды. В целом комплекс характеризуется крайней разнородностью, бедностью орнаментации. Орнаментировано менее трети сосудов (табл. 59). В таблице керамика объединена по хронологическим группам с учетом микрорайонов.

(IX) VIII - VII вв. до н.э. Серия керамики немногочисленна (8 экз.), состоит из двух частей. Первая включает типично позднебронзовую керамику, которую продолжают ставить в могилы в переходное и раннесакское время. Вторая - это керамические формы, характерные для раннего железного века. Встреченные позднебронзовые сосуды представлены тремя типами. Это горшки с невысокой прямой или слегка отогнутой наружу шейкой плавно переходящей в высокое плечо (тип 1 - по Зданович С.Я., 1984, с.82) (табл. 59: 5). Стройность сосуду придают узкие днища. Орнамент расположен на плечиках в виде поясков горизонтальной елочки, вертикального зигзага в сочетании с ямочными вдавлениями. В эту же группу входит сосуд карасукоидного облика с биконическим туловом, короткой отогнутой шейкой и узким дном. Орнаментирован по шейке и плечу однорядовым зигзагом, составленным из мелких ямочных наколов (табл. 59: 7). Сосуд горшечной формы с широкими устьем и дном, известный по позднебронзовым комплексам как тип II (Зданович С.Я., 1984, с.82) (табл. 59: 8).

Керамика второй группы представлена двумя типами. Первый - это сосуды с туловом яйцевидной формы, с отогнутой наружу шейкой и плоским дном (табл. 59: 6). Второй - баночной формы с носиком - сливом (табл. 59: 1).

VI - V вв. до н.э. - 3 экз. Сосуды плоскодонные. Один из них имеет тулово биконической формы с отогнутой наружу шейкой. Диаметр устья и дна примерно одинаков. Сосуд неорнаментирован (табл. 59: 2; 88: 4). Эта форма встречается на протяжении всего железного века (табл. 59: 16, 42). Два миниатюрных сосудика, один заполненный желтым порошкообразным веществом, найдены в кургане 2 могильника Графские развалины. Один из них - кувшинчик с шаровидным туловом и высокой отогнутой наружу шейкой. По шейке и тулову нанесен рисунок черной краской (табл. 50: 4). Второй сосудик шаровидной формы, без шейки. Диаметр устья и дна одинаков. С одной стороны на тулове прорезана пиктограмма, схематично напоминающая силуэт сидящего человека. Вся поверхность сосудика покрыта вертикальными рядами точечных ямок (табл. 59: 3).

IV - II вв. до н.э. - 26 экз. Сосуды плоскодонные и круглодонные. По форме тулова преобладают яйцевидные и шаровидные (табл. 59: 9-34). Выделяется компактная группа сосудов с яйцевидным туловом и узкой отогнутой наружу шейкой, плоским дном (табл. 59: 13, 14, 24-26). Один из них орнаментирован по плечу полоской вертикальных насечек и четырьмя попарно расположенными налепными шишечками (табл. 26: II, 4). Яркая форма круглодонного сосуда с яйцевидным туловом и короткой шейкой происходит из кургана 14 могильника Амангельды (табл. 59: 17). К нему примыкает сосуд с чуть уплощенным дном, короткой отогнутой шейкой, валиком под горловиной (табл. 50: 21). Группа посуды с шаровидным туловом представлена фрагментом довольно крупного сосуда с высокой цилиндрической горловиной. По основанию идет налепный валик и от него вниз уходят пучки вертикальных резных линий (табл. 59: 23). Второй сосуд (Берлик, к. 3) с короткой шейкой, круглодонный. Горловина украшена пояском ямочных вдавлений. В одном комплексе с ним зафиксированы курильница и маленький плоскодонный сосуд горшечной формы с широким устьем и дном (тип II по саргаринской керамике; Зданович С.Я., 1984, с. 84) (табл. 59: 18-20).

Группа сосудов IV - II вв. до н.э. включает образцы лесостепной посуды (15 экз.). Сосуды происходят из курганов Петропавловского микрорайона (табл. 59: 27-34). Представлены все ведущие типы саргатской керамики (Корякова, 1988, с. 96). К этой серии относятся 4 экземпляра, являющиеся

подражанием посуде лесостепного облика. Они найдены в курганах Ишимо-Чаглинского микрорайона. При сохранении форм саргатской керамики (вертикально-эллиптической, шаровидной, конусовидной), они отличаются орнаментацией. Вместо пышных орнаментальных узоров на плечиках этих сосудов нанесены попарно сгруппированные ямочные наколы (табл. 23; 59: 9-12).

II в. до н.э. - I в. н.э. - 20 экз. Серия представлена гончарными (привозными) и лепными сосудами. Практически каждый сосуд индивидуален. Проследить какую-либо общность форм крайне трудно. Среди лепных сосудов присутствуют горшки с высокой узкой горловиной, переходящей в раздутое тулово: бомбовидной, биконической, горизонтально-эллиптической формы (59: 50, 39, 52, 48). Основание шейки первых двух сосудов отмечено напленным валиком, у третьего двухрядовым желобком. В комплексе присутствуют формы плоскодонной керамики, встречающиеся во все эпохи. Это горшки с короткой отогнутой наружу шейкой, низким плечом слабо- или средневыпуклым туловом. Диаметр дна и устья одинаков (табл. 59: 42, 43). Выделяются сосуды горшечной формы с узкой низкой горловиной и массивным широким дном (табл. 59: 35, 53).

Привозная керамика представлена одноручным кувшином с шаровидным туловом, высокой цилиндрической горловиной и широким дном. Ручка прикреплена от верха венчика. По основанию шейки сформован легкий валик. Кувшин покрыт светло-желтым ангобом. В придонной части - гончарное клеймо, нанесенное щепой по влажной глине (табл. 59: 40). В комплексе с ним идет плоскодонный шаровидный сосуд с петлевидной ручкой (табл. 59: 44). К привозным экземплярам относится тонкостенный кувшин стройных пропорций, светло-желтого цвета. Кувшин с высокой отогнутой наружу шейкой, яйцевидным туловом (табл. 59: 37). В катакомбе кургана 36 урочища Тасмола обнаружены три сосуда. Два из них темно-серого цвета прекрасной выделки из хорошо отмученной глины. Сосуды плоскодонные вазообразной формы, узкогорлые, с высокой выгнутой шейкой (табл. 59: 46, 47). По основанию шейки - напленной валик. На плече одного из них гончарное клеймо в виде трилистника.

Из 20 сосудов этой серии орнаментированы пять. Одинаковый орнаментальный мотив в виде четырехлепестковой розетки покрывает плечики двух сосудов (Жалтырь и Явленка, к. 5) (табл. 59: 48, 50). Орнамент в виде вертикальных резных линий нанесен на верхнюю часть тулова сосуда из коллективного погребения 32 могильника Жабай-Покровка (табл. 59: 36). Поясок треугольных фестонов окружает плечико круглодонного сосуда (Явленка, к. 5) (табл. 59: 51).

II - IV вв. н.э. - 8 экз. Один сосуд привозной гончарный (Покровка, к. 4) (табл. 59: 57), остальные лепные. Серия представлена двумя типами. Сосуды с высокой прямой горловиной, шаровидным туловом, уплощенным дном. К ним примыкает гончарный тонкостенный кувшин светло-коричневого цвета. На тулове пятна черной краски (табл. 59: 57). Второй тип составляют сосуды круглодонные с горизонтально-эллиптическим туловом, широким устьем и отогнутой наружу шейкой. Два из них (Соколовка, к. 1) орнаментированы по плечичу резной елочкой, зигзагом из насечек (табл. 59: 54-56).

Глава V

Северный Казахстан в системе великой степи кочевников: этнические и культурные связи

V.1. ХРОНОЛОГИЯ ПАМЯТНИКОВ СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА

В основу хронологических построений памятников раннего железного века Северного Казахстана положены результаты сравнительно-типологического анализа вещевого инвентаря - прежде всего предметов вооружения, конской упряжки, орудий труда, керамики. При определении хронологического периода первоначально выделялось опорное ядро - группа памятников с надежной датировкой, которое разрасталось путем перекрестной и относительной хронологии. Постепенно выявлялись ведущие признаки погребального обряда, совокупность которых в дальнейшем также могла выступать в качестве хронологического определителя. Некоторые из датировок уточнялись случаями вертикальной стратиграфии, наложением могил.

Главным индикатором хронологических позиций и культурной принадлежности поселенческих памятников выступает керамика. Статистическая обработка посуды с четырех поселений Северного Казахстана предоставила надежную базу для ее датировки и сравнительного анализа. Время функционирования поселения Кеноткель X определено керамикой и орудиями труда.

IX - VIII вв. до н.э. включает немногочисленную серию курганов и поселение Кеноткель X. Основанием для выделения памятников переходного времени служит изменение погребального обряда, выразившееся в сочетании старых и новых признаков, отражающих в совокупности особую промежуточную стадию в развитии обряда от эпохи бронзы к раннему железному веку.

Ярким погребальным комплексом IX - VIII вв. до н.э. является курган 5 могильника Берлик II. Время появления его обосновывается характером сопутствующего инвентаря (табл. 9; 10: 1). Типично позднебронзовый сосуд совмещен с набором наконечников стрел, распространенных в раннесакское время. При датировке упор сделан на архаичность втульчатого двухлопастного, который в VII в. до н.э. имел уже несколько иную форму головки и острия (Медведская, 1972, с. 84). Бронзовые черепковые наконечники известны в Казахстане с эпохи бронзы, поэтому их ранняя дата не должна вызывать сомнений. Наконечники объединяет одинаковый состав сплавов, традиционный для местной металлургической базы с эпохи поздней бронзы (Барцева, 1986, с. 71; Кузнецова Э.Ф., 1992, с. 73). По сосудам саргаринского облика к группе переходных памятников отнесены еще два кургана (Конысбай, к. 1; Жабай-Покровка, погребение 170).

Историческую ситуацию переходного периода и начала раннего железного века в степной части

Северного Казахстана отражают материалы поселения Кеноткель X. Состав вещевого комплекса сближает поселение с памятниками эпохи бронзы. Коллекция памятника включает бронзовые ножи (4 экз.), фрагмент бронзового кельта, шилья, проколки, фрагменты костяных изделий, разнообразные каменные орудия (песты, терочники /терочные плиты/, наковаленки, молотки, оселки) (табл. 60-62).

Датирующей категорией инвентаря выступают бронзовые ножи (табл. 56: 4, 5, 9, 10). Подобные типы однолезвийных ножей являются частой находкой в памятниках эпохи бронзы Северного Казахстана (Зданович Г.Б., 1988; Аванесова, 1991, с. 26-28). Подтверждением ранней даты поселения Кеноткель X служит пластинчатый нож криволинейных очертаний (табл. 56: 5), характерный для позднебронзовых комплексов (Аванесова, 1991, с. 27). В позднебронзовую эпоху получают распространение и ножи с кольцевым завершением (Маргулан, 1979; Черных, 1983). На поселении найден фрагмент костяной мотыжки, украшенный резными линиями, аналогичными узору бронзовых кельтов западносибирского типа (табл. 60: 5).

Интерес представляет довольно обширная серия специализированного каменного инвентаря (табл. 61). Находки их на поселениях эпохи бронзы традиционно связываются с развитием земледелия. Трасологический анализ каменных орудий поселения Петровка II выявил принадлежность большинства их к инструментам металлообрабатывающего производства (Зданович С.Я., Коробкова, 1988). В верховьях Чаглинки известны древние разработки медной руды. вполне вероятно поселение Кеноткель X было не только сезонным стойбищем, но и довольно стабильным центром кузнечного ремесла. Косвенным подтверждением этого служит мощный слой напластований золы, достигающий толщины 0,6-0,8 м и находки бронзовых изделий. Среди каменного инвентаря найдены оселки, фрагменты каменных жертвенников, типичные для курганов тасмолинской культуры (табл. 60; 61).

Сохранение очагов оседлости с традиционными направлениями хозяйственной деятельности могло продолжаться лишь в переходное от бронзы к железу время и в самом начале сакской эпохи. Уточняющим фактором является керамика (табл. 62; 63). По форме и обедненному орнаменту она находит аналогии в поздних комплексах поселений заключительного этапа эпохи бронзы - Ильинка I, Берсуат, Трушниково (Зданович С.Я., 1984; Черников, 1960). Состав теста и плоскостность свидетельствуют о близости ее тасмолинской посуде. Хронологически керамический комплекс поселения Кеноткель X занимает промежуточное положение между концом бронзового и началом раннего железного века.

На настоящем этапе исследования начато выделение культурного пласта, отражающего содержание переходной эпохи. В Центральном Казахстане это памятники донгальского типа (Ломан, 1987). На более широкой территории евразийского степного пояса подобная керамика выделена в нурской тип, впервые открытый на поселениях Нижнего Повольжья (Качалова, 1989). При сравнении донгальской и кеноткельской керамики по признаку орнаментированности, посуда первой по присутствию узоров в виде наклонных нарезок, сетки, зигзагов обнаруживает большое сходство с эпохой бронзы (Ломан, 1987; Черников, 1960). Кеноткельская керамика украшена только ямочно-жемчужной орнаментацией. Этот факт с учетом всей совокупности основных характеристик поселения служит основанием для датировки его (IX) VIII - VII вв. до н.э.

Это пока первое поселение, обнаруженное в степной зоне Казахстана. Материалы памятника имеют аналогию как в комплексах предшествующей эпохи, так и в памятниках последующего времени. Орнаментальные традиции, заимствованные на кеноткельской керамике, оказались живучими. Различные вдавления, ямки, зацепы характеризуют орнамент сосудов IV - II вв. до н.э. Необходимо отметить, что ямочно-жемчужная техника орнаментации для начала раннего железного века явление

типичное. Она зафиксирована как в лесостепной, так и в степной зоне Урало - Иртышского междуречья.

VIII - VII вв. до н.э. Объединяет 38 курганов и три поселения (Карлуга I, Борки II, Кеноткель X). Опорная группа курганов раннесакского времени выделена по наборам наконечников стрел. К числу наиболее ранних может быть отнесен курган 1 могильника Берлик (табл. 13: 1-6). Время памятника определяется костяными втульчатыми четырехгранными наконечниками башневадной формы. В сочетании с остальными предметами сопутствующего инвентаря они составляют комплекс характерный для предскифского времени. Аналогии известны в киммерийских могилах Северного Причерноморья и в материалах кургана Аржан (Тереножкин, 1976, с. 32-33; Грязнов, 1980).

Сравнительно-типологическим методом с привлечением данных спектрального анализа удалось определить формы стрел, втуляющие в VIII - VII вв. до н.э. (табл. 50). Они принадлежат к местным казахстанским формам, связанным с андроновской традицией (втульчатые двухлопастные, втульчатые четырехгранные ромбические в сечении, бронзовые черешковые наконечники стрел). Массовое производство их завершилось к концу VII в. до н.э. Наконечники стрел VIII - VII вв. до н.э. имеют однородный химический состав металла, рецептура которого утрачивается к VI - V вв. до н.э. (Барцева, 1986, с. 73; Кузнецова Э.Ф., 1983, с. 37). По типам наконечников стрел, ведущим свое происхождение с эпохи бронзы к раннесакскому периоду могут быть отнесены четыре кургана: Алыпкаш, курганы 1, 13; Покровка, курган 1; Бектениз, курган 3 (табл. 14: 2-7, 15). Наиболее ярким типологическим спектром выделяется колчан кургана 13 Алыпкаш (табл. 15). По сочетанию втульчатых двухлопастных и бронзовых черешковых наконечников стрел не выходит за рамки VII в. до н.э. курган 1 Покровка (Зданович Г.Б., 1969, с. 71).

По казахстанским и среднеазиатским материалам установлено, что бронзовые черешковые наконечники практически сошли с производства к концу VII в. до н.э. (Медведская, 1980, с. 28). Лишь единичные экземпляры их продолжают встречаться в курганах VI в. до н.э. Это обстоятельство побудило включить в группу VII в. до н.э. курган 3 Бектениз, колчан которого состоит из бронзовых и черешковых наконечников стрел.

Классификация наконечников стрел выявила комплексы воинских захоронений раннесакского времени. Погребальный инвентарь их, кроме наконечников, включает ножи, типы которых в дальнейшем могут выступать в качестве хронологических реперов. Это однолезвийные пластинчатые ножи с кольцевым навершием и ножи с выделенной рукоятью и "хвостатым" лезвием (табл. 56: 2, 3, 8, 11). Ножи последней формы известны на территории Казахстана с раннеалакульского времени (Ткачев, 1987, с. 30; Аванесова, 1991, рис. 33: 14; Итина, 1977, с. 159; Арсланова, 1974, с. 53).

Выделение группы памятников раннесакского времени коррелируется распространением бронзовых акинаков с "шипастым" перекрестием, датируемых VIII - VII вв. до н.э. (табл. 52: 1, 2). Эта форма оружия хорошо известна на территории Северного и Восточного Казахстана (Членова, 1976).

Круг раннесакских курганов расширяется за счет включения в него комплексов, содержащих бронзовые дисковидные зеркала с бортиком и центральной ручкой-петелькой на обороте. Это наиболее древний тип зеркал. Местом изготовления их считаются азиатские степи. Именно в среднеазиатско-казахстанских материалах известны их позднебронзовые прототипы (Кузьмина, 1966, с. 68; Членова, 1967, с. 90; Кузнецова Т.М., 1989, с. 144).

В настоящее время детализация типологии и хронологии многих ведущих категорий предметов вооружения и конской упряжи позволяет уточнить время изготовления дисковидных зеркал (Галанина, 1983; Акишев К.А., Акишев А.К., 1978, с. 47). В пяти курганах Казахстана они обнаружены совместно с удечным набором ранних типов. Это бронзовые удила с дупловым размещением

отверстий (Уйгарак, к. 51; Тагискен, к. 36; Тасмола, к. 19) (Вишневская, 1973, с. 147, 148; Вишневская, Итина, 1971; Кадырбаев, 1966, с. 314). И второй комплекс - это стремсчювидные удила с роговыми псалиями (Уйгарак, к. 47; Тагискен, к. 45). Оба типа узды существовали одновременно и позже VIII - VII вв. до н.э. не встречаются (Грязнов, 1980; Акишев К.А., Акишев А.К., 1978, с. 47). Признаком, подчеркивающим архаичность удил, является орнамент на стержнях в виде выпуклых, литых "нарезок" в "шашечку". По северокавказским комплексам удила с таким орнаментом не распространяются позже VIII - VII вв. до н.э. (Петренко, 1983, с. 44). Таким образом, совместные находки архаичных типов конского убора и дисковидных зеркал с бортиком и центральной ручкой - петелькой позволяют определить время бытования последних как VIII - VII вв. до н.э.

Дата эта подкрепляется присутствием в кургане 36 могильника. Тагискен помимо предметов конской узды еще бронзовых черешковых трехгранных наконечников стрел, преимущественное время распространение которых ограничивается VIII - VII вв. до н.э. Бронзовые зеркала с бортиком и центральной ручкой - петелькой на обороте встречены в курганах 1, 2, 10 урочища Бектениз (табл. 14; 18; 16) и в известном комплексе кургана у оз. Б.Чебачье (Грязнов, 1956а).

Еще один тип зеркал выступает в качестве хронологического репера. Это зеркало с боковой ручкой и петелькой на ручке (отдел II, тип 2). Совместные находки его с предметами вооружения дают дату VII - VI вв. до н.э. В курганах урало-казахстанских степей встречены три экземпляра зеркал с подобной конструкцией ручек (Марининское; курган на р. Уй под г. Троицком; Уйгарак, к. 21). Все они найдены в комплексе с акинаками. Марининское и уйское зеркала совмещены с кинжалами нурманбетского типа, дата которого VI в. до н.э. (Грязнов, 1956; Матвеева Г.И., 1964, с. 212-214). В состав уйского погребения входят девять бронзовых черешковых наконечников стрел, определяющих время кургана VII - VI вв. до н.э. Зеркало из кургана 21 могильника Уйгарак происходит из набора, который достаточно аргументировано отнесен к VII в. до н.э. (Кузьмина, 1975, с. 288). Эти находки допускают бытование зеркал II отдела, ручки которых дополнительно снабжены петелькой в VII - VI вв. до н.э. На территории Северного Казахстана зеркала этого типа входят в состав двух курганных комплексов: Графские развалины, курган 9, Конурсу, курган 2 (табл. 57: 1, 5).

Статус датирующей категории инвентаря, возможно, обрстет в дальнейшем каменные жертвенники клювовидной формы (табл. 58: 3). Судя по опубликованным данным, в комплексах Казахстана их насчитывается более 12 экземпляров (Кадырбаев, 1966; Вишневская, 1973; Вишневская, Итина, 1971; Толстов, Итина, 1966; Яблонский, 1991). По сопоставляемому материалу - бронзовым зеркалам с центральной ручкой - петелькой и предметам конской сбруи - каменные жертвенники клювовидной формы датируются VIII - VII вв. до н.э. (Уйгарак, курганы 11, 15, 51; Тагискен, курган 66). На территории Северного Казахстана они входят в комплекс кургана 11 урочища Алыпкаш и кургана 1 могильника Графские развалины. Курган 7 урочища Улубай относится к VIII - VII вв. до н.э. по бронзовому кельту с лобным ушком и подквадратным сечением втулки (табл. 14: 12).

В группу VIII - VII вв. до н.э., кроме погребальных комплексов, входят три поселения. Хронологические позиции одного из них (Кеноткель X) освещены выше. Среди вещевого инвентаря поселения Карлуга I и Борки II датирующие вещи отсутствуют. По керамическому материалу они принадлежат к кругу памятников байтовской культуры, территория которой охватывает лесостепную полосу Тоболо-Ишимского междуречья. Основным видом источников по байтовской культуре являются поселения. Погребальные памятники не обнаружены. Хронологические рамки байтовской культуры (VIII - IV вв. до н.э.) определены относительной датировкой. Нижний рубеж (VIII - VII вв. до н.э.) обозначен фактами совместного залегания байтовской и крестовой керамики в котлованах жилищ притобольских

поселений поздней бронзы (Матвеева Н.П., 1989). Верхний (V в. до н.э.) образован перекрещиванием баяновского слоя саргатским и начальной датой саргатской культуры (V - IV вв. до н.э.).

Датировка поселений Карлуга I и Борки II VIII - VII вв. до н.э. основана на фактах косвенного характера. Во-первых, на данных о проникновении зауральской лесостепной керамики раннего железного века на территорию Северного Казахстана. Единичные экземпляры сосудов воробьевского, иткульского типов зафиксированы в культурном слое и на дне поселений заключительного этапа эпохи поздней бронзы - Петровка IV, Ильинка. Именно для этого времени мы вправе предполагать возможность миграций с лесостепи в степь населения, оставившего на Ишиме поселения Карлуга I, Борки II. Во-вторых, на наших знаниях о палеоклиматической ситуации рубежа II - I тыс. до н.э., приведшей к перестройке этнокультурной карты Урало-Иртышского региона. Третий факт касается общей тенденции в развитии позднебронзовых керамических комплексов лесостепной и степной подзоны. Генезис орнаментации ее идет в направлении обеднения и упрощения элементов узора, постепенном преобладании ямочно-жемчужно-гребенчатой орнаментации. Для степного региона это установлено корреляцией орнаментации керамики саргаринской культуры (Зданович С.Я., 1984, с. 95-96). Совокупность этих данных позволяет отнести время появления на территории Северного Казахстана поселений с лесостепной керамикой к началу раннего железного века - VIII - VII вв. до н.э.

VI-V вв. до н.э. Типологическая систематизация ведущих категорий инвентаря позволила выделить группу погребальных памятников VI-V вв. до н.э. Ядро ее составили курганы, в колчанах которых преобладают бронзовые втульчатые трехлопастные и трехгранные наконечники стрел при сохранении единичных экземпляров втульчатых двухлопастных (Алыпкаш, курган 2; Айдабуль, курган 1; Жаксы-Жангыстау, курган 10) (табл. 20). В инвентарь этих воинских погребений входят ножи с кольцевым навершием, железный кинжал с бабочковидным перекрестием и рожковидным навершием (Акишев К.А., 1959). В одном из них (Алыпкаш, курган 2) встречен пояс с бронзовыми обоймами, аналогии которому известны в тасмолинских курганах (Тасмола II, курган 1), курганах Алтая и Тувы (Башадар, курган 2; Алды-Бель I, курган 21, погр. б) (Кадырбаев, 1966, с. 346; Руденко, 1960, с.62; Грач, 1980, с.221). Круг этих вещей дает надежное обоснование даты VI-V вв. до н.э. Серия курганов может быть отнесена к этому хронологическому периоду по присутствию бронзовых зеркал с боковыми ручками. В целом эта форма зеркал датируется VII-IV вв. до н.э. Однако основная масса их происходит из курганов VI-V вв. до н.э. (Саргары, курган 1; Бектениз, курган 5) (табл. 19; 14: 19-25).

Хронологическая группа VI-V вв. до н.э. включает курган с каменным жертвенником на четырех ножках (Кенес, курган 1), с плоскодонными сосудами с необычным орнаментом - с пиктограммой, и рисунком, выполненным черной краской (табл. 59: 3,4). Объединяющим признаком является использование изделий из кости - пряслиц, всевозможных пластинок, косметических инструментов, флакончиков из трубчатой кости, заполненных порошкообразным веществом (табл. 14: 21, 22).

IV-II вв. до н.э. Включает 50 курганов и два поселения (Борки I, Ак-Тай). По предметам вооружения и конской упряжи вычлняется серия курганов конца V-IV вв. до н.э. (Берлик, курган 6; Боганаты, курган 1; Амангельды, курган 14, погр. 2; Урнек, курган 2) (табл. 22: I, 1, 2, 9-12; 32; 24; 52: 9; 59: 21; 22: III).

Кинжалы конца V-IV вв. до н.э. характеризуются сочетанием разновременных по форме наверший и перекрестий. Железный акинак из кургана 6 могильника Берлик II имеет подтреугольное перекрестие при серповидном (рожковидном) навершии (табл. 52: 9). На кинжале из кургана 2 урочища Урнек брусковидное навершие совмещено с узким, сломанным под тупым углом, перекрестием (табл. 52: 10). По этим признакам кинжал принадлежит переходным формам

раннесарматского оружия, распространенным не позднее IV в. до н.э. Раскопки последних лет пополнили количество находок этого типа кинжалов в комплексах VI-V вв. до н.э. (Мошкова, 1989, с. 27). Эти факты в сочетании со своеобразием типобразующих признаков позволяют датировать кинжал концом V-IV вв. до н.э. Выделение комплексов V-IV вв. до н.э. коррелируется железным акинаком с бабочковидным перекрестием и завершением в виде крыловидных выступов подпрямоугольной формы, покрытых зооморфным декором (табл. 54: 2).

В III в. до н.э. завершается производство наконечников стрел из бронзы. Колчаны курганов IV-II вв. до н.э. разнообразны по составу. Среди них наборы только из бронзовых наконечников (Амангельды, курган 14, погр. 1; Улубай, курган 13) или железных (поселение Борки II, погр. 1), есть и комплексы, содержащие в различных пропорциях наконечники из трех материалов: бронзы, железа, кости (Ак-Тау, курган 1, погр. 2) (табл. 22: 1; 21: 3, 12-16). Датированными являются бронзовые втульчатые наконечники соответствующие типам XII, XVIII, XIX савромато-сарматской классификации (Смирнов К.Ф., 1961). Время железных черешковых наконечников стрел из погребения I Борки II определено по типологии сарматских стрел (Хазанов, 1971).

Керамика играет подсобную роль в датировке курганов IV-II вв. до н.э. Большая часть ее найдена в комплексах, надежно датированных предметами вооружения. Образцы плоскостной посуды имеют аналогии в керамике раннесарматских памятников Южного Урала (табл. 59: 13-16, 24-26). Это сходство подкрепляется и единством погребального обряда (табл. 22: III; 26:II; 33).

Курганы Петропавловского Приишимья, содержащие круглодонную посуду датируются по саргатским древностям Западной Сибири (табл. 59: 27-34). По аналогии с ними определяется время каменных погребальных конструкций Ишимо-Чаглинского микрорайона с сосудами круглодонных форм (табл. 59: 9-12). Правильность датировки подкрепляется, в одном случае, бронзовыми наконечниками стрел (Улубай, курган 12), в другом, присутствием каменного жертвенника (Улубай, курган 3) (табл. 23). По тасмолинским древностям каменные жертвенники бытовали в VIII-III вв. до н.э. По находкам глазчатых бус к IV-II вв. до н.э. отнесен курган 13 могильника Амангельды (табл. 22: II).

IV-II вв. до н.э. представлен поселениями Борки I и Ак-Тау (Петропавловский микрорайон). Датировочным фактором выступает керамический комплекс (табл. 68-72; 81-86) и находка в культурном слое городища Ак-Тау трех бронзовых наконечников стрел (табл. 80: 6). Два из них трехгранные с внутренней втулкой, третий трехлопастной с необычным черешком шиловидной формы. Если первые два стандартны для колчанов IV-III вв. до н.э., то присутствие бронзового черешкового наконечника позволяет предположить возможное существование городища Ак-Тау уже в V в. до н.э.

Принадлежность памятников к V-III вв. до н.э. подкрепляется результатами математической обработки керамических комплексов и сравнения их с синхронными памятниками лесостепной зоны Западной Сибири. По таким показателям, как техника орнамента (преобладание резной техники), доминирование горизонтальной елочке среди элементов орнамента поселения Борки I и Ак-Тау относятся к первому хронологическому этапу саргатской культуры (табл. 87) (Корякова, 1988).

II в. до н.э. - I в. н.э. представлен 17 курганами. Хронологические рамки установлены по ярким наборам предметов вооружения. По кинжалу с кольцевым навершием к началу периода (II-I вв. до н.э.) принадлежит курган 1 урочища Конурсу (табл. 37) (Хазанов, 1971, с. 11). Находки кинжалов этого типа известны в подбойно-катакомбных погребениях Средней Азии (Лоховиц, 1979, с. 142; Горбунова, 1991, с. 26). Уточняют дату кургана железная кольцевидная пряжка с боковым крючком - выступом, характерная для раннесарматского времени, и нож с горбатой спинкой, имеющий соответствия в комплексах IV-II вв. до н.э. (табл. 37). Эти факты в совокупности и

определяют время появления кургана 1 Конурсу.

В пределах II в. до н.э. - I в. н.э. датируется комплекс кургана у оз. Жалтырь. Дату определяет железный кинжал с прямым перекрестием, без завершения, поставленный на вооружение в среднесарматское время. Корреляция взаимовстречаемости разновременных типов оружия в курганах Азиатской Сарматии уточнила датировку данного типа мечей пределами IV в. до н.э. - I в. н.э. (Скрипкин, 1990, с. 130). По среднесазнатским комплексам кинжал может быть датирован II в. до н.э. - I в. н.э. (Обельченко, 1978, с. 119).

К этому же времени относятся и железные черешковые наконечники стрел крупных размеров (табл. 39). Интересен набор костяных изделий - кочедык и две пластинки, поверхность одной украшена циркульным орнаментом. Костяные пластинки найдены в ногах рядом с наконечниками стрел. Подобные изделия изредка встречаются в памятниках раннего железного века и средневековья (Мандельштам, 1975, с. 186, табл. 38; Грач, 1980, с. 173; Полубояринова, 1986, с. 255). Судя по этнографическим материалам они могли служить в качестве наручных штиков, предохраняющих руки от удара тетивы при стрельбе из лука (Глинский, 1987, с. 100-109) либо принадлежали элементам поясной гарнитуры (Добжанский, 1990, с. 22) или деталям защитных доспехов воина (Горелик, 1993, с. 125).

Кочедыки имеют широкое хронологическое хождение (табл. 39: 9; 80: 18). Изделия из кургана Жалтырь, имеет на стержне петельку, оформленную в зооморфном стиле. Похоже на длинную изогнутую шею водоплавающей птицы (табл. 39: 9). Аналогичная костяная подвеска с фигурками двух медведей на стержне происходит из Зуевского могильника У-IV вв. до н.э. (Древнее искусство, 1974, илл. 67). Известны кочедыки в сарматских курганах Поволжья, в памятниках тесинской культуры Минусинской котловины (Синицын, 1959, с. 86, рис. 22; Скрипкин, 1990, рис. 37: 28-31; Грязнов, Завитухина, 1979, с. 73, рис. 48, 13).

Своеобразен крупный сероглиняный сосуд. Форма и орнаментация его отражают синтез двух культурных традиций (табл. 39: 12). Орнаментальный узор перекликается с композициями саргатской керамики. Плоскодонность и наличие валика по плечу свидетельствуют о влиянии степных традиций. Сосуды подобной формы не являются редкостью в курганах рубежа эр урало-казахстанских степей (Боталов, 1993, с. 132, рис. 6). В целом принадлежность кургана у озера Жалтырь ко II в. до н.э. - I в. н.э. не вызывает сомнений.

Два кургана, включенные в эту хронологическую группу, по наборам вооружения могут быть датированы I в. до н.э. - I в. н.э. Это курган 3 урочища Саркара и погребение 32 могильника Жабай - Покровка (табл. 42; 43). Дату определяют типы железных кинжалов (табл. 44: 10, 11). Наличие подтреугольной формы перекрестия на кинжале из кургана 3 урочища Саркара свидетельствует о принадлежности его среднесарматскому времени. Аналогии кинжалу известны в среднесазнатских материалах (Обельченко, 1978). Кинжал из погребения 32 Жабай - Покровка при отсутствии перекрестия и завершения может быть отнесен к этому времени по массивному, ромбического сечения, клинку с нервюром. Сопласуется с этим и архаичного типа железная пряжка с боковым выступом, распространенная преимущественно в раннесарматскую эпоху (табл. 42: 3).

Оба кургана помимо железных кинжалов содержат костяные накладки сложносоставных луков и длинные всаднические мечи. Появление этих видов оружия связывается с военной реформой рубежа эр. Господство их в евразийских степях наступает в позднесарматский период (Хазанов, 1971). По гуинно-сарматским древностям восточных регионов азиатских степей во II в. до н.э. длинные мечи уже вошли в экипировку конных воинов Центральной Азии (Кожомбердыев, Худяков, 1987, с. 89). Известны и ранние находки костяных накладок лука. На юге Западной Сибири они встречены

в комплексах III - I вв. до н.э. (Могильников, 1974, с. 81). Совокупность этих данных с учетом ведущих характеристик погребального обряда позволяет ограничить время появления курганов среднесарматским периодом в рамках I в. до н.э. - I в. н.э.

Период II в. до н.э. - I в. н.э. представлен еще двумя курганами (Саркара, курган 5; Тасмола, курган 36; табл. 40; 41). В инвентаре курганов нет датирующих вещей. Они включены в эту хронологическую группу по катакомбному способу захоронения и южной ориентировке умерших - позже эти характеристики обряда не фиксируются. Подсобную роль в определении времени играет керамический материал курганов. Присутствие сосудов с валиком объединяет курган 5 урочища Саркара и курган 36 урочища Тасмола с датированными катакомбами Северного Казахстана (Жалтырь, Явленка, курган 5, Берлик, курган 6) (табл. 59: 50, 48, 21). Последний относится к IV - II вв. до н.э. На настоящем уровне исследования почти все известные катакомбы Северного и Центрального Казахстана имеют в составе вещевого инвентаря крупные сосуды с валиком по плечу. Два из них привозные, сделаны на гончарном круге (Тасмола, курган 36, табл. 41: 2, 3). Поиски аналогий им уводят к древностям Тувы (Грач, 1980; Вайнштейн, Дьяконова, 1966, табл. V, VI). Единичные экземпляры подобной посуды найдены в катакомбных погребениях средней Сыр-Дарьи (могилиник Жаман-Толагай, курган 9) (Максимова, 1968, с.181).

Заключает группу II в. до н.э. - I в. н.э. курган 4 урочища Саркара, содержащий два одновременных погребения в одной яме (табл. 45; 46). Нижнее совершено в подбое головой на юг, верхнее, вводное, головой на СВ. Дату основного (нижнего) погребения помогают установить железные черешковые наконечники стрел и импортный одноручный кувшин с широким массивным дном (табл. 46: 6, 7; 59: 40). Аналогии кувшину известны в Тулхарском могильнике Северной Бактрии, датированном А.М. Мандельштамом II в. до н.э. - I в. н.э. (Мандельштам, 1966). Дату могильника оспаривают Б.А. Литвинский и А.В. Седов. По их мнению, могильник мог возникнуть в I-II вв. н.э., лишь наиболее ранние курганы заходят в I в. до н.э. (Литвинский, Седов, 1984, с. 128, 134).

Что касается нашего кургана, то довольно архаичным для I - II вв. н.э. выглядят мелкие железные трехлопастные наконечники стрел с дуговидными жальцами (табл. 46: 6, 7). По среднеазиатским древностям подобные наконечники датируются II в. до н.э. - I в. н.э. (Литвинский, 1965). Кувшин имеет тамгообразный знак в придонной части, позволяющий внести некоторые коррективы в датировку кургана (табл. 59: 40). Знак близок кругу "царских знаков" кушанской эпохи, хотя прототипы его фиксируются в сакском Семиречье (Акишев А.К., 1984, с. 157). Эти факты в сочетании с южной ориентировкой умершего склоняют нас в пользу датирования кургана I в. до н.э. - I в. н.э. Верхнее погребение по набору стеклянных бус с внутренней позолотой относится к I - III вв. н.э. (табл. 46: 5).

II-IV вв. н.э. объединяет 18 курганов. Дата памятников устанавливается по предметам вооружения, конской сбруи, деталям одежды и украшениям. Хронология этих категорий инвентаря подробно разработана для комплексов позднесарматского времени.

В пределах I - III вв. н.э. могут быть датированы указанное выше погребение 2 кургана 4 Саркара и курган у с. Красный Яр (табл. 46; 47; 48). Определяющими выступают бусы с металлической прокладкой, относящиеся к римской эпохе (Алексеева, 1978) и железные рамчатые пряжки с подвижным язычком, традиционные для сарматского и среднеазиатского кочевнического быта с последних веков до нашей эры (Мандельштам, 1966). Бронзовая пряжка с прямоугольным щитком (табл. 48: 1) распространяется в позднесарматское время. Сопоставление всех этих фактов

дает дату I-III вв. н.э.

Серия курганов относится к позднесарматскому времени по предметам вооружения: длинный всаднический меч с халцедоновым навершием, аналогии ему известны в Лебедевском могильнике Западного-Казахстана (II - III вв. н.э.) (Мошкова, 1982, с. 84); сложносоставной лук с костяными накладками, костяные черешковые наконечники стрел (Покровка, курганы 2, 4; курган у оз. Половинное) (табл. 49). В комплекс кургана 4 могильник Покровка, входит привозной сосуд, круглодонный, с высокой воронкообразной горловиной. На тулове черной краской нанесены какие-то неясные пятна (табл. 59: 57). Время вводного погребения в кургане 7 у с. Корсак определяется по стеклянным бусам с металлической прокладкой и железной пряжке с подвижным язычком ромбовидно расширяющимся на конце (табл. 33: 3, 5, 6). Аналогии пряжкам подобной формы известны в материалах груно-сарматского времени Кокзальского могильника (Дьяконова, 1970, с. 206). Общим датирующим признаком погребений II - IV вв. н.э. служит северная ориентировка умерших.

V.2. ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ И ПАЛЕОГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ ЭПОХИ ПЕРЕХОДА ОТ БРОНЗОВОГО К РАННЕМУ ЖЕЛЕЗНОМУ ВЕКУ

Источники по сако-сарматской эпохе Северного Казахстана составляют довольно обширную и разнообразную базу для теоретического осмысления и исторической интерпретации. Обоснованности и надежности предложенных выводов способствует ряд обстоятельств. Во-первых, возможность привлечения достаточно обширных и систематизированных знаний по раннему железному веку евразийских степей в целом и сопредельных территорий в частности. И во-вторых, использование результатов комплексного ареального исследования древностей Северного Казахстана. При моделировании тех или иных процессов и явлений сако-сарматской эпохи для сверки, уточнения наших представлений, установления генетических корней - всегда можно обратиться к необходимой информации предшествующих этапов первобытности.

Сложность этих факторов облегчает задачу реконструкции этнокультурной ситуации раннего железного века Северного Казахстана и соотношения ее с историческими событиями восточной части евразийских степей. Хозяйственные и культурные преобразования начала сакской эпохи были подготовлены всем ходом предшествующего развития региона. Свообразие природно-экологической ниши и климатические колебания второй половины голоцена в значительной степени обусловили этапы, содержание и особенности культурно-генетических процессов.

Этнокультурная карта раннего железного века Северного Казахстана отражает соседство двух различных археологических культур. Начало складывания ее уходит корнями в последствия ксеротерма суббореала (II тыс до н.э.). В эпоху ксеротерма в южнолесной и современной лесостепной полосе появляются андронидные культуры. Появление андроновских элементов на севере стало возможным в результате смещения границы леса и степи и образования в лесной полосе палеоландшафтов со степными экосистемами. Наиболее активно миграция андроновского населения на север и восток фиксируется на рубеже алауля-федоровки. В период поздней бронзы хозяйство населения степи и лесостепи было близко между собой и носило комплексный скотоводческо-земледельческий характер. Специфику лесостепной зоны составляла более активная роль охоты, рыболовства и собирательства.

Взаимоотношения населения степи и лесостепи отличались тесными связями и взаимодействиями. Так межовскую и бархатовскую посуду можно обнаружить в саргаринских комплексах далеко на юге степей. Широкое распространение андронидной посуды лесостепного облика на степных памятниках поздней бронзы и условия ее залегания в культурных слоях поселений свидетельствуют о мирных и

активных контактах, о возможности свободного перемещения отдельных групп населения в ту или иную зону, обусловленных, вероятно, традиционными культурно-историческими связями и экологическими факторами. Таким образом, этнокультурная близость населения степи, лесостепи и южной полосы леса стала складываться во второй половине II тыс. до н.э.

Последующее изменение культурно-исторической ситуации сопровождалось резкой сменой климатического режима в конце II - начале I тыс. до н.э. Последствия его оказались различными для лесостепи и степи. Если в лесостепной полосе Западной Сибири это привело к консервации хозяйственных традиций, то в степи явилось фактором бурных хозяйственных и культурных преобразований.

Наступивший пювиал сказался прежде всего в лесной зоне. Начинается перемещение южнотаежных и лесных охотников и рыболовов далеко на юг и складывание в IX - VIII вв. до н.э. в современной лесостепной полосе гамаюнско-молчановской общности "культур крестовой керамики" (Косарев, 1981, с. 181; Борзунов, 1986, с. 154).

Продвижение их специалисты связывают с наступлением леса на юг (Смирнов, Косинцев, Бородин, 1981). Это подвигла лесных охотников сузила территорию и частично вытеснила проживавшее здесь население поздней бронзы. По мнению уральских и западно-сибирских археологов граница между пришлым южнотаежным и местным андронидным населением не была жесткой, хотя ареал распространения гамаюнско-молчановской группы памятников охватывает северную половину современной лесостепи (Косинцев, Стефанов, 1989, с. 118; Шамшин, 1989, с. 123). Южная часть Ишимо-Иртышской лесостепи занята памятниками большеложского типа: Единичное проникновение носителей "крестовой керамики" зафиксировано на широте г. Петропавловска (Новопавловка). Таким образом, увлажнение гумидной зоны приводит к смещению лесных биоценозов на юг, к мозаичному переплетению к IX - VIII вв. до н.э. в современной лесостепной полосе Тоболо-Иртышского междуречья пришлого южнотаежного населения (с крестовой керамикой) с остатками местных андронидных культур поздней бронзы (межовка, черкаскуль, ирмень). Это обусловило переплетение двух хозяйственных традиций и способствовало сохранению, консервации в лесостепи вплоть до середины I тыс. до н.э. комплексного типа хозяйства с высокой ролью охоты и рыболовства. Сохранение обстановки, экологически благоприятной для традиционного комплексного ведения хозяйства, одновременно явилось фактором, сдерживающим темпы культурногенетических процессов в лесостепной зоне. Южная кромка лесостепной полосы продвинулась до широты города Петропавловска. В переходное от бронзы к раннему железу время территория Петропавловского микрорайона оказалась включенной в состав культурно-исторической общности гамаюнско-молчановского типа.

Несколько иные последствия пювиала наблюдаются в северной части аридной зоны. Перемещение леса сузило территорию саргаринской культуры, а возросший водный режим вынудил население поздней бронзы Северного Казахстана покинуть традиционные жилые площадки, служившие местами поселений на протяжении почти целого тысячелетия. Следы наводнений отмечены на поселениях Новоникольское I и Петровка II. Полы позднебронзовых жилищ поселения Ильинка I перекрыты речным аллювием, а часть территории поселка смыта водами Ишима (Зданович Г.Б., 1970, с. 147-153). Сохранность костного вещевого материала свидетельствует о том, что в котлованах больших землянок и полуземлянок в течении длительного времени стоит вода и формируется болотная растительность (пос. Саргары, Новоникольское и др.). До VIII-VII вв. до н.э. доживают только небольшие по площади и кратковременные поселки, в культурных слоях которых наряду с валиковой керамикой встречаются фрагменты посуды эпохи железа (Петровка IV, Ильинка I).

Сокращение широтных границ степного ландшафта, заболачивание участков высоких пойм, традиционно возделываемых под земледелие, приводят к историко-культурной нестабильности и заставляют население Северного Казахстана искать новые формы хозяйственной адаптации к изменившейся среде обитания. Этому в немалой степени способствуют увлажненность степных просторов междуречий, наполненность водой озерных впадин. Процесс перехода к кочевому скотоводству растянулся на один-два столетия. В экологически удобных оазисах саргаринское население пыталось сохранить привычную комплексную систему хозяйства. Отражением этих попыток следует считать появление небольших по площади кратковременных стоябищ, зафиксированных в виде отдельных котлованов жилищ, прорезающих заброшенный культурный слой поселений поздней бронзы (Трушниково; Кент) (Черников, 1960; Варфоломеев, 1987). Керамика этих жилищ по основным показателям представляет собой промежуточный комплекс между саргаринскими и тасмолинскими традициями. По одному из первых мест находок эта посуда получила название керамики донгальского типа (Ломан, 1987).

Процесс постепенного преобразования традиций бронзового века, складывания кочевого скотоводства и культуры раннего железного века Северного Казахстана отражают материалы поселения Кентколь Х. Само расположение памятника на небольшой степной речке, в плодородной межсочной долине, дно которой усеяно старичами, защищено от зимних ветров, создавало все условия как для земледелия, так и для выпаса скота. Состав культурного слоя, находки мелких фрагментов бронзы, бронзовых изделий, шлаков и каменного инвентаря позволяют квалифицировать поселок как ремесленный и земледельческий центр округи.

Появление такого поселения - закономерный результат складывания кочевого скотоводства. Как известно, кочевничество в чистом виде существовать не может. Для его естественного функционирования необходима взаимосвязь с оседлыми центрами ремесла и земледелия. На начальном этапе перехода к подвижным формам ведения хозяйства очаги оседлости возникали в одноэтнической, родственной среде. Фактически это была часть общины, обслуживающая кочевую округу.

В дальнейшем с расширением и консолидацией новой производственной специализации начинается процесс поляризации кочевого и оседлого мира. Оседлый компонент выносится за пределы этнической общности. К середине I тыс. до н.э. роль земледельческих партнеров Северного Казахстана взяли на себя оседлые центры лесостепной полосы Западной Сибири.

Таким образом, в IX - VIII вв. до н.э. граница между лесостепным и степным миром проходит по широте г. Петропавловска. В этих же рамках идет складывание двух ХКТ: оседлой, традиционно комплексной в лесостепи (ей соответствуют на Ишиме карьковская АК и памятники типа Большой Лог) (Генинг, Евдокимов, 1969) и кочевого скотоводства - в степном регионе. Предварительно АК переходного времени предлагается назвать донгальско-кенткольской по двум поселенческим объектам степной зоны Казахстана (Евдокимов, 1985; Ломан, 1987, с. 115). Специфика взаимоотношений кочевого и оседлого населения заложена именно в эту переходную эпоху как взаимосвязь этнически родственных коллективов, проживающих на одной и той же физико-географической территории, но адаптированных к различным хозяйственно-экологическим нишам.

Одновременно со становлением кочевого скотоводства в степной зоне Северного Казахстана идет процесс формирования культуры раннего железного века. Прежде всего меняется топография потребельных памятников. В отличие от компактных по территории могильников эпохи бронзы появляются одиночные насыпи, вынесенные в степь на водоразделы и курганные группы, тянущиеся вдоль речных систем. Зарождение этой инновации прослеживается уже в позднебронзовое время.

Погребальные сооружения поздней бронзы располагаются по периферии андроновских могильников и вытягиваются цепочкой вдоль водоемов на значительном удалении друг от друга (Оразбаев, 1958, с. 271; Кривцова-Гракова, 1948, с. 64). Погребения начинают носить индивидуальный, обособленный характер. На могильнике Саргары II на вскрытой площади в 5706 кв.м обнаружено всего 34 ямы (Зданович С.Я., 1979). Совершенно очевидно, что при свершении захоронений не предусматривалось никакой взаимосвязи между отдельными могилами. Отличительной чертой является разбросанность погребений по огромной территории могильника. Такое явление не было характерно для памятников бронзы и сближает планиграфию позднебронзового могильника Саргары II с планиграфией курганных захоронений раннего железного века.

Новый принцип пространственного размещения погребальных конструкций, вне сомнения, связан с коренной ломкой традиционного образа жизни и хозяйственных структур. Выпеснувшиеся в степь население расширяя ойкумену, именно таким способом - созданием одиночно разбросанных курганов, закрепляло за собой новую среду обитания. И, вероятно, в этой необычной топографической ситуации мы должны искать причину малочисленности открытых на сегодня погребальных комплексов поздней бронзы и переходной эпохи.

При анализе погребального обряда переходной эпохи установлено, что наибольшей консервативностью отличается система норм и предписаний, связанная с устройством могильной ямы и положением погребенного. Значительно большей подвижности, изменчивости подвержен цикл, обращенный к оформлению наземного курганного сооружения.

Курганы становятся индивидуальными: содержат только одну могильную яму. Меняется принцип "насыпки" кургана. Грунт для его строительства берется с площадки вокруг насыпи скалывается равномерными слоями по кольцу, с чередованием гумуса и материка, что придает профилю своеобразный "пятнистый" вид. В законченном виде темная громада оказывается в центре глиняного блюдцеобразного понижения. Такая технология строительства реконструирована для более позднего времени - крупных курганов IV - II вв. до н.э. (табл. 30). Но начало традиции восходит к переходной эпохе.

Таким образом, в начале I тыс. до н.э. в результате палеоклиматических и хозяйственных преобразований формируются современные границы ландшафтных зон, идет процесс складывания двух различных археологических культур и хозяйственно-культурных типов. Граница между ними не была жесткой. Более прогрессивным и мобильным был новый уклад хозяйства и носители его - кочевые племена степного региона оказывали влияние на население южной кромки лесостепи. Это влияние проявлялось в виде заимствования отдельных элементов в культуре и в производственной сфере (элементы подвижного скотоводства) (Косинцев, 1989; Сидоров, 1989).

В.3. САКСКАЯ ЭПОХА. ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ

Дальнейшее развитие исторических процессов в двух ландшафтно-климатических регионах происходило своеобразными путями. В VIII - VII вв. до н.э. лесостепная полоса Северного Казахстана в рамках Петропавловского микрорайона входит в зону обитания племен носителей гребенчато-жемчужно-ямочной орнаментации (байтово, носилово). В районе г. Петропавловска были открыты и изучены два поселения (Карлуга I и Борки II), значительно расширившие наши представления о границах байтовской культуры.

Пути проникновения лесостепного населения на юг прослеживаются по долинам рек. В данном случае Ишим, пересекая в меридиальном направлении различные орфографические районы, связывает воедино лесостепные и степные регионы, создавая своеобразный экологический гибрид. Ландшафтная непрерывность и мозаичное переплетение растительного покрова, характерные для

долины Ишима; допускали возможность проникновения и взаимодействие различных ХКТ. Немаловажным фактором служило генетическое родство населения раннесакской эпохи лесостепной и степной полосы. Базой формирования байтовской культуры явились бархатовские комплексы поздней бронзы, завершающие в лесостепи андроновскую линию развития (Жоржкова, 1991).

В степных районах Тоболо-Иртышского междуречья складывается культура сакского типа. В определении ее культурной принадлежности главную роль играет погребальный обряд. При сопоставительном изучении эволюции погребального обряда населения на разных этапах раннего железного века прослеживается непрерывность поступательного развития его основных элементов, изменения их и переход в новое качество. На этом фоне ярко выделяется сходство, близость ритуала первых двух хронологических периодов (VIII - V; IV - II вв. до н.э.), устанавливается полная преемственность культурных традиций и их устойчивая связь с погребальными комплексами эпохи бронзы казахстанских степей. Затухание традиции, упрощение обряда наблюдается к концу I тыс. до н.э. Следует отметить, что наиболее чутко реагирующим признаком обряда, отражающим эволюционные изменения, оказалась ориентировка умерших. По нашим данным наиболее мобильной, активно воспринимающей новации, затем распространяющей их является территория Сергеевского микрорайона. Не только в ландшафтном, но и в культурном отношении подтверждается ее обособленное положение, как своеобразной "буферной" передаточной зоны.

Если рассматривать обряд не в рамках его генеральной линии, а попытаться выявить локальные особенности, то намечаются следующие закономерности. Обряд захоронения населения Ишимо-Чаглинского микрорайона оставался стабильным на протяжении VIII - II вв. до н.э. Ни в деталях надмогильных сооружений, ни в конструкции ям, ориентировке умерших не фиксируются изменения качественного порядка. Что касается Сергеевского микрорайона, то как было указано, ему свойственно более гибкая подвижная система норм погребального обряда. В VIII - V вв. до н.э. здесь дольше сохраняются черты архаики, что выражается в наличие рвов, деревянных надмогильных конструкций, имитирующих архитектуру жилых сооружений, в ориентировке погребенных на запад, юго-запад. В IV - II вв. до н.э. все отмеченные признаки закрепляются, получают несколько иную форму реализации; появляются новшества. Наряду с западной распространяется южная ориентировка и незначительный процент северной. Проникают новые типы могил: подбон, катакомбы. Именно эти новые черты составляют в дальнейшем специфику погребального обряда на всей исследуемой территории и в Ишимо-Чаглинском и Сергеевском микрорайонах.

По основным показателям погребальный обряд населения сакской эпохи Северного Казахстана обнаруживает сходство с обрядом тасмолинской культуры. Выделение тасмолинской культуры впервые обосновано на материалах Центрального Казахстана. Всего, судя по опубликованным материалам, в Сары-Арка вскрыто более 200 курганных комплексов. Примерно треть из них оказалась ограбленной (Кадырбаев, 1966; 1977; Бейсенов, 1989, с. 214). М.К.Кадырбаев дал полную характеристику тасмолинской культуры с определением периодизации и выделения трех этапов в ее развитии: VII - VI вв. до н.э., V-III вв. до н.э., III - I вв. до н.э. (Кадырбаев, 1977, с. 241-246). Им была отмечена стабильность развития культуры на протяжении первых двух хронологических периодов VII - III вв. до н.э. и изменение обряда в конце I тыс. до н.э. в виде появления южной ориентировки, катакомбных захоронений (табл. 41).

Ярким признаком тасмолинской культуры является своеобразный погребальный комплекс - курган "с усами". Однако, по распространенности этот тип памятников составляет десятую часть среди погребальных сооружений кочевников Центрального Казахстана. Стильдартным является

курган с каменной наброской, определенный исследователем как тип П. Внешне он похож на надмогильные конструкции Ишимо-Чаглинского микрорайона Северного Казахстана. Сравнительным анализом установлено, что не только по внешнему виду погребальных конструкций, но и по главной тенденции, обряд тасмолинских племен и населения Ишимо-Чаглинского микрорайона совпадает. Он устойчив на протяжении первых двух хронологических этапов (VIII) VII - III вв. до н.э., хозяйственно-культурный прогресс подтверждают только предметы материального производства.

При сходстве в конструкции и содержании погребальных комплексов имеются и некоторые отличия. Они касаются, во-первых, направления преобладающей ориентировки. В Центральном Казахстане господствует северная и северо-западная ориентировки, в обряде Ишимо-Чаглинского микрорайона - западная, северо-западная. Во-вторых, расхождения проявляются в отравлении некоторых культов. Так, характерной чертой обряда тасмолинцев VII-VI вв. до н.э. был культ коня. Черепа, кости ног, вероятно, шкуры животных заполняют южную часть погребальных камер курганов II типа. Целые скелеты или кости их расчищены под насыпями мелких курганов, входящих в ансамбль кургана "с усами": В обряде Северного Казахстана культ коня не прослежен столь полно. Предметы конской узда единичны и найдены в отдельных каменных оградках, входящих в ансамбль курганных полей. Следующее различие касается проявления культа огня. У тасмолинцев он относится к поминальному циклу обряда, вынесен за пределы кургана, содержащего могильную яму. Следы его фиксируются на древней поверхности малого кургана - спутника. В обряде Северного Казахстана он включен в состав ритуальных действий, связанных с самим процессом захоронения, и наиболее ярко проявляется в IV - II вв. до н.э. В это время встречаются могилы с обожженными стенками, заполненные прокаленным грунтом (Улубай, курган 12, 13) (табл. 23: 4, 8). Различны типы, формы и место, отведенное для глиняной посуды. У тасмолинцев она обнаружена под насыпью поминальных курганов. В обряде Северного Казахстана посуда фиксируется в могиле, отличается по форме, составу теста и наличию орнамента (табл. 59).

Эти же признаки отличают тасмолинский обряд от обряда Сергеевского микрорайона. Здесь добавляются еще те яркие характеристики, которые связаны с архитектурными конструкциями и сохранностью надмогильных сооружений, возведенных из земли и дерева. Существенная особенность обряда Сергеевского микрорайона, несвойственная тасмолинскому и ишимо-чаглинскому, заключается в трансформации, развитии его во времени. Здесь нет той устойчивости, которые характеризуют тасмолинский и ишимо-чаглинский обряд на протяжении (VIII) VII - II вв. до н.э.

При характеристике погребального обряда степной полосы Северного Казахстана нами было установлено единство и общность его в рамках Сергеевского и Ишимо-Чаглинского микрорайонов. Отмеченные при сравнении с Тасмолой признаки являются общими по отношению к обряду этих микрорайонов.

В целом мы склонны относить памятники раннего железного века степной части Северного Казахстана в рамках двух микрорайонов: Сергеевского и Ишимо-Чаглинского к локальному варианту тасмолинской культуры. По одному из ярких памятников - курганной группе урочища Улубай - культуру раннего железного века Северного Казахстана можно назвать улубаевско-тасмолинской, подчеркивая тем самым своеобразие археологических комплексов региона, и объединяя их с памятниками Сары-Арки в рамках единой культурной общности.

Улубаевско-тасмолинская культура проходит в своем развитии три хронологических этапа: VIII - VII; VI - V; IV - II вв. до н.э. Содержание и ведущие характеристики этапов определяются совокупностью этнических и культурных связей.

Наиболее ярким, насыщенным и динамичным по содержанию является раннесакский этап. На территории Северного Казахстана он представлен поселенческим и погребальным комплексами. Основным источником моделирования этнокультурных процессов является погребальный обряд. Он продолжает линию, намеченную в переходную эпоху. Наибольшей сложностью и многообразием признаков характеризуется обряд VIII - V вв. до н.э. Основное внимание уделяется архитектуре наземной части курганов. Это особенно ярко проявляется в конструкции земляных насыпей. Как ведущие отметим деревянные сооружения над ямой, нивелировку подкурганной площадки, застиление ее поверхности глиной, золой, хворостом, окружение рвом. Истоки этих норм уходят в традиции бронзового века (Зданович Г.Б., 1938, с. 137; Зданович С.Я., 1979, с.10; Маргулан, 1979).

Одновременно с детализацией и усложнением всего комплекса работ, направленных на возведение наземного погребального сооружения, значительной простотой отличаются погребальные камеры. В VIII - VII вв. до н.э. это неглубокие могильные ямы и наземные захоронения. В VI - V вв. до н.э. появляются первые подбон (Айдабуль). Ведущей ориенти-ровкой умерших является западная, при некоторых локальных различиях. Погребения Сергеевского микрорайона сохранили традиции бронзового века, имея западное и юго-западное направления. Для погребений Ишимо-Чаглинского микрорайона характерны северное и северо-западное направления.

Коллекция вещей улубаевско-тасмолинской культуры расширяет и углубляет наши представления о культуре в целом и ее взаимосвязях с окружающим миром. Колчаны воинов раннесакской эпохи представлены традиционным для Казахстана набором бронзовых втульчатых и черешковых наконечников стрел. Многообразие форм и типов, характерное для этого времени, свидетельствует о высоком уровне военного дела (табл. 50). Совершенствование втульчатых двухлопастных, приводит к появлению у них утяжеленной головки, шипа на втулке. Вероятно, результатом экспериментальных поисков следует считать опыт изготовления четырехлопастных стрел. К числу изобретений казахстанских металлургов и лучников относятся втульчатые четырехгранные формы стрел. Таким же разнообразием конструкций и способов оформления головок отличаются бронзовые черешковые наконечники.

На вооружении воинов VIII - VII вв. до н.э. находятся бронзовые кинжалы двух типов, выполненные по карасукским образцам: с шипастым и крышевидным перекрестием (табл.52). Существуют две точки зрения на генезис кинжалов с шипастым перекрестием. Н.Л.Членова придерживается мнения о переднеазиатских истоках этого типа оружия (Членова, 1976, с. 71). Обилие находок металлических изделий с Казахстанского Пришимья позволило Ф.Х.Арслановой выявить разнообразные формы оружия поздней бронзы, наметить основные этапы эволюции андроновских ножей - кинжалов, поздняя модификация которых могла послужить основой появления кинжалов с "шипастым" перекрестием (Арсланова, 1980, с. 95). На юго-востоке Казахстана известна находка бронзового кинжала, относящегося к поздней бронзе (XI - X вв. до н.э.), уже с выраженными шипами (Акишев, 1973).

Кинжал с крышевидным перекрестием близок так называемым "предтагарским" кинжалам Минусинской котловины (Членова, 1976, с.37). Их отличает принцип оформления перекрестий. У "предтагарских" и карасукских кинжалов перекрестия образовано за счет боковых выступов основания клинка. Наш кинжал (табл. 54: 2) имитирует в литье технику насадного перекрестия, характерную в прошлом для оружия андроновской эпохи и ставшую ведущей в технологии раннего железного века. Круг ближайших аналогий кинжалу с "крышевидным" перекрестием охватывает юг западно-сибирской лесостепи, что позволяет нам предположительно считать данную форму локальной особенностью региона на этапе формирования скифо-сакского оружия (Членова, 1982; Хабдулина,

Рубе, 1984; Абрамова, Стефанов, 1981, с.93).

В раннесакское время в степях Казахстана продолжает функционировать мощный производственный очаг цветной металлургии. Продукция его используется не только в пределах Казахстана, но и экспортируется в смежные и отдаленные районы евразийских степей. Изделия с характерным для Сибири и Казахстана составом металла, найдены далеко на западе, в Восточной Европе и Северном Кавказе. Наряду с изготовлением и использованием общескифских моделей различных категорий инвентаря, создаются местные типы, придающие региону локальное своеобразие. Так, в Северном Казахстане одновременно с распространением дисковидных зеркал с петелькой на обороте, появляются зеркала с боковой ручкой, снабженной дополнительной петелькой. Принадлежность этого типа к местной северо-казахстанской модели подкрепляется данными спектрального анализа (Барцева, 1986, с. 72).

Важным источником моделирования исторической ситуации раннесакского времени служат материалы поселения Кеноткель X. Вещевой комплекс памятника находит аналогии в инвентаре тасмолинских курганов. Керамическая коллекция поселения отражает известную с эпохи бронзы ситуацию несовпадения синхронных типов поселенческой и погребальной посуды. Погребальная керамика более архаична и мало изменчива (Зданович Г.Б., Шрейбер, 1988). Так, в переходное и в начале сакской эпохи в погребальном обряде продолжают использовать сосуды традиционных позднебронзовых форм. Вероятно, к концу раннесакского периода нужно отнести появление в курганах Северного Казахстана первых образцов посуды, аналогичной керамике поселения Кеноткель X (Улубай, курган 7, табл. 14: 14).

В степях Северного Казахстана уже в VIII - VII вв. до н.э. начинается освоение металлургии железа. Подтверждением этого служат находки биметаллических и железных ножей, пряжек, пластин. Этот технологический прорыв был достигнут в казахстанских степях раньше, чем в сопредельных регионах. В лесостепном Зауралье и Западной Сибири изделия из железа появляются в V в. до н.э. (Корякова, 1991, с. 17), на Южном Урале в конце VII - VI вв. до н.э. (Смирнов К.Ф., 1964). На Алтае и Минусинской котловине, где существовал мощный очаг цветной металлообработки "бронзовая индустрия не только не угасает с наступлением раннего железного века, а достигает поры наивысшего расцвета" (Кузьминых, 1983, с. 3).

Надежную дату освоения металлургии железа уже в раннесакское время демонстрируют находки железных ножей в одном комплексе со стрелевидными удилами в курганах тасмолинской культуры и саков Приаралья (Кадырбаев, 1966, с. 314; Вишневецкая, 1973, с. 140, 147).

VIII - VII вв. до н.э. занимают особое место в истории населения раннего железного века Северного Казахстана и, в целом, тасмолинской культурно-этнографической общности. Это период расцвета и могущества тасмолинцев. Ими была освоена огромная территория степного региона Урало-Иртышского междуречья. Памятники их открыты на Южном Урале, где материалы тасмолинского типа позволили исследователям выделить их в особый бобровский этап и интерпретировать его как региональный вариант тасмолинской культурно - этнографической общности (Таиров, 1991). На востоке они проникают вглубь степной зоны Обь-Иртышского междуречья и принимают участие в сложении каменной культуры (Могильников, 1980, с. 45). На севере отдельные включения тасмолинцев фиксируются по южной половине лесостепной зоны, примерно между 55° и 56° с.ш. Курганы кочевников казахстанских степей известны под Челябинском (Чурилово, курган 27; Сосновский, курган 1; Сухомесово, курган 1, 7), на оз. Аргазии; в Тоболо-Ишимском междуречье - на оз. Андреевском, Фоминцеве; в Прииртышье к северу от Омска - Богдановка, Битые горки

(Мошкова, 1969, с. 140; Генинг, Голдина, 1969, с. 94).

Судя по количественному соотношению памятников различных хронологических периодов степи Северного Казахстана в VIII - VII вв. до н.э. переживают определенный демографический взрыв. Большинство открытых памятников относится к этому времени. Аналогичная ситуация характерна в целом для всей тасмолинской общности. Видимо, благоприятная экологическая обстановка, наступившая после плейстоценового рубежа II - I тыс. до н.э., способствовала росту и расцвету населения, обитавшего в степной зоне Казахстана.

Расширение ойкумены, вступление в непосредственный контакт с населением степной и южной части лесостепной полосы западно-азиатского региона питало и обогащало культуру инновациями, придавая особое своеобразие культуре ее приграничных районов. В зону контроля тасмолинцев входит один из основных торговых и миграционных каналов северной части азиатских степей. Транзитная магистраль, соединяющая мощный металлургический очаг Сибири с Восточной Европой, по которой передавались как сырье (олово), так и готовая продукция (кинжалы карасукского типа, бронзовые зеркала, предметы конской упряжи), проходила по линии: лесостепь-степь. Контроль и участие в системе культурных связей предоставляли дополнительные условия для непосредственного знакомства и заимствования бытовавших и более новых моделей вооружения, предметов быта и технологий.

Территория Северного Казахстана как магистральная полоса между двумя природно-географическими материками оказалась контактной буферной зоной, открытой как для меридиальных, так и широтных связей. Эти причины объясняют своеобразие сложившейся здесь культуры раннего железного века. Немаловажным фактором является полукочевая система скотоводства с существованием зимников, традиционных маршрутов перемещения и устоявшимся сезонным циклом производственных работ (Масанов, 1984). ХКТ этой территории отличается от кочевой системы скотоводства южных степных и полупустынных пространств Центрального Казахстана.

К VI - V вв. до н.э. обстановка в степях Северного Казахстана меняется. Тасмолинская общность сокращается в своих границах. Южный Урал становится родиной протосарматских племен. Северная граница проходит по кромке Петропавловского и Сергеевского микрорайонов. Наблюдается новая ориентировка культурных связей. Усиливаются контакты с западными соседями. Об этом свидетельствуют скифские формы наконечников стрел и кинжалов (табл. 50, 52).

Уже в VII - VI вв. до н.э. параллельно с поздними типами карасукских форм кинжалов появляются бронзовые акинаки с бабочковидным перекрестием. Новый тип оружия по оформлению рукояти распадается на две разновидности: акинак с волнистыми краями рукояти (нурманбетский тип) и гладкой рукоятью с рельефной обоймой под навершенем. Принадлежность кинжала нурманбетского типа к местной североказахстанской форме оружия VI в. до н.э. ни у кого не вызывает сомнений (Акишев, 1973, с. 46; Членова, 1981, с. 7). Вторая из предъявленных разновидностей относится к самой распространенной форме оружия скифской эпохи. Казахстанская серия акинаков этого типа выделяется некоторым своеобразием деталей. Это касается наверший преимущественно сегментовидно-треугольных очертаний и формы клинка, сохраняющей листовидный контур.

В VI - V вв. до н.э. появляются первые кинжалы из железа. Эволюция их в течение VI - IV вв. до н.э. отражает как бы обратный процесс развития - постепенное упрощение, превращение бабочковидного перекрестия в изломанное посередине. Серия железных кинжалов Северного Казахстана представлена образцами с рожковидным и брусковидным навершенем (табл. 52).

Ранний среди них бимсталлический акинак из кургана 1 могильника Айдабуль II демонстрирует начальный этап становления технологии кузнечного дела. С освоением нового металла процесс изготовления кинжалов распадается на несколько стадий и завершается соединением трех отдельных заготовок: навершия, перекрестия, основы кинжала. Видимо, наибольшая сложность заключалась в изобретении технологии сварки железа. На этапе поисков для этих целей используется привычный металл - бронза. Место соединения навершия с рукоятью айдабульского кинжала обернуто бронзовой обоймой. С помощью внутренней бронзовой прокладки приварены железные пластины бабочковидного перекрестия, дополнительно скрепленные по краям бронзовыми гвоздиками (Акишев, 1959, с. 20). Айдабульский акинак отражает конструктивные изменения кинжала скифского типа, связанные с воплощением его в новом металле. Новой для оружия Северного Казахстана является рожковидная форма навершия. Она отдаленно напоминает очертания навершений предшествующей эпохи, оформленные по принципу геральдического противостояния зооморфных фигур.

V - IV вв. до н.э. выделяется как своеобразный рубеж в истории культур раннего железного века. Внутреннее развитие их характеризуется усилением социальной градации обществ кочевников - выделением и обособлением родо-племенной знати. Внешнее приводит к переделу этнокультурной карты, вызванной не экологическими факторами, а причинами социального порядка.

В лесостепной полосе Зауралья и Западной Сибири появляется одно из ярких образований раннего железного века - саргатская культура. Памятники ее с V в. до н.э. по IV в. н.э. занимают территорию от Тобола до Иртыша. Тысячелетний период истории саргатского населения разбит исследователями на четыре хронологических этапа (Корякова, 1991). Истоки феномена саргатской культуры связаны с событиями степного региона Урало-Иртышского междуречья.

Сложившийся к V - IV вв. до н.э. саргатский погребальный обряд поражает удивительным сходством с обрядом Северного Казахстана, особенно Сергеевского микрорайона, по природным условиям ландшафтно близкого лесостепной полосе. Совпадают все ведущие характеристики обряда. В конструкции крупных и малых курганов IV - II вв. до н.э. одинаковы состав насыпей, употребление глины, наличие рвов, конструкции основных типов могильных ям, формы проявления культа огня. Наиболее ярко это прослеживается в архитектуре крупных курганов. На территории Северного Казахстана их вскрыто пять (Обалы, Кара-Оба, Шагалы, Ступинка, Мамлютка) (табл. 2). Конструкция их полностью совпадает с конструкцией насыпей лесостепной полосы: Царев курган, Шмаково на Тоболе, Татарка на Иртыше. Ориентировка умерших одинакова с ориентировкой тасмолинцев - северная, северо-западная. Отличия проявляются в традиции многомогильности саргатских курганов и одномогильности курганов Северного Казахстана и отсутствии в лесостепной полосе могил камерного типа - подбоев, катакомб.

Завершая анализ и подчеркивая общность погребального обряда саргатского и североказаштанского, необходимо напомнить, что обряд Северного Казахстана IV - II вв. до н.э. генетически восходит к VIII - V вв. до н.э. и происхождение многих его деталей можно проследить еще с эпохи поздней бронзы. Следовательно, и истоки саргатского обряда оформлялись в VIII - V вв. до н.э. в пределах степной зоны Казахстана. Причина близости погребального обряда саргатской и улубаевско-тасмолинской культур объясняется генетическим родством, корни которого уходят вглубь эпохи бронзы. Этнокультурная близость степного и лесостепного региона стала складываться во второй половине II тыс. до н.э. Граница между ними никогда не была жесткой. Особенно ярко взаимовключения и контакты двух культурных образований отражает ситуация VIII - V вв. до н.э.

K V - IV вв. до н.э. сокращение территории тасмолинской культурно-этнографической

общности, исчезновение очагов оседлости в степной зоне (поселение Кеноткель X) совершенствование металлургии железа, отсутствие "свободных" земель в степи приводят к перемещению части кочевого населения в лесостепь, оседанию и возврату к старому комплексному хозяйству на новой основе. Этот процесс явился началом становления саргатской культуры. Традиции кочевничества накладывают отпечаток на формы ведения хозяйства в новой природной среде, оформляя интегрированный хозяйственно-культурный тип с сочетаниями полусседлой, полукочевой форм скотоводства (Коржавина, Сергеев, 1989, с. 166).

В зависимости от направления культурно-исторических связей в пределах саргатской культурно-исторической общности выделяется несколько локальных районов. Один из таких районов образуют памятники североказахстанского Приишимья. Большая часть их датируется второй половиной I тыс. до н.э. На территории Северного Казахстана вскрыто единственное на сегодня полностью исследованное городище саргатской эпохи, предоставившее уникальную информацию по оборонному зодчеству саргатских племен (городище Ак-Тау).

Перемещение части улубасовско-тасмолинского населения в лесостепь является звеном в цепи исторических событий середины I тыс. до н.э. К V - IV вв. до н.э. окрепшие кочевые конфедерации приходят в движение, устремляясь к землевладельческим районам. Одна из волн сарматского нашествия задела и территорию Северного Казахстана. Появление южной ориентировки умерших в курганах V - IV вв. до н.э., распространение катакомб, новых типов сосудов и кинжалов, указывают на связь с западным сарматским миром, возможно, и с восточным хунно-усуньским. Эта миграция не была значительной. Основные включения ее фиксируются на территории Сергеевского микрорайона. Еще раз подчеркивается особое промежуточное положение этой зоны, открытой для разносторонних связей. Картографирование случайных находок предметов вооружения свидетельствует о том, что именно по ней в предшествующую эпоху осуществлялась связь между Сибирью и западными регионами евразийских степей (табл. 2).

IV - II вв. до н.э. являются заключительным этапом в истории улубасовско-тасмолинской культуры. Развитие погребального обряда этого периода обусловлено начавшимся процессом имущественного расслоения древнего общества, выделением погребений родоплеменной знати. Это повлекло за собой некоторые различия в оформлении богатых и бедных погребений. Изменения опять коснулись традиции размещения погребальных памятников. Если рядовое население продолжает хоронить умерших на старых кладбищах у курганных групп, возникших в VIII - V вв. до н.э., то крупные курганы выносятся вглубь степей и стоят изолированно друг от друга. Это второй этап освоения степей. В IX - VIII вв. до н.э. он был связан с коренной ломкой хозяйственных основ, необходимостью адаптации к изменившимся экологическим условиям. Теперь в основе его лежали скорее факторы социального характера, возможно, это своеобразный способ закрепления территории кочевий за отдельными родами, обозначение его границ.

Новым для обряда в целом является дальнейшее усложнение и наземной и подземной части погребального памятника. Вся многообразная система ритуалов, разработанная для оформления внешней конструкции кургана достигла наивысшего расцвета в эту эпоху и нашла воплощение в архитектуре крупных и средних насыпей. Сохраняется композиционный центр в виде "микровозвышения", являющегося своеобразным продолжением идеи полей деревянных надмогильных перекрестий VIII - V вв. до н.э. Только в отличие от них это цельные объемы, которым при помощи дерева, глины приданы формы шатра, прямоугольных построек. Иногда в качестве "микровозвышения" использовался существующий древний курган. В архитектуре крупных и средних насыпей рвы

теряют прежнее значение, превращаясь в планировочный элемент. Вместо них появляются валы, вызванные к жизни технической необходимостью ограждения сыпучего грунта насыпей. Рвы остаются вокруг курганов малых размеров, приобретают проходы с южной стороны. Подкурганые площадки хранят следы тех же ритуальных действий. Насыпи крупных курганов сложены из земли с включением глиняных "блоков".

Усложняется и более разнообразной становится конструкция погребальных камер. Наряду с простыми грунтовыми ямами, подбоями, распространяются катакомбы. Интересно то, что камерные типы могил встречены под насыпями всех параметров. Могильные ямы становятся глубже, увеличивается площадь их дна, стенки оформляются различными вариантами уступов, ниш. Особенно выделяется интерьер погребальных камер крупных размеров, сохранивших следы глиняной обмазки стен, остатки существовавших в древности деревянных гробниц. Любопытно наличие наклонных пандусов в верхней части восточных стен, как реликтов идеи входа - спуска в яму (табл. 27).

В IV - II в. до н.э. сохраняется западная ориентировка погребенных. В ритуале населения Сергеевского микрорайона зафиксированы южная ориентировка умерших, южные проходы во рву. На дне могильных ям Сергеевского микрорайона обнаружены остатки берестяных гробовиц, деревянных рам. В Ишимо-Чаглинском останки человека, судя по темному налету органики, заворачивались по-прежнему в погребальный саван. Преобладающую категорию инвентаря составляют сосуды, увеличивается их число в яме. Они встречаются вместе с предметами вооружения. Допускаются перемещения предметов вооружения и культа, пока только в обряде Сергеевского микрорайона. Здесь обнаружены колчаны, положенные на голени ног, зеркала или их фрагменты тоже на костях ног.

Култ огня сохранился в тех же формах, но стал более выразительным. Мощные погребальные костры раскладывались либо на деревянном перекрытии ям, либо на древней поверхности, горели, видимо, длительное время с постепенной подсыпкой грунта, что приводит к прокаливанию центра кургана, иногда значительной части всей насыпи. В составе заупокойной пищи растет процентное содержание костей лошади, прежде всего за счет поминальных тризны, обнаруженных на периферийных участках крупных насыпей.

В курганах IV - II вв. до н.э. наряду с плоскостной появляется круглодонная керамика. Типологически она близка саргатским и сарматским образцам посуды (табл. 59). Характер взаимоотношений лесостепного и степного населения отражает группа курганов Ишимо-Чаглинского микрорайона, в которых фиксируется сочетание разнородных элементов погребального обряда и инвентаря. Саргатские по форме сосуды найдены в комплексе с каменными жертвенниками (табл. 23). Следы столь глубокого проникновения в степную зону лесостепных элементов культуры еще раз подчеркивает наличие разнообразных и тесных связей между саргатским и улубаевско-тасмолинским мирами.

В.4. ГУННО-САРМАТСКАЯ ЭПОХА. НАПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

Исторические судьбы тасмолинского населения Северного и Центрального Казахстана оказались одинаковыми. Непрерывность развития и этнокультурное единство нарушаются к рубежу нашей эры. По нашим материалам во II в. до н.э. - I в. н.э. происходит изменение обряда. Западная, северо-западная ориентировки сменяются южными, распространяются подбойно-катакомбные захоронения. Серия найденного на территории Северного Казахстана оружия ближнего боя конца I тыс. до н.э. - первых вв. н.э. представлена кинжалами с прямым перекрестием без навершия и с кольцевым навершием; кинжалами и мечами без металлического перекрестия и навершия (табл. 52). По

сарматским аналогиям они имеют достаточно широкие хронологические рамки бытования. В уточнении времени их появления на территории Северного Казахстана решающую роль играют особенности погребального обряда. Вырисовывается яркая группа воинских погребений II в. до н.э. - I в. н.э., захороненных в полной боевой экипировке: колчан со стрелами, гуннский лук, длинный всаднический меч и кинжал. Железные мечи без металлического навершия и перекрестия соседствуют в комплексе с кинжалами архаического облика, имеющими перекрестие подтреугольной формы.

Определение культурной принадлежности памятников конца I тыс. до н.э. - первых веков нашей эры затруднено вследствие малочисленности материала. Погребальный обряд и характер вещевого инвентаря указывают на усиление связей с юго-восточным и южным регионами азиатских степей. Господство южной ориентировки, некоторые типы предметов вооружения находят аналогии среди подбосудно-катакомбных погребений Семиречья. В керамическом комплексе наблюдается сходство с сосудами усуньской культуры и отдельными типами посуды улуг-хемской и кокальской культур Тувы.

Распространение всаднических погребений на территории Северного Казахстана является, вне сомнения, отражением общей исторической ситуации, сложившейся в степи к концу I тыс. до н.э. Окрепшие конфедерации кочевых племен сарматов, юечжей, хуннов, достигших уровня предгосударственности, устремляются к богатым земледельческим цивилизациям Средней Азии. Пришедшая в движение Степь породила общую милитаризацию быта, охватившую и далекие северные окраины. Судя по комплексу разрозненных фактов: наличию всаднических погребений, богатых одномогильных курганов (Красный Яр), происхождению многих художественных изделий Сибирской коллекции с междуречья Тобола-Иртыша - юг лесостепной полосы Западной Сибири и степи Северного Казахстана оказались вовлеченными в этот процесс (Матвеев А., Матвеева Н., 1987; Засецкая, 1989; Сарияниди, 1983).

Конец раннего железного века (II - IV вв. н.э.) отмечен возрождением северо-западной ориентировки умерших и появлением черепов с кольцевой деформацией. Это признаки культуры, характерные для гуннского и позднесарматского времени (Скрипкин, 1984). Фрагментарность источников по этому периоду затрудняет создание достаточно полной картины. По-прежнему встречаются погребения конных воинов (Покровка, курган 2). К середине I тыс. н.э. на территории Северного Казахстана распространяются так называемые курганы - огнепоклонников, насыпи и подкурганые площадки которых прокалены. В трех случаях зафиксировано сожжение умершего в яме (Новоникольское, курган 4). Сопровождающий инвентарь и керамика дают дату IV - V вв. н.э.

События южной части Азиатских степей, начавшийся процесс великого переселения народов приводит к дестабилизации обстановки, уменьшению заселенности степей Северного Казахстана. Аналогичную ситуацию переживает лесостепная полоса Западной Сибири. Оставшееся население локализуется в отдельных наиболее удобных с экологической и стратегической точек зрения природно-географических нишах. В сфере культурных контактов тяготеет к лесостепному миру Западной Сибири.

иллюстрации

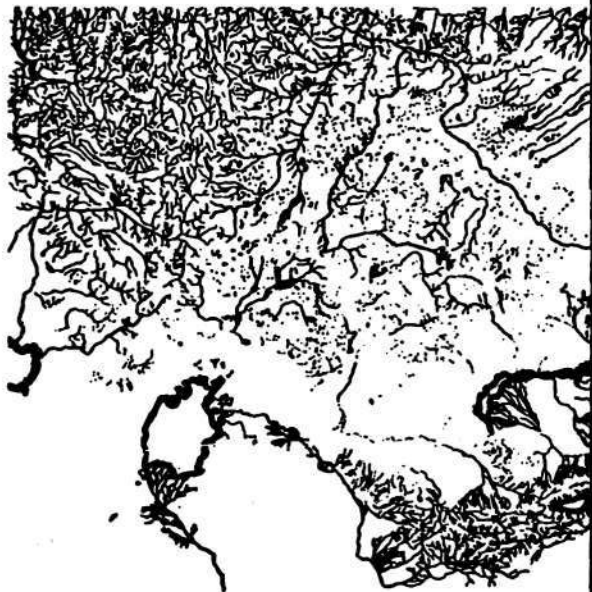

Табл. 1

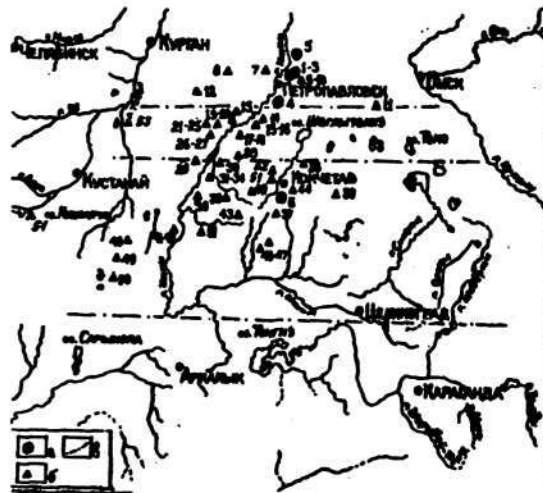

Табл. 2

Хронология и периодизация, тыс. лет назад		Характерные природные процессы	Климат	Ландшафт
1900	Ранний железный век Бронза Энеолит Неолит поздний средний			
2800		Новая фаза регионального разветвления золовых песков. Осушение и обмеление озер	Сухой, теплый	Степные и сухостепные
3000		Частичное закрепление разветвленных песков. Возрождение степных боров в южных районах. Обводненность озерных котловин	Умеренно-засушливый, умеренно-теплый	
4000		Аридная денудация. Осушение большинства озер	Сухой, жаркий, ксеротермический	Сухостепные, на крайнем юге - пустынно-степные
5000		Закрепление золовых песков. Обводнение озерных котловин в степях и полупустынях	Умеренно-влажный, умеренно-теплый	Степные с островными лесами, на севере - лесостепные
6000		Частичное обмеление и осушение озер, деградация болот	Сухой, теплый	Степные и сухостепные
7000	Региональное закрепление золовых песков степной и лесной растительностью. Образование болот и древнейших торфяников. Общая повышенная обводненность гидросети	Влажный теплый, плювиальный климатического оптимума	Лесостепные и степные с островными лесами	
8000				

Николаев В.А., 1977

Табл. 3

Стетное Приишмье в эпоху раннего железа

Хронология и периодизация, тыс. лет назад		Климат	Почвы	
			древние	современные
1000	Ранний железный век	Засушливый умеренно-теплый континентальный	Чернозем обыкновенный	Чернозем обыкновенный тяжело суглинистый
		Сухой теплый	Чернозем южный	
2000	Бронза	Резкое увлажнение, умеренно-теплый, континентальный	Чернозем южный, солонцеватый	Черноземы слабосформированные подзоны обыкновенных
		Сухой, жаркий, более континентальный	Темно-каштановые, солонцеватые, слабосолончаковые	
3000	Энеолит	Высокая атмосферная увлажненность, количество осадкой превышает современные на 50-100 мм	Почвы выщелочные от карбонатов	
			Почва зернистая, слабосолонцеватая, отличается пестрым составом от песка до глины	
4000	Неолит	II фаза надпойменного аллювия. Повышенная увлажненность, неустойчивый водный и климатический режим	малопродуктивные	
5000				средний
6000	поздний			
7000				
8000				

Более засушливый, чем современный

Иванов И.В., 1983

Табл. 3 (продолжение)

Хронология и периодизация, тыс. лет назад		Топография памятников Северного Казахстана	Палеозоология	Климатические циклы для Северного Казахстана
1000	Ранний железный век	II, III террасы	Лось, верблюд, косуля, сайга, лисица, корсак, бобр, куница, кабан	Влажный
		Коренные берега, III терраса		Сухой
2000	Бронза		I терраса, в пойме у стариц	Переходный
		Влажный		
3000	Энеолит	Коренные берега I и II террасы	Бобр, кабан, сайга, волк, лисица, сурок, суслик Заяц, лисица, волк, суслик, сурок, выдра, бобр, лось, косуля Лось, бобр, косуля, медведь, олень, бизон, тур, волк, заяц, зубр, корсак, сурок, кабан	Сухой
				Переходный
4000	Неолит	Подолы I-ых террас, неолитические слои перекрыты аллювием	Олень, лиса, куница, лось, бобр, косуля, волк, заяц, крот, сурок	Влажный
				Сухой
5000	поздний		Смирнов Н.Г., 1975 Ахияжанов С.И. Макарова Л.А. Нурумов Т.Н., 1992	Переходный
				Влажный
6000	средний			Сухой
				Переходный
7000				Влажный
				Сухой
8000				Переходный
				Влажный

(по Шнитникову А.В., 1957, 1975)

Табл. 3 (окончание)

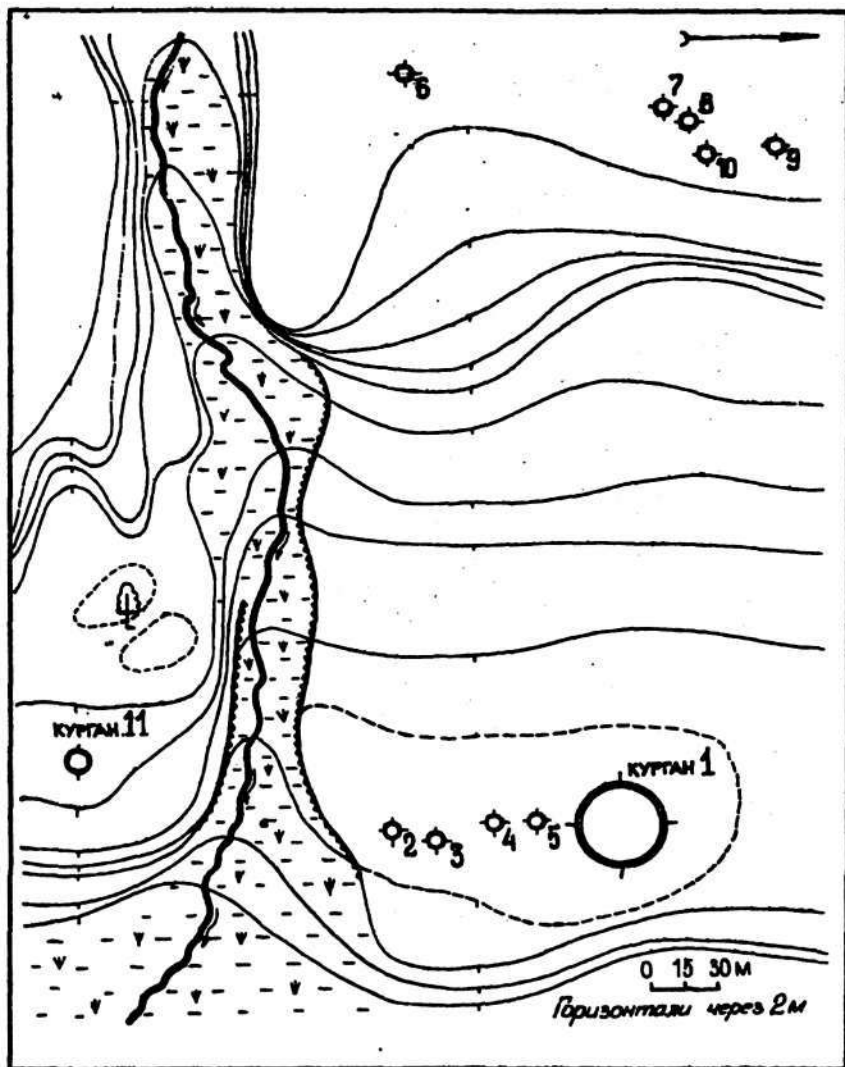

Табл. 4

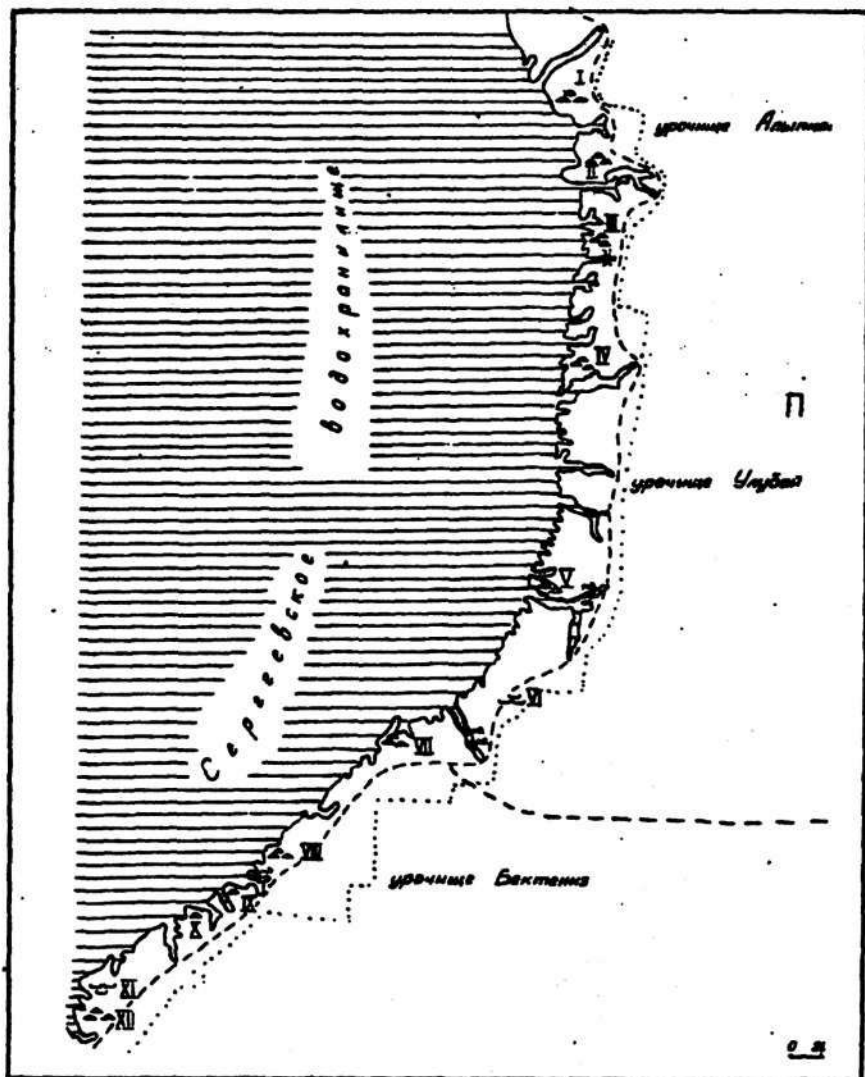

Табл.5

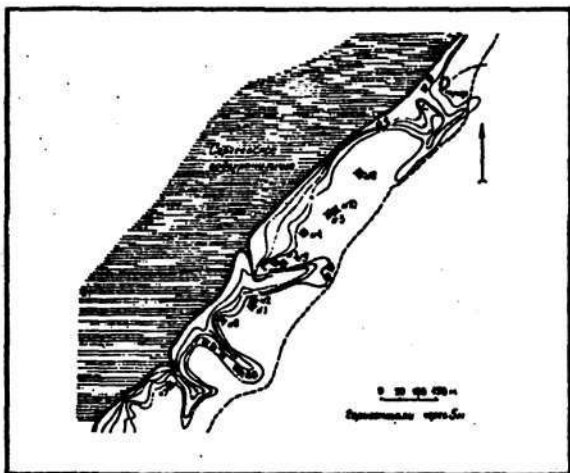

Табл.6

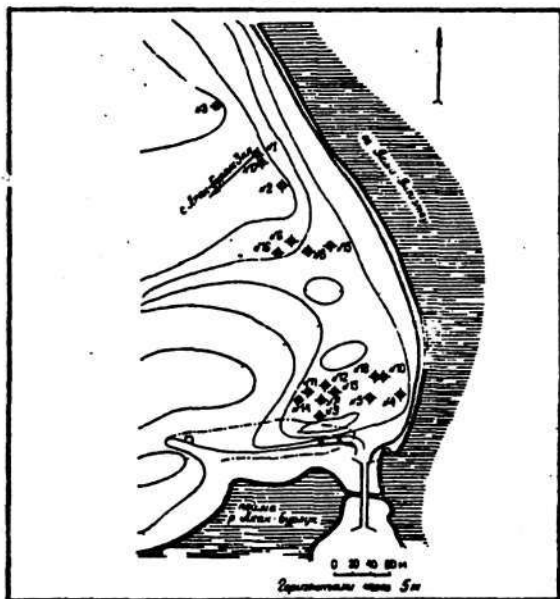

Табл.7

Микрорайоны	Всего вскрыто	VIII - VII вв. до н.э.	VI - V вв. до н.э.	IV - II вв. до н.э.	II в. до н.э. I в. н.э.	II - IV вв. н.э.	Неопределен.
Петропавловский	34	-	-	8	2	7	17
Сергеевский	60	11	9	20	5	6	9
Иппо-Чалгинский	162	27	28	22	10	5	70
ВСЕГО	256	38	37	50	17	18	96

1

Периоды	3 - В		СЗ - ЮВ		СВ - ЮЗ		С - Ю	
	И-Ч	С	И-Ч	С	И-Ч	С	И-Ч	С
II в. до н.э. - I в. н.э.	-		15		30,7		54	
IV - II вв. до н.э.	47,6		19		9,5		24	
	54	39	25	11	4	17	17	33
VIII - V вв. до н.э.	42,8		20,4		2,6		10	
	39	54,5	28	-	21	45,5	13	-

2

Периоды	З		СЗ		С		СВ		В		ЮВ		Ю		ЮЗ	
	И-Ч	С	И-Ч	С	И-Ч	С	И-Ч	С	И-Ч	С	И-Ч	С	И-Ч	С	И-Ч	С
II в. до н.э. I в. н.э.	-		-		-		15		-		15		54		15	
IV - II вв. до н.э.	54	33	25	11	12	16	-		-		-		28		-	
	45		19		14		-		-		-		12		-	
VIII - V вв. до н.э.	34	50	34	-	12	-	2	17	-	7	-		-		17	25
	38		26,4		9,4		5,6		1,8		-		-		19	

3

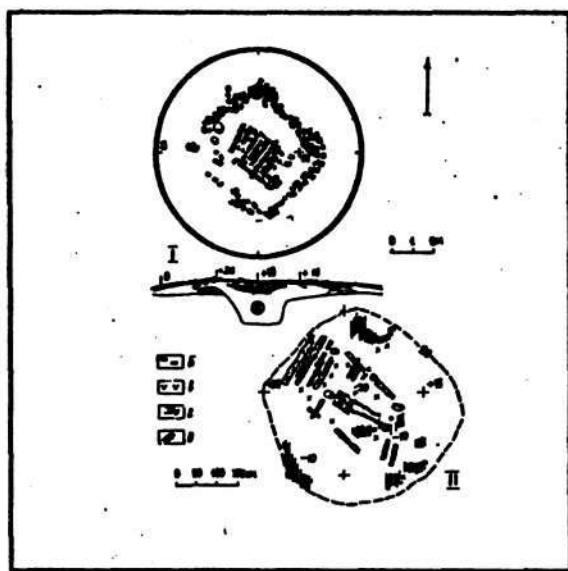

Табл. 12

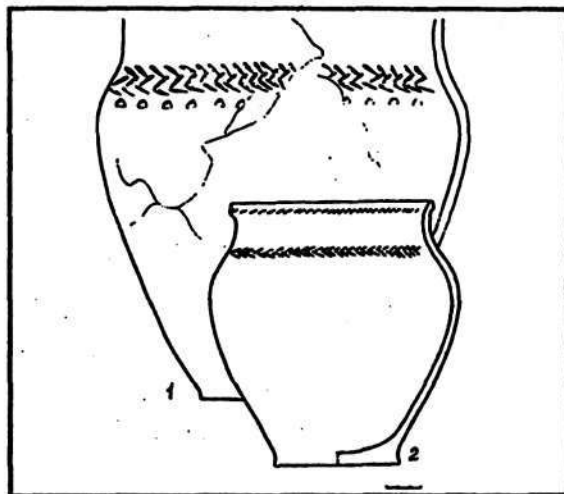

Табл. 10

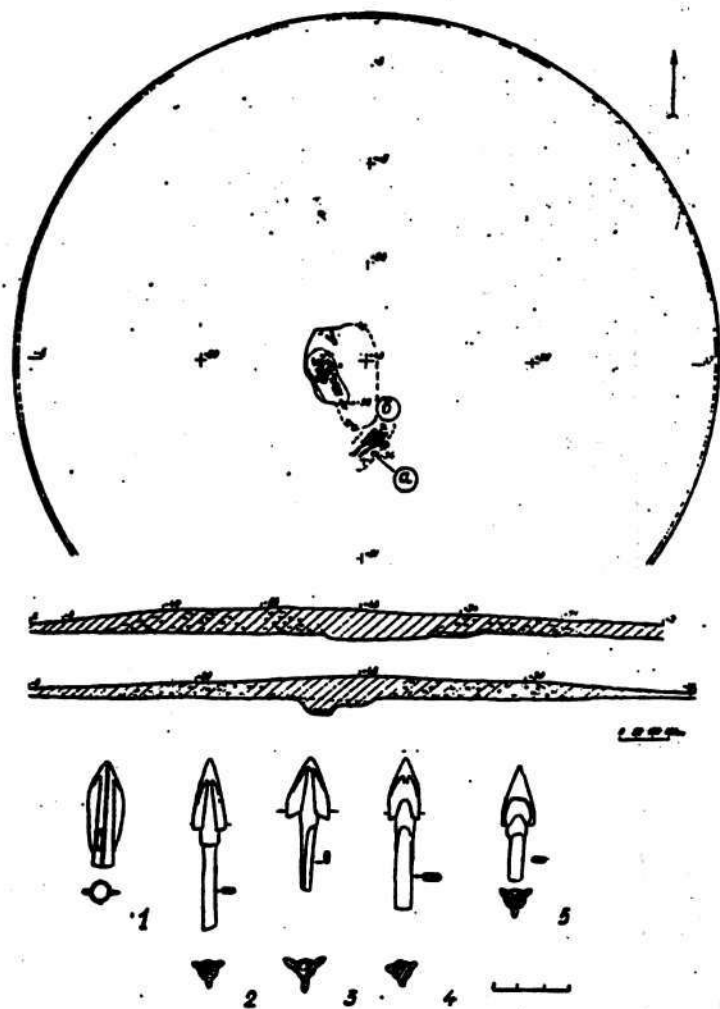

Табл. 9

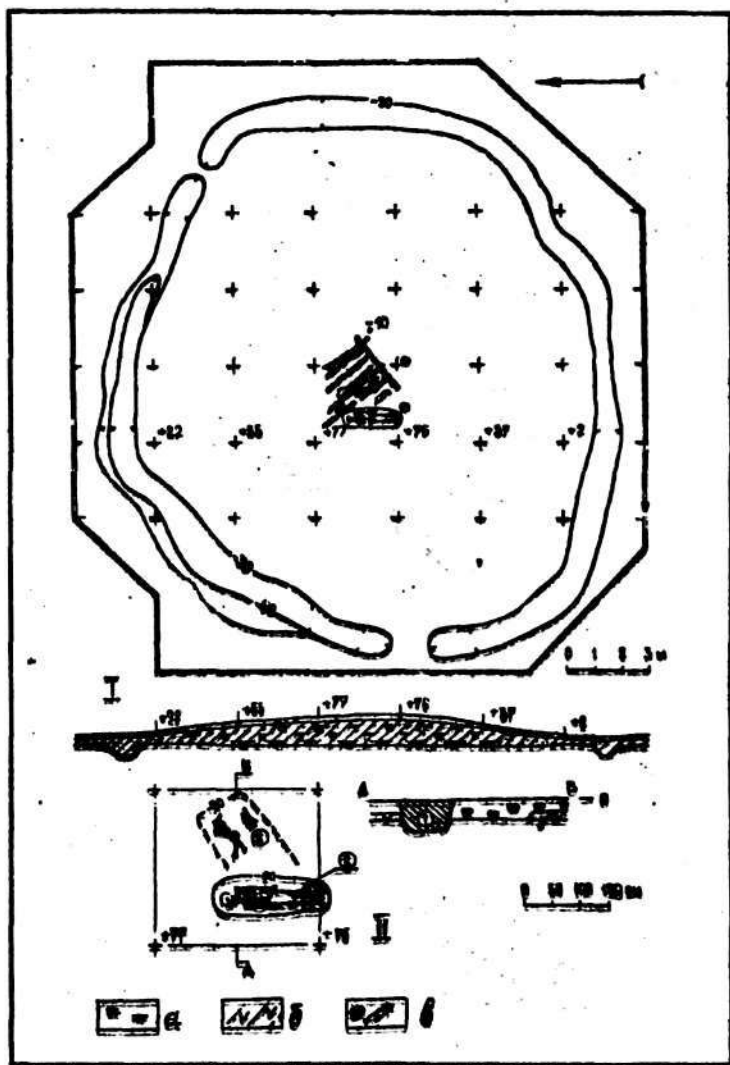

Табл. 11

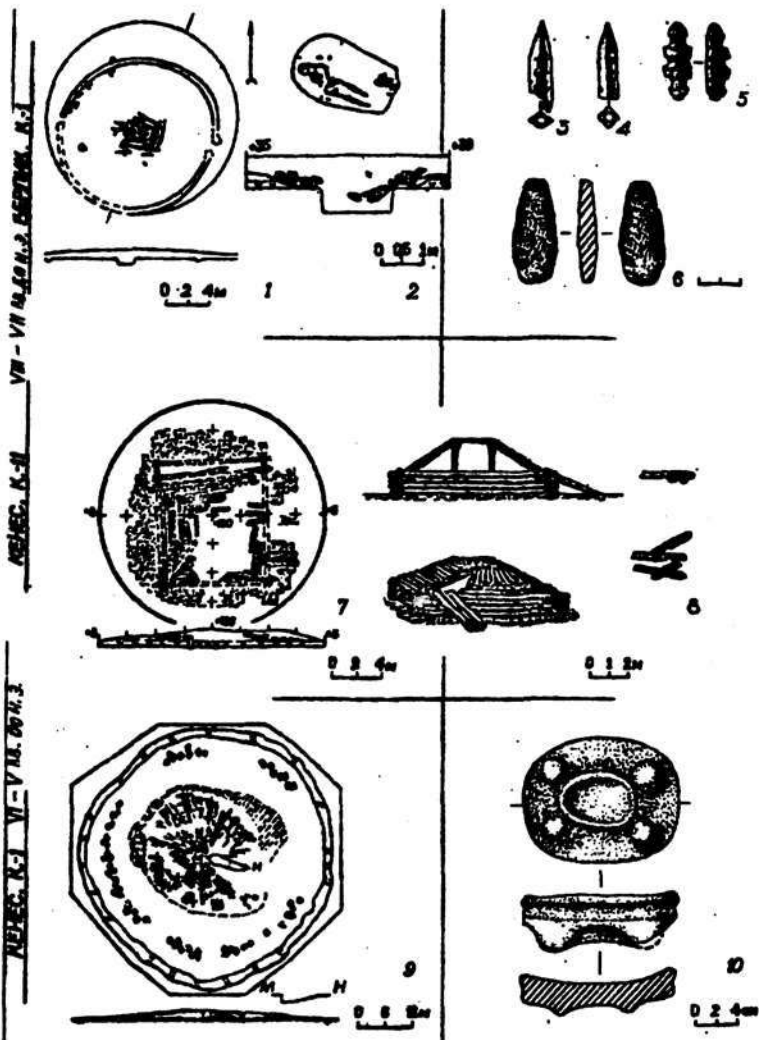

Табл. 13

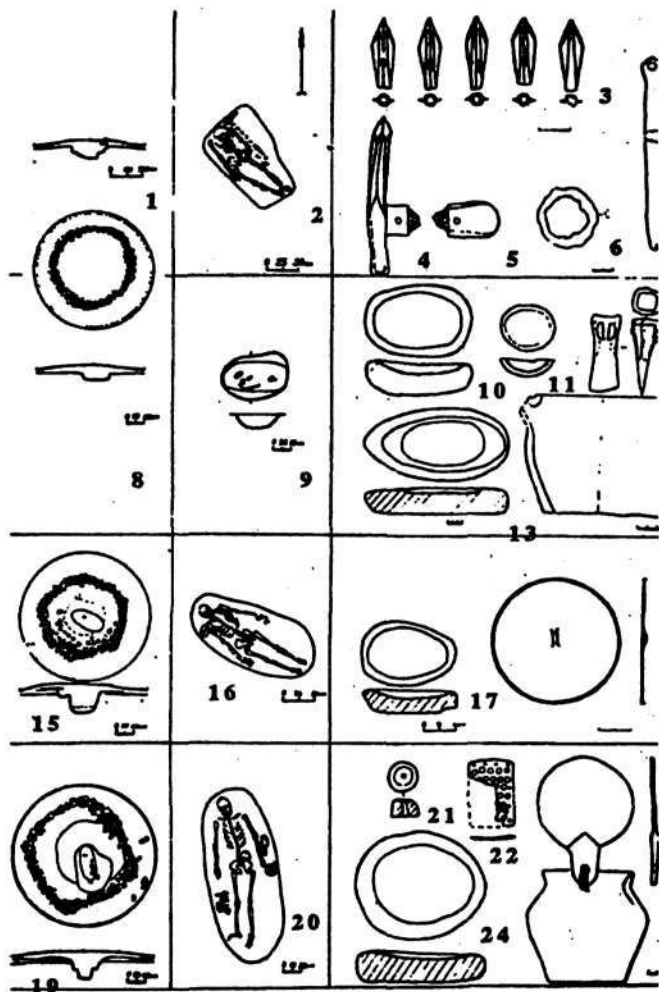

Табл. 14

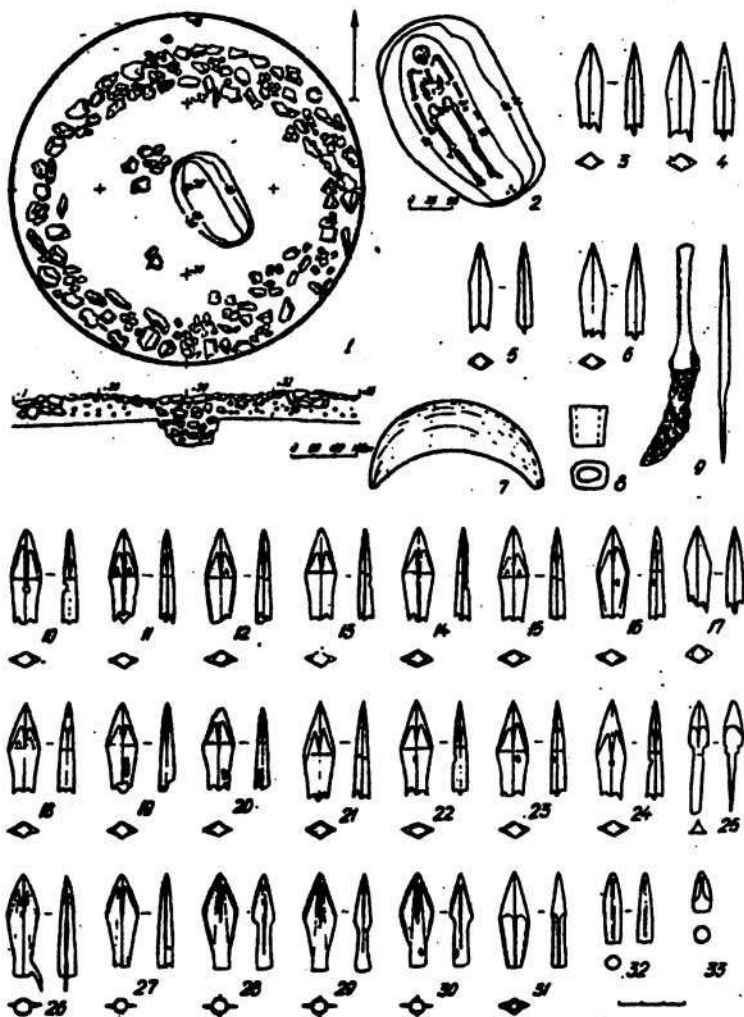

Табл. 15

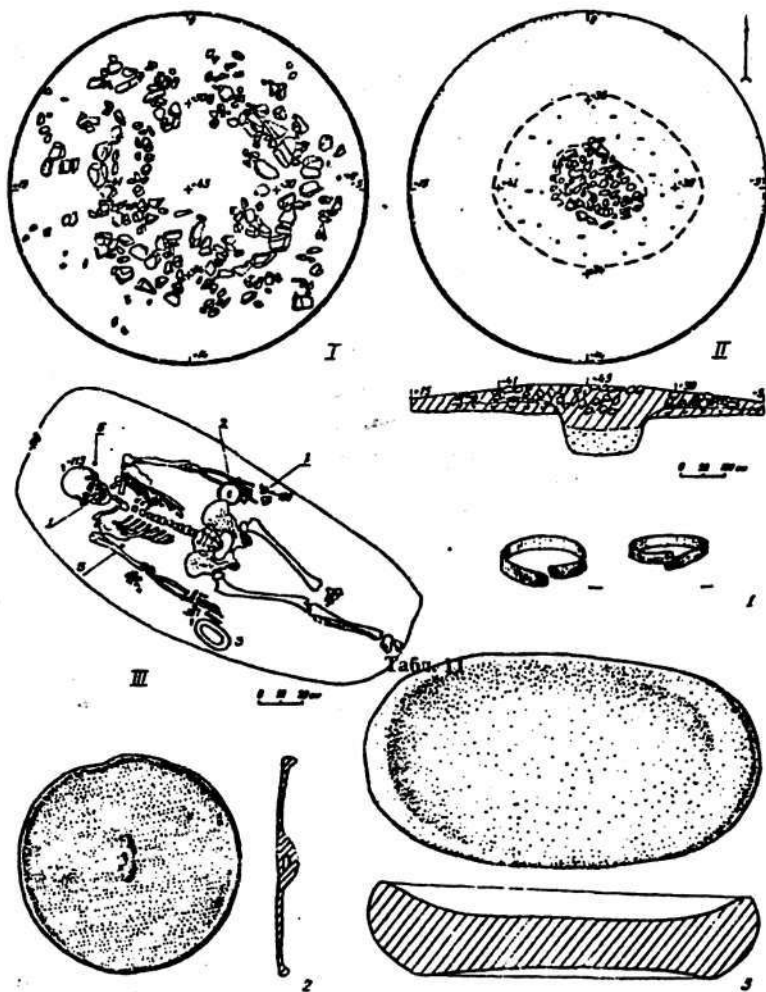

Табл. 16

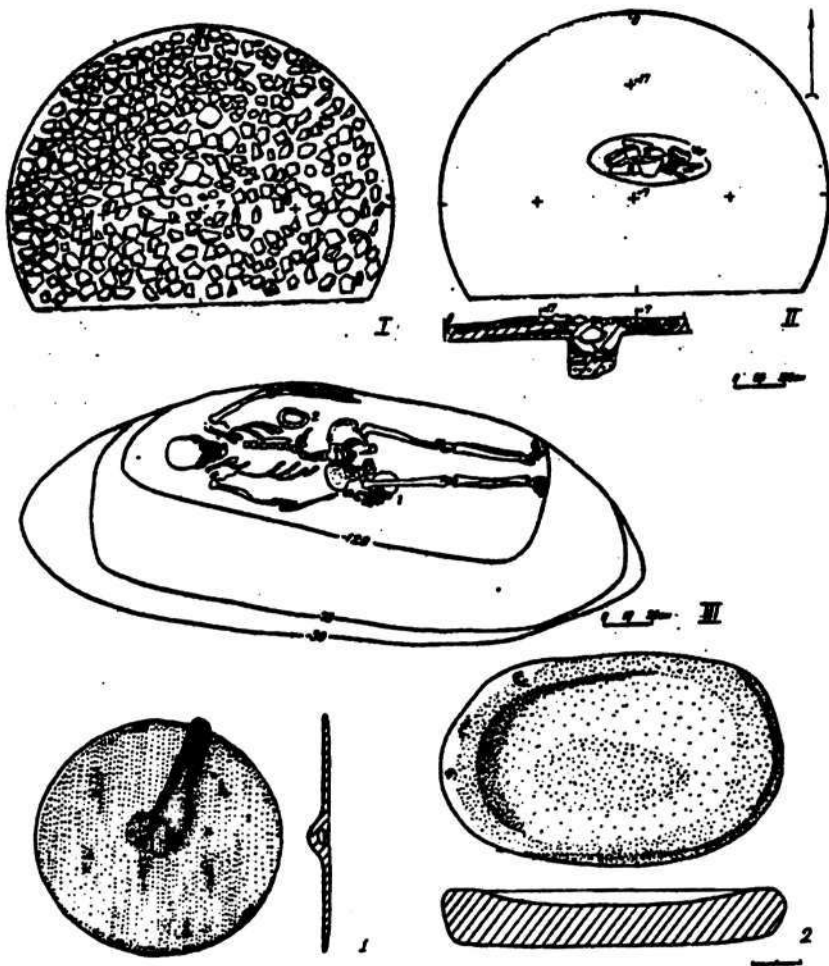

Табл. 17

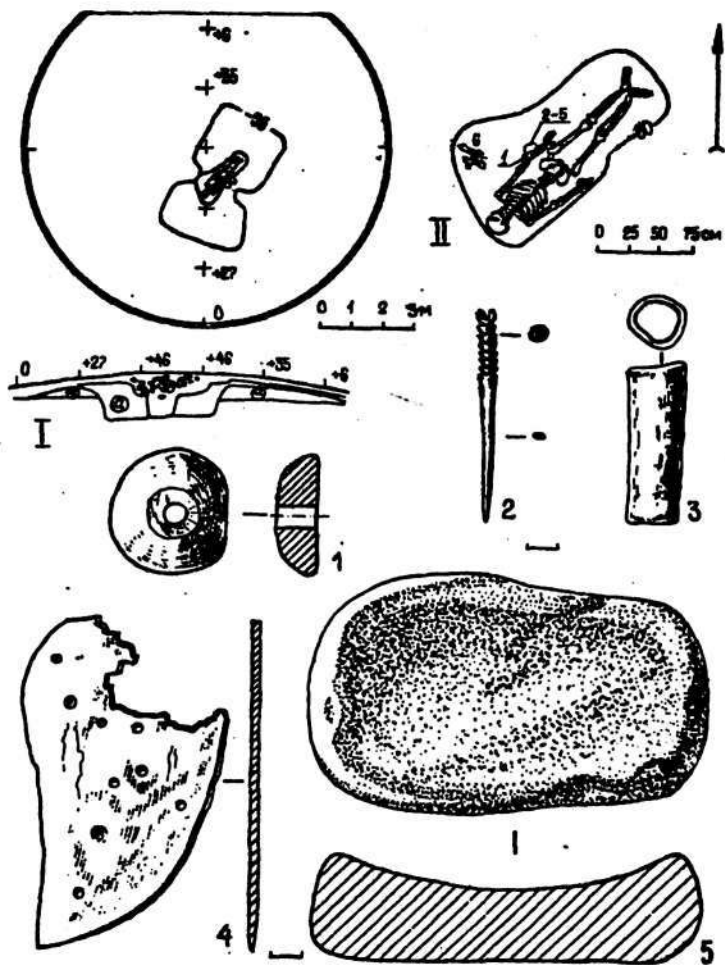

Табл. 18

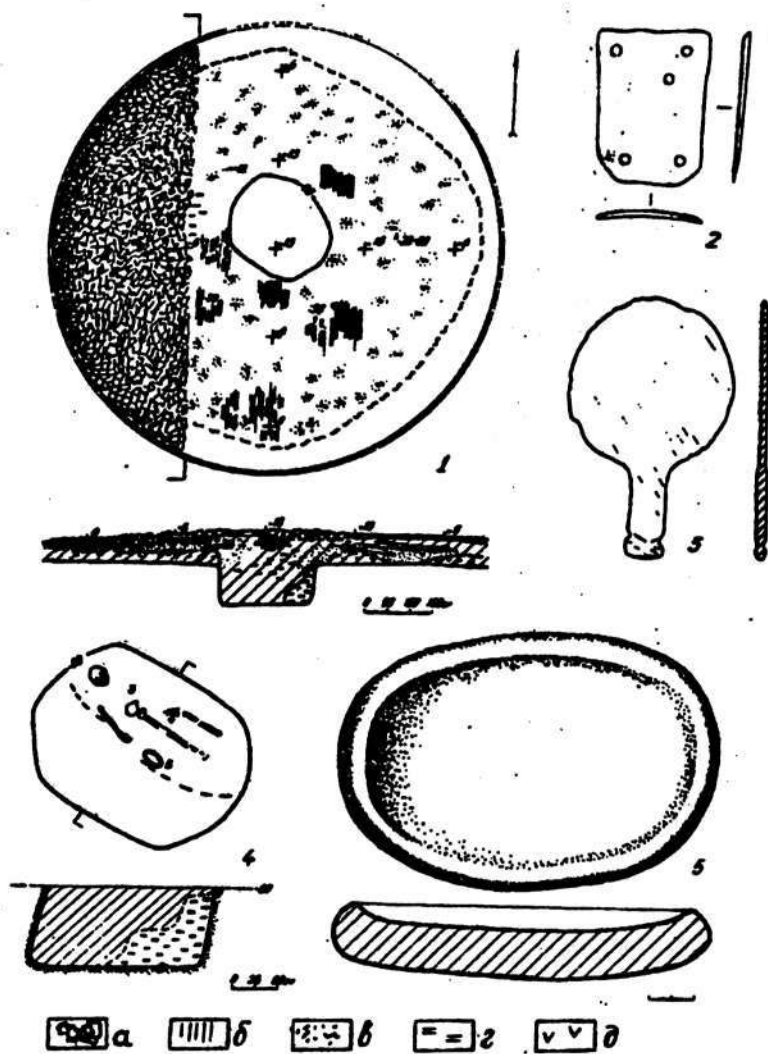

Табл. 19

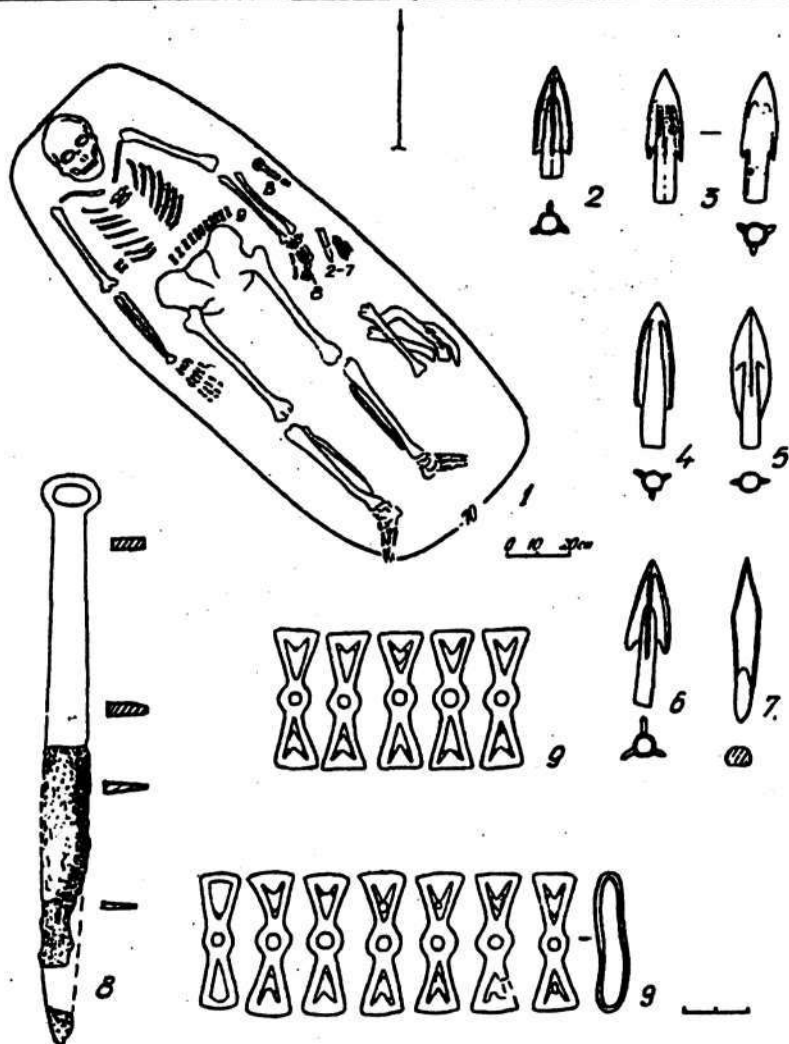

Табл. 20

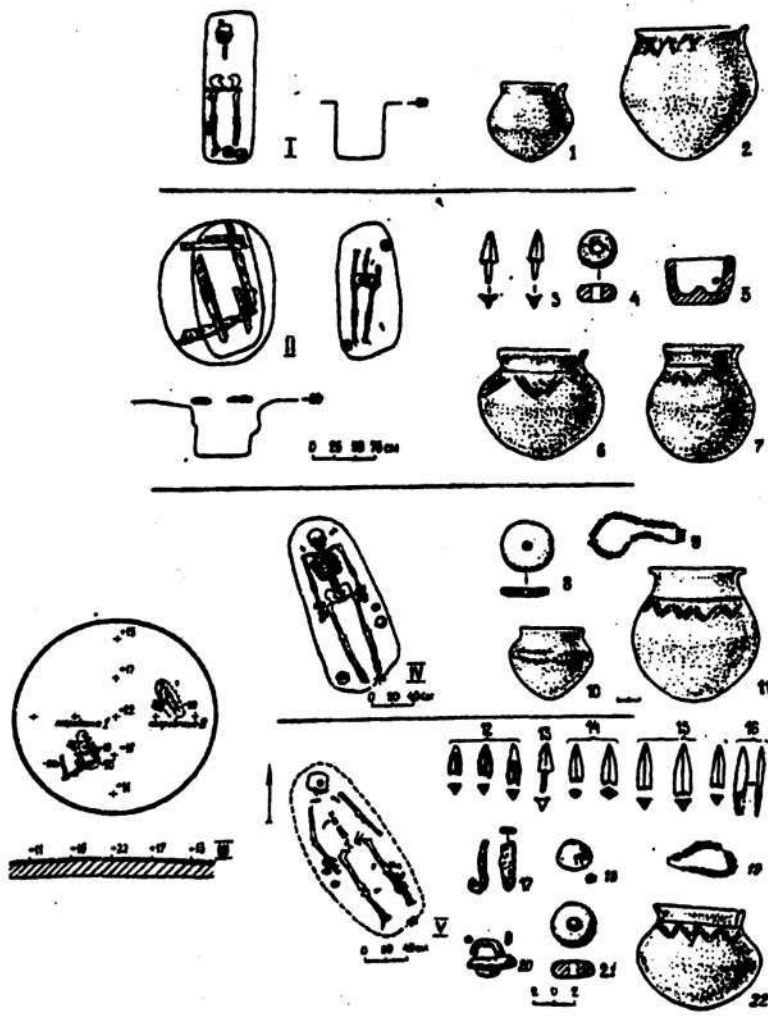

Табл. 31

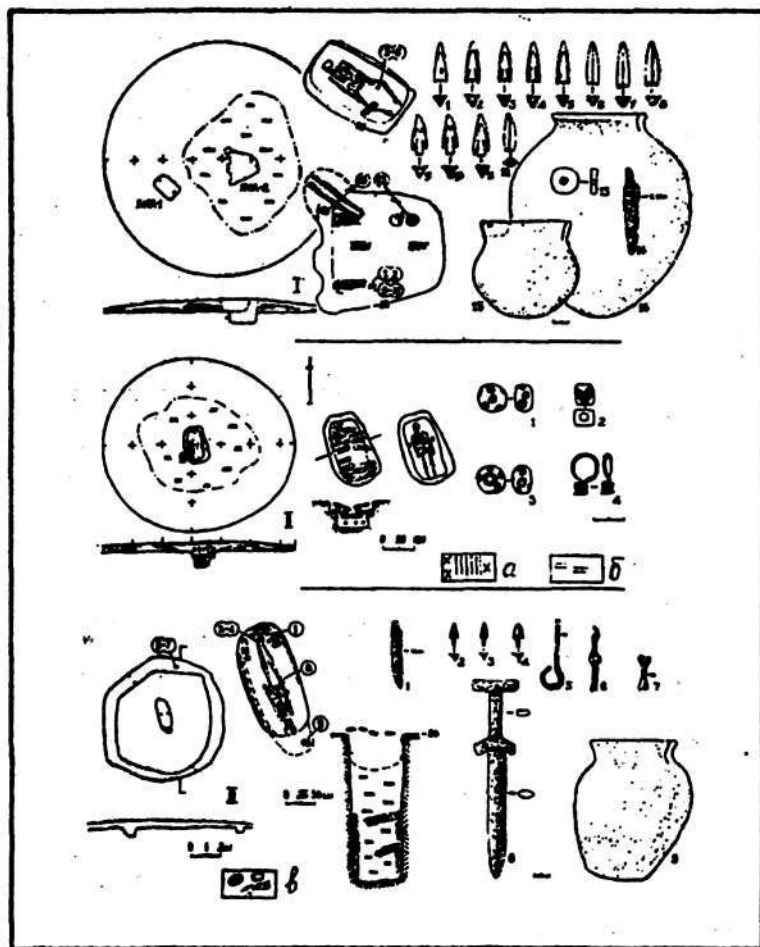

Табл. 22

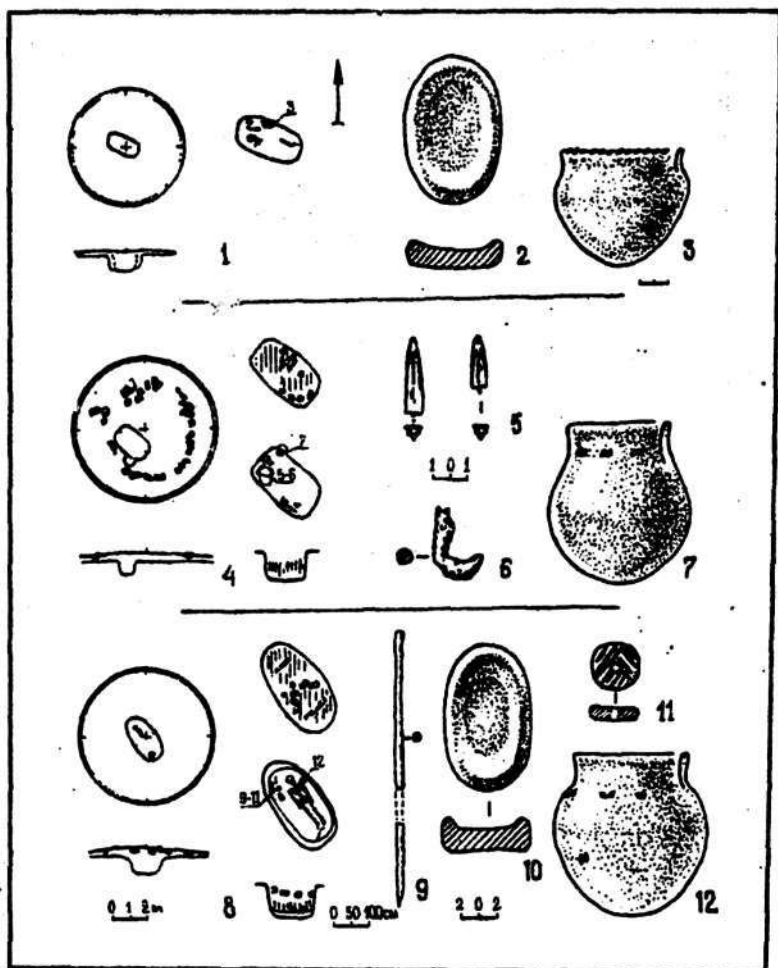

Табл. 23

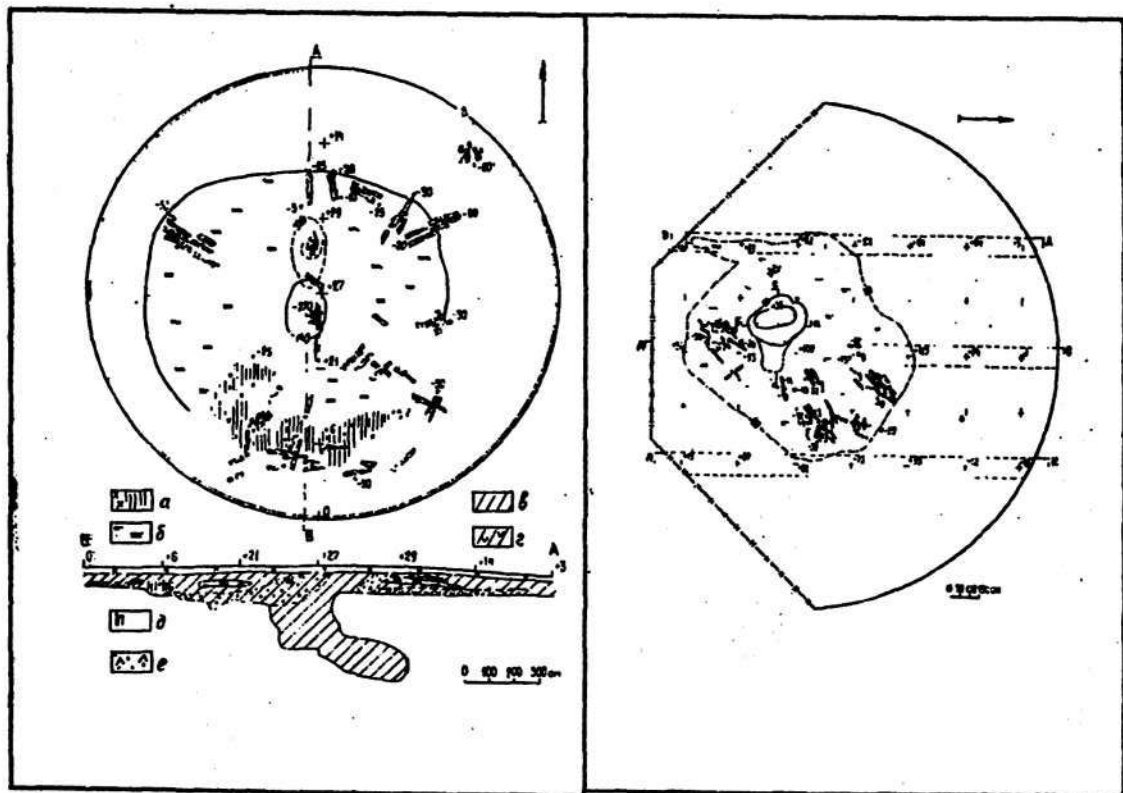
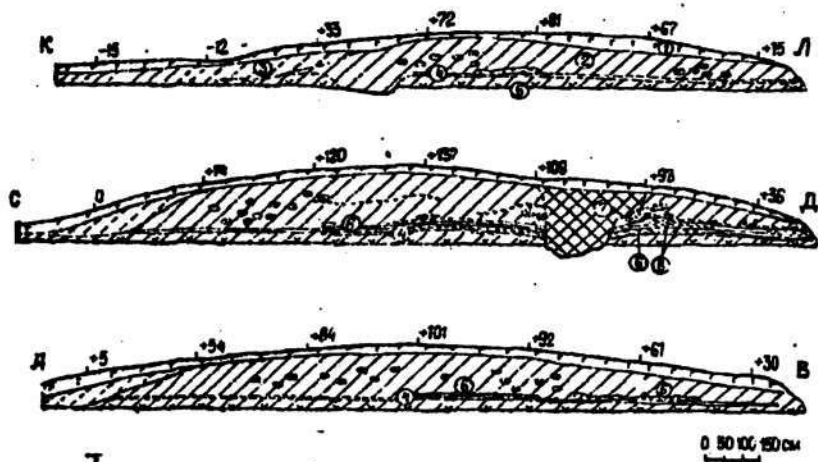
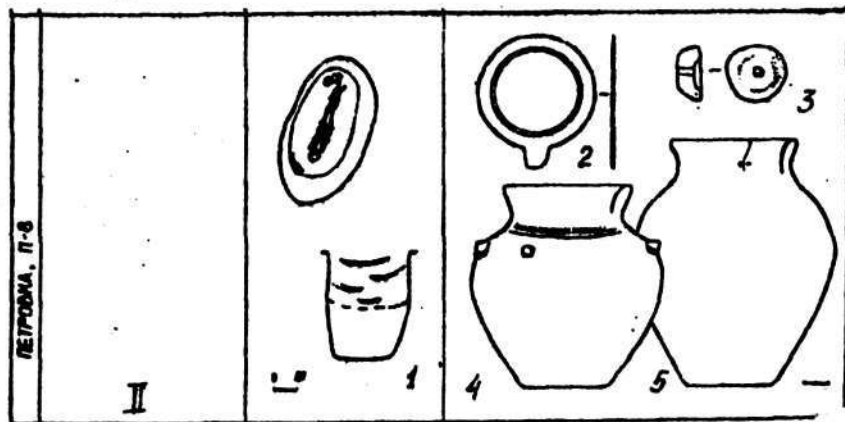

Табл. 24

Табл. 25

I

II

Табл. 26

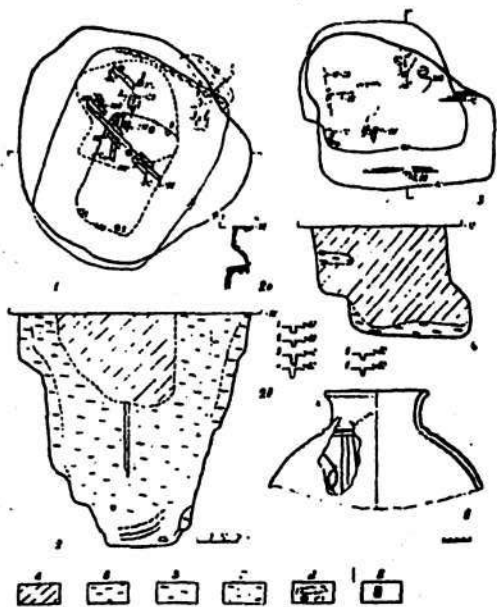

Табл. 29

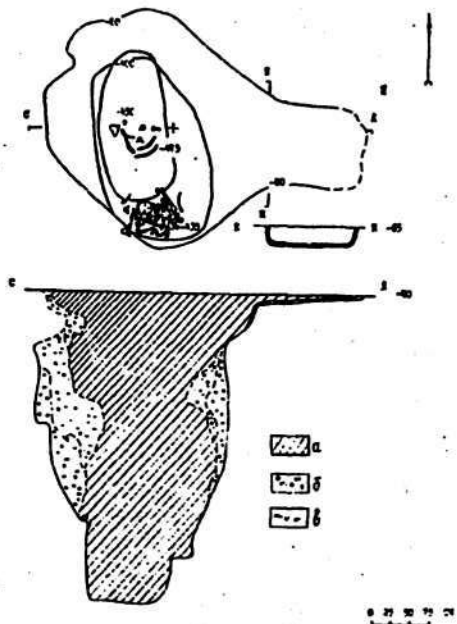

Табл. 27

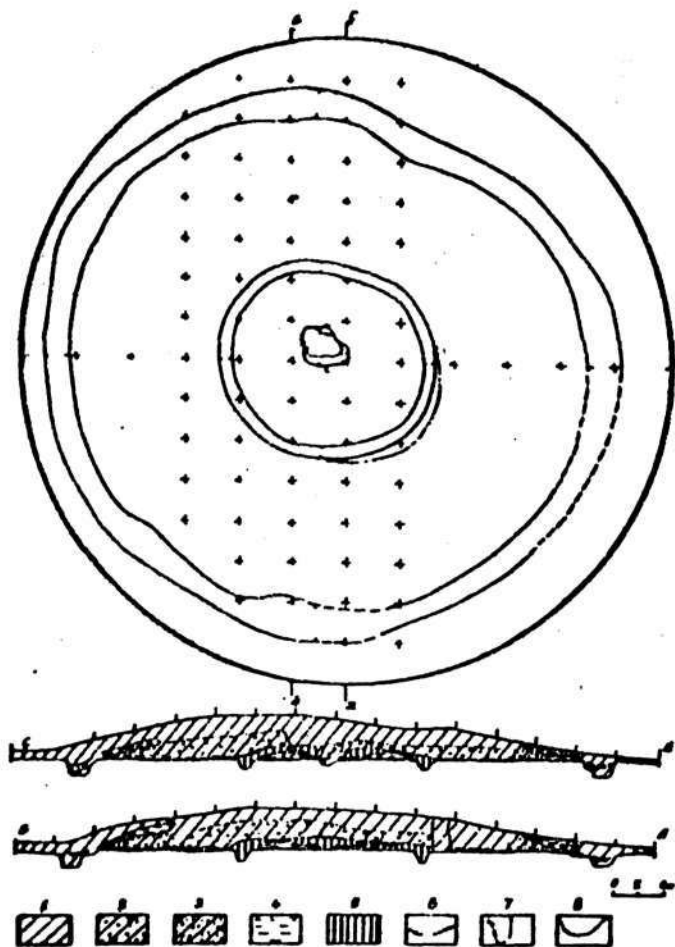

Табл. 28

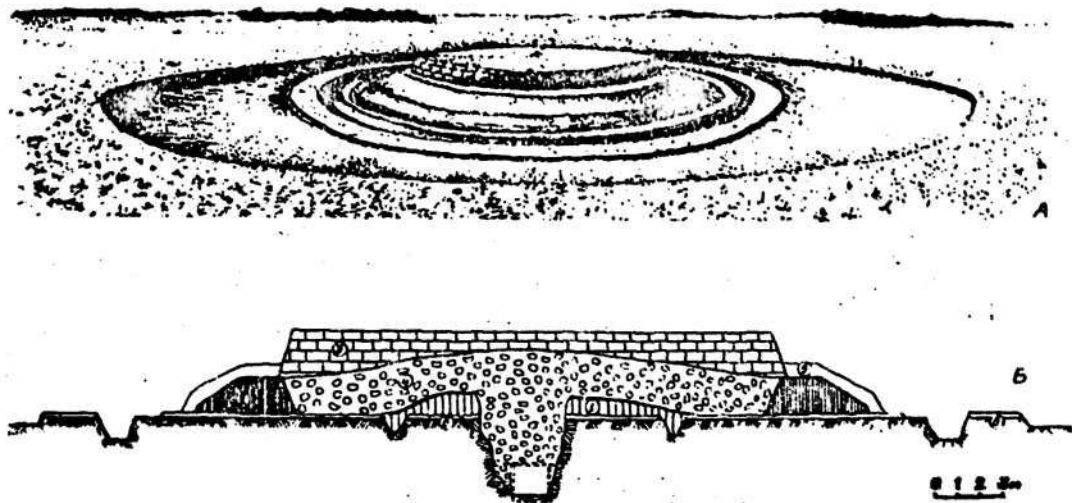

Табл. 30

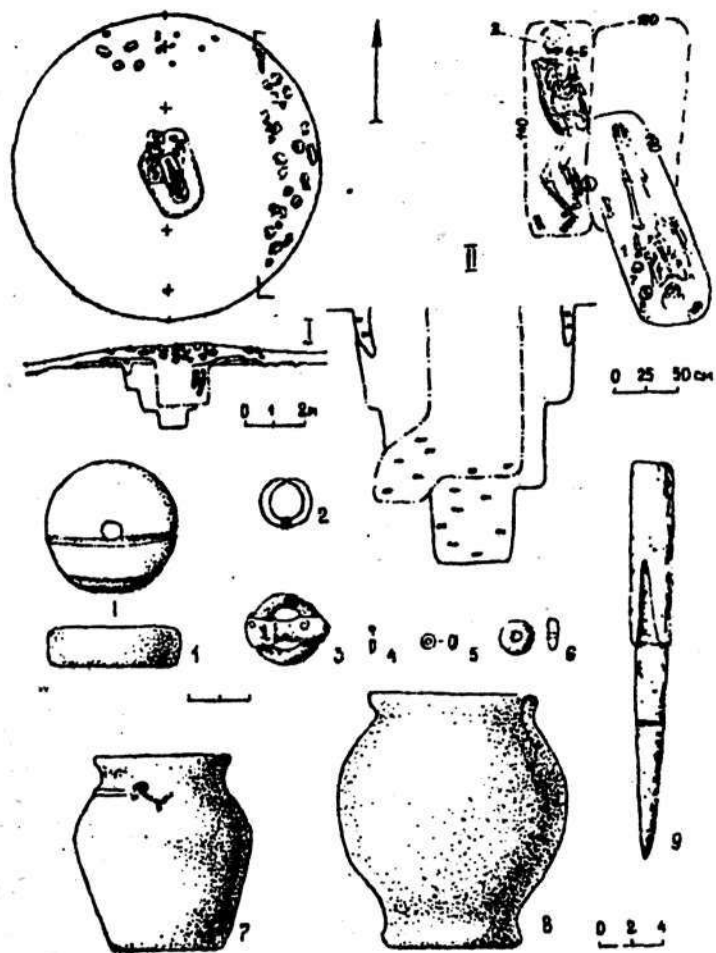

Табл. 34

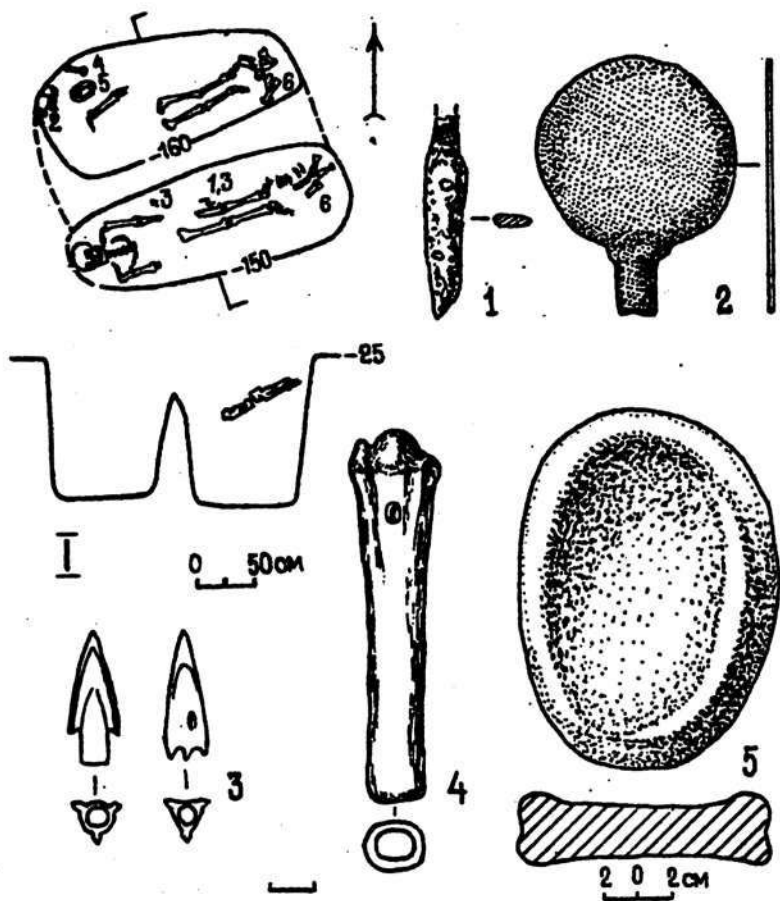

Табл. 33

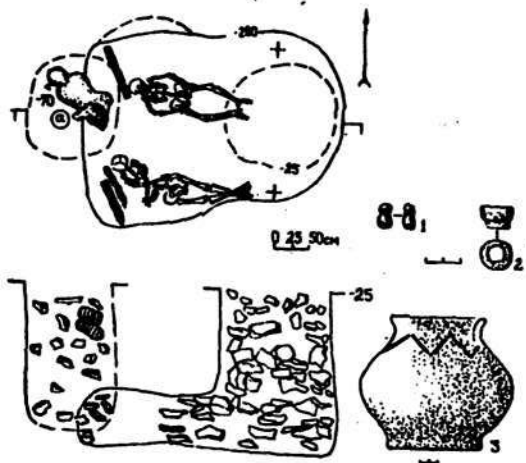

Табл. 35

Табл. 36

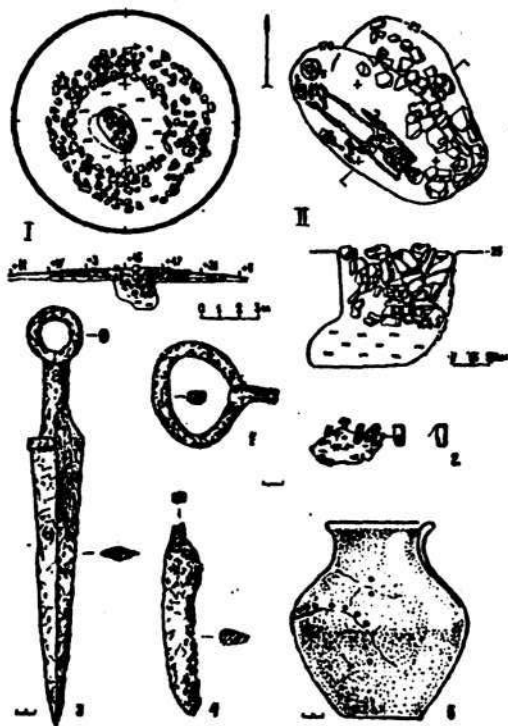

Табл. 37

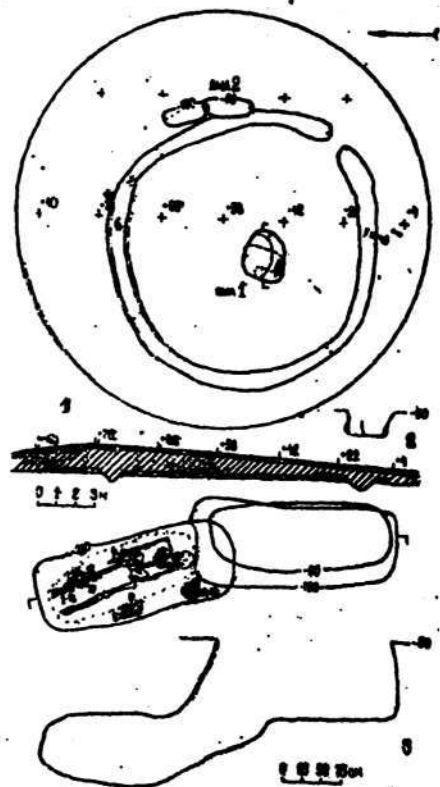

Табл. 38

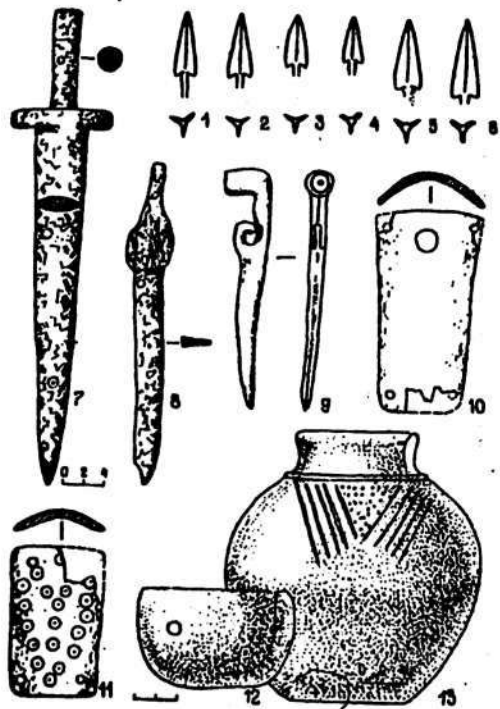

Табл. 39

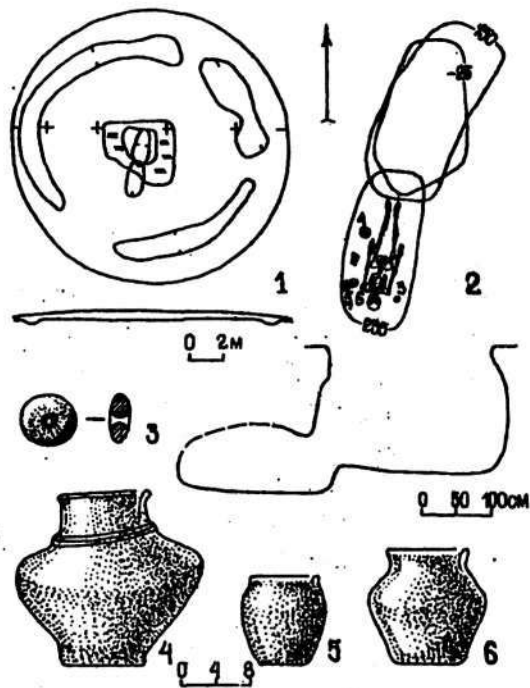

Табл. 40

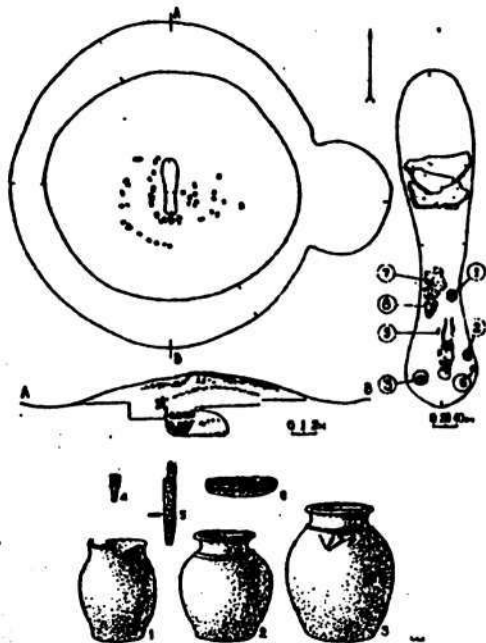

Табл. 41

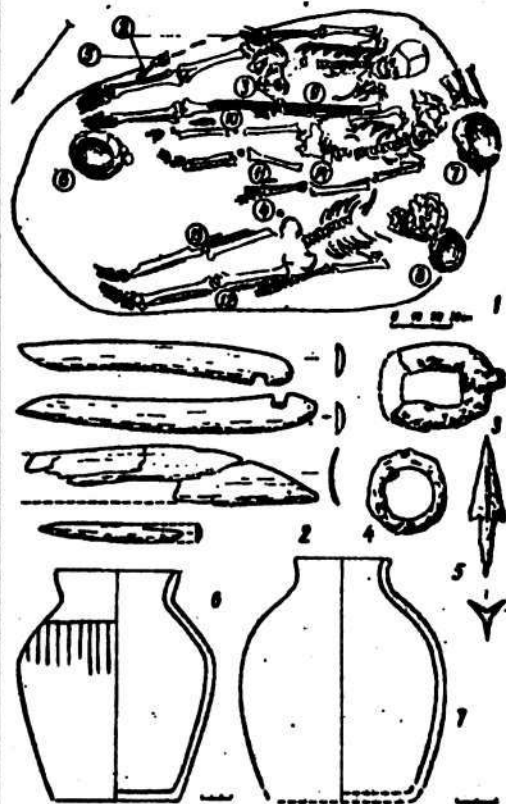

Табл. 42

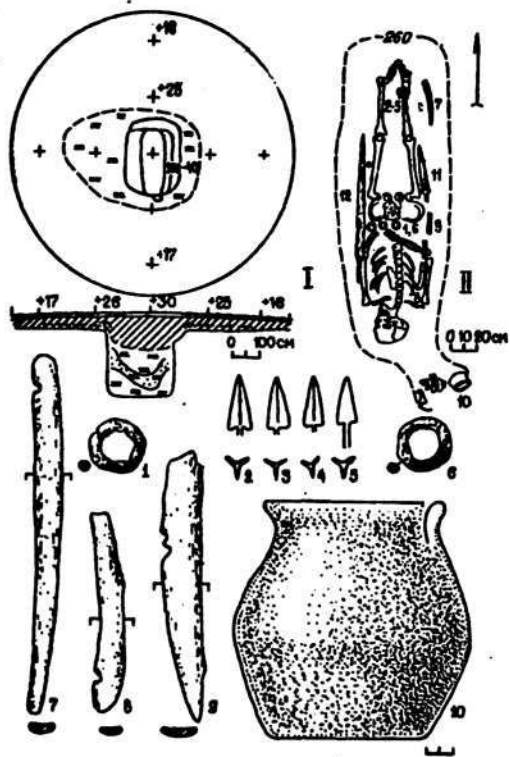

Табл. 43

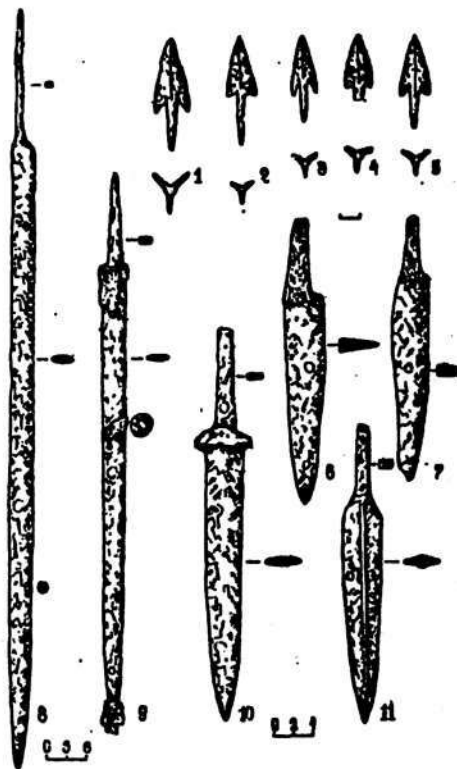

Табл. 44

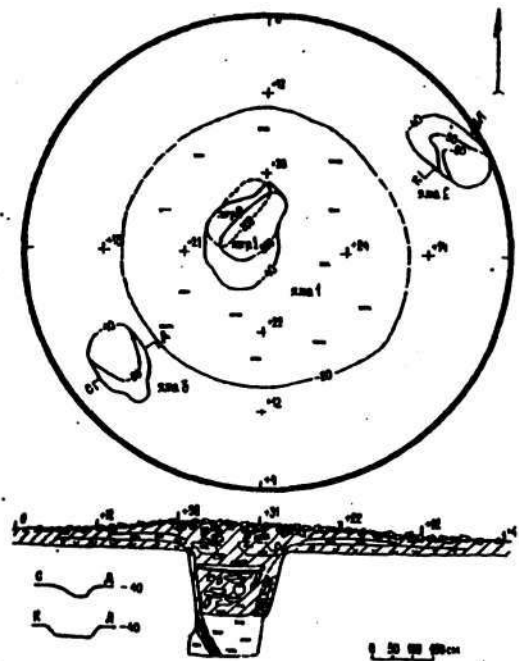

Табл. 45

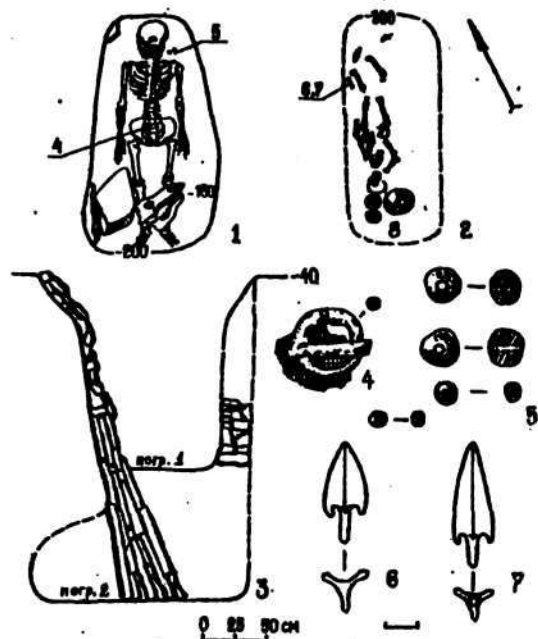

Табл. 46

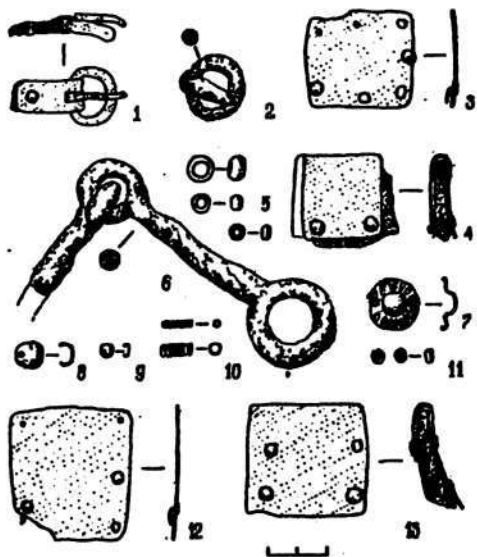

Табл. 46

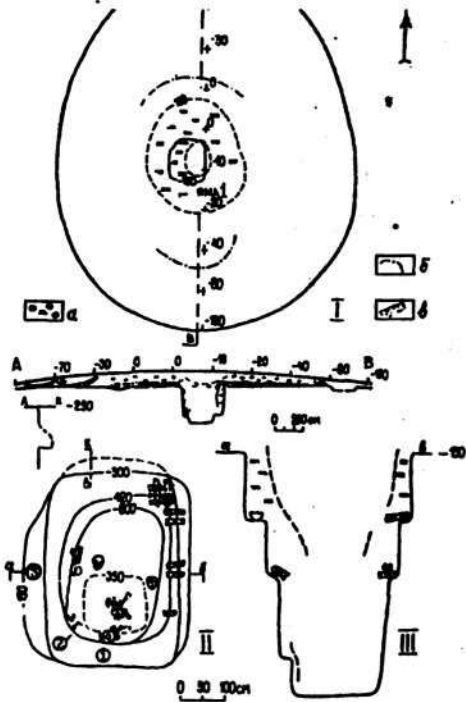

Табл. 47

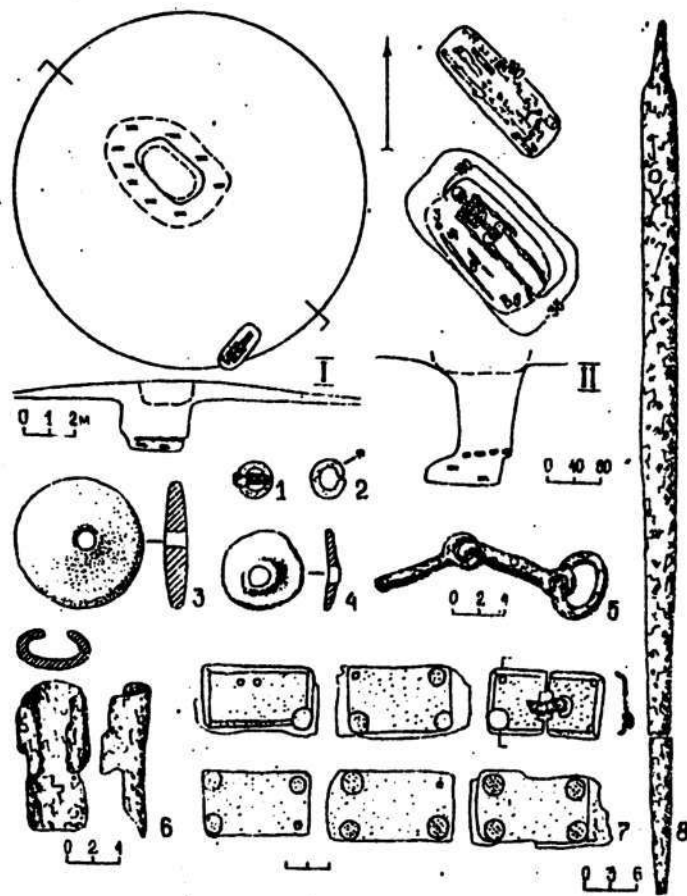

Табл. 49

ОТДЕЛ	ВТУЛЬЧАТЫЕ										ЩЕЩИКОВЫЕ			
	Группа I			II		III	IV		V	VI		I		II
	1	2	3	1	2	1	1	2	1	1	2	1	2	1
ЩЕЩИКОВЫЕ														
ЩЕЩИКОВЫЕ														
ЩЕЩИКОВЫЕ														
ЩЕЩИКОВЫЕ														
ЩЕЩИКОВЫЕ														
ЩЕЩИКОВЫЕ														
ЩЕЩИКОВЫЕ														
ЩЕЩИКОВЫЕ														

Табл. 50

Отдел	Втульчатые			Черешковые		
	I	II	III	I	II	III
VIII-VII вв. до н.э.						
VI - IV вв. до н.э.						
III - II вв. до н.э.						
II вв. до н.э.					 	
I вв. н.э.						

Табл. 51

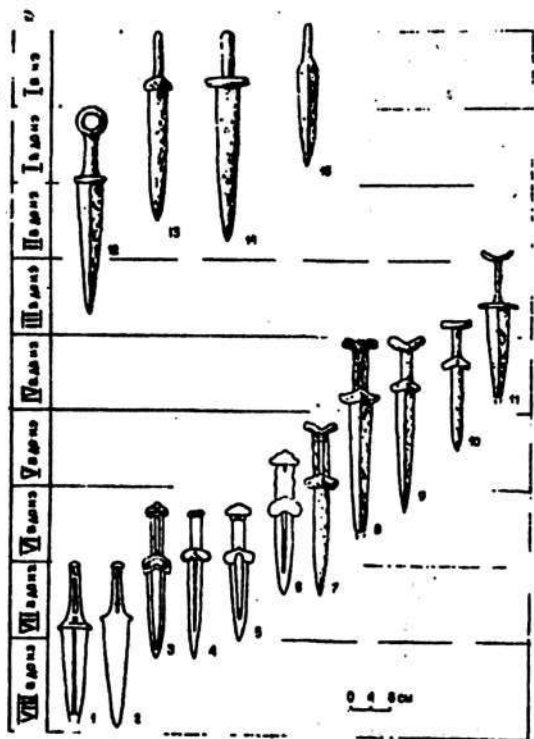

Табл. 52

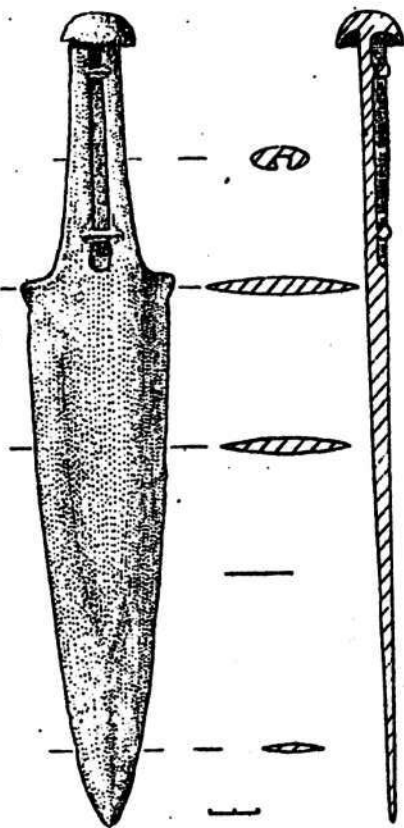

Табл. 53

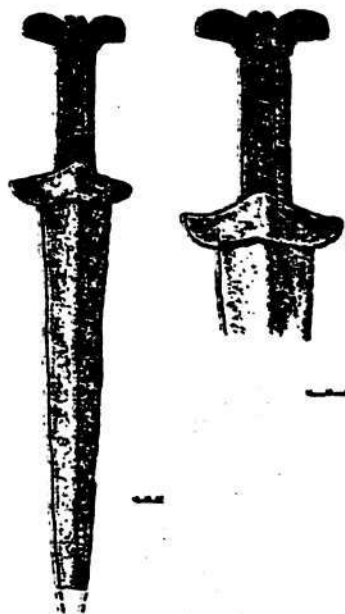

Табл. 54 - 2

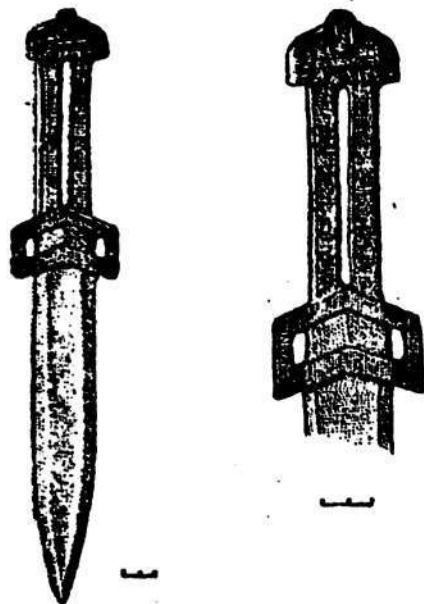

Табл. 54 - 1

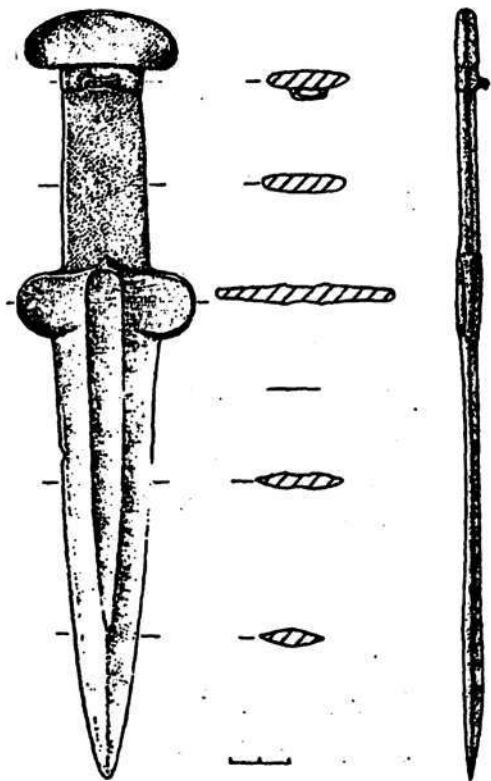

Табл. 55

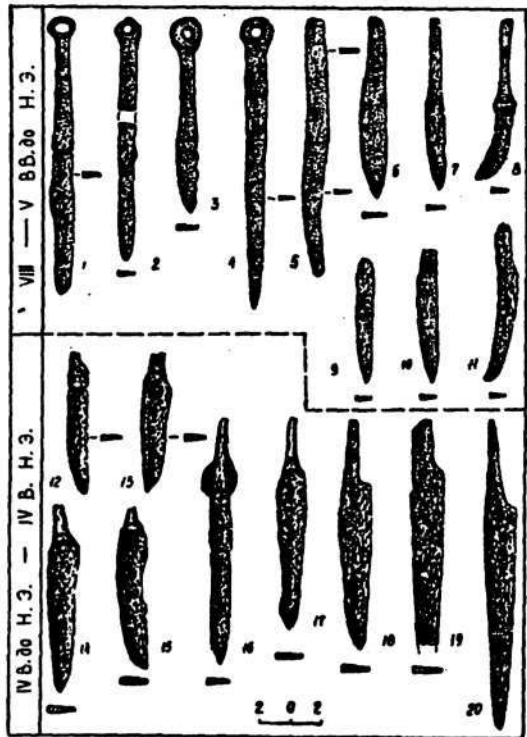

Табл. 56

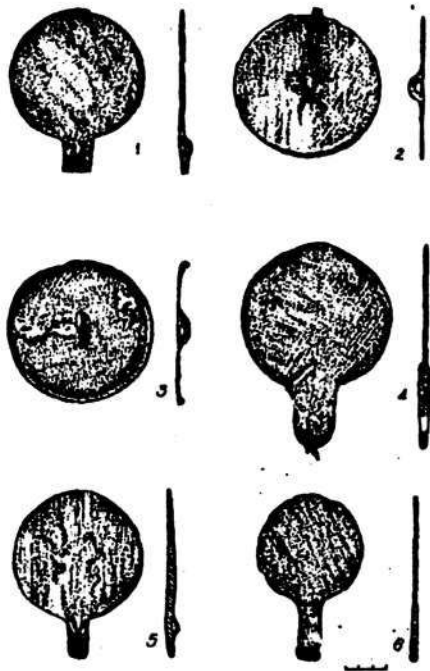

Табл. 57

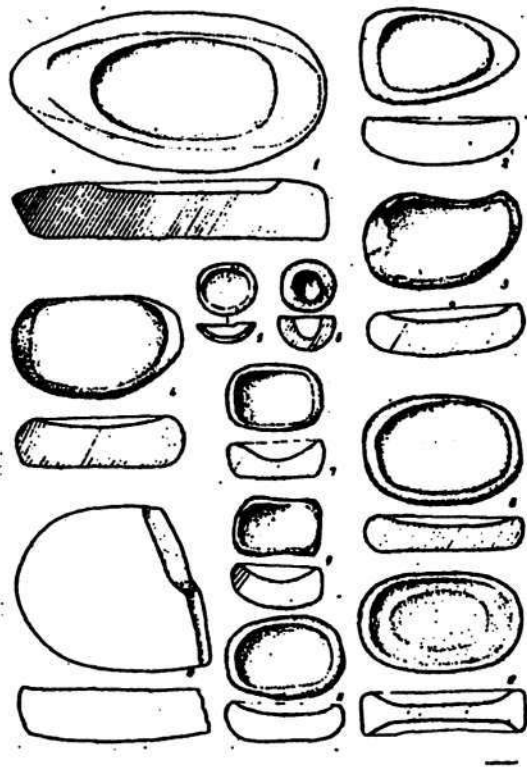

Табл. 58

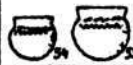

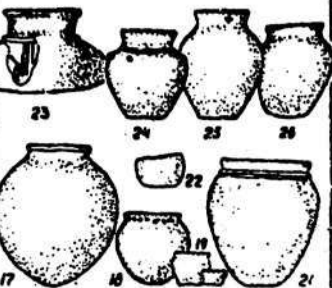
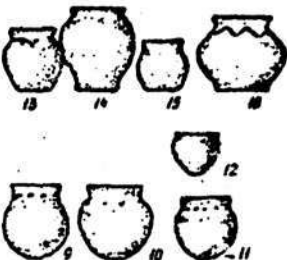

	Петропавл.	Сергеевский	Цшимо-Чаглинск.
II - IV вв. н.э.			
II в. до н.э. - I в. н.э.			
IV - II вв. до н.э.			
V вв. до н.э.			

Табл. 59

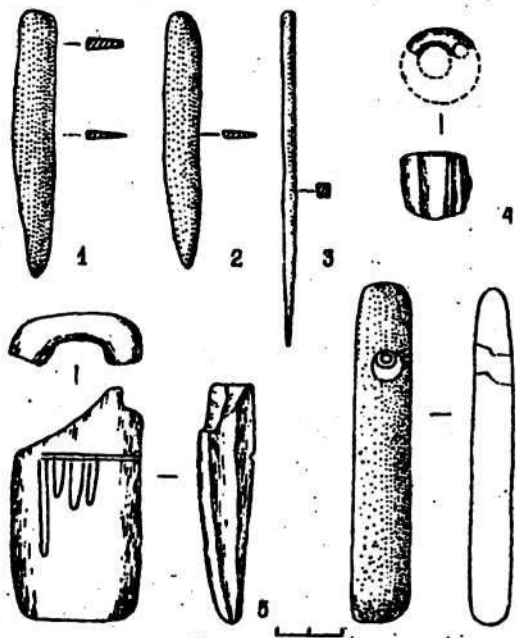

Табл. 60

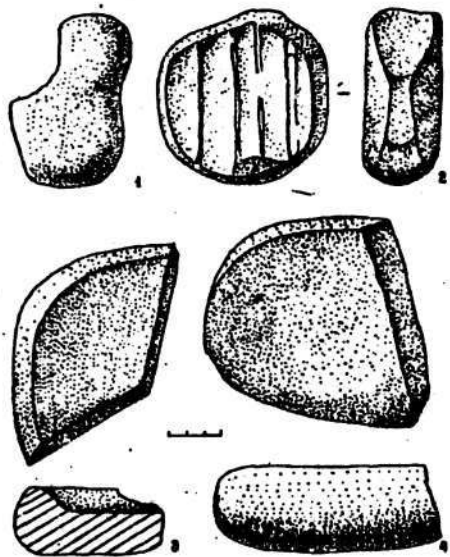

Табл. 61

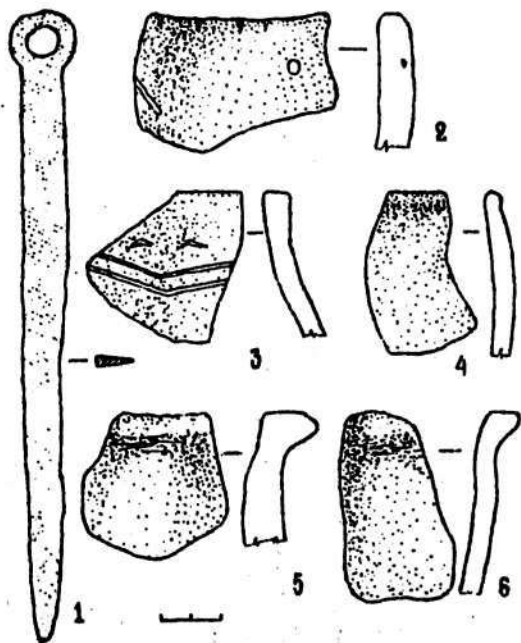

Табл. 62

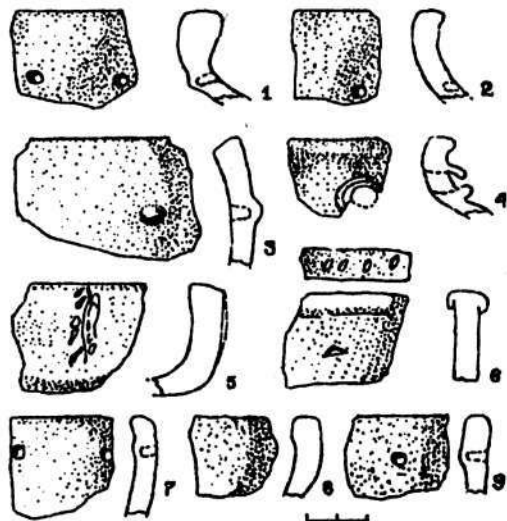

Табл. 63 - 1

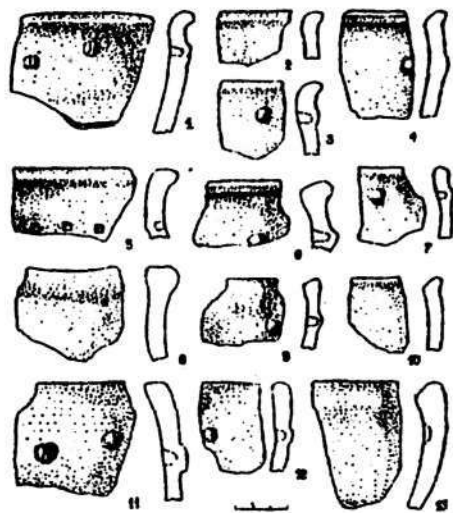

Табл. 63 - 2

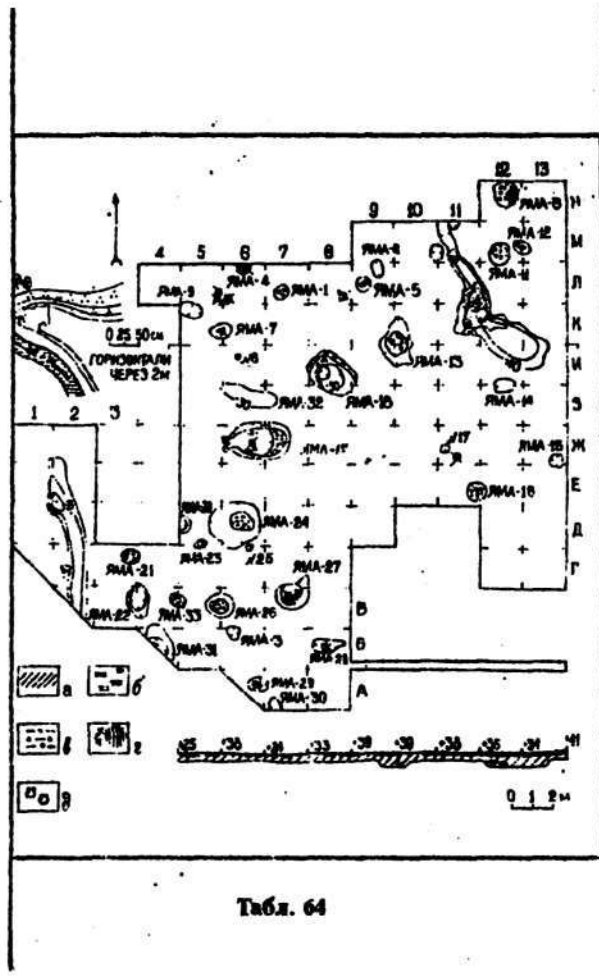

Табл. 64

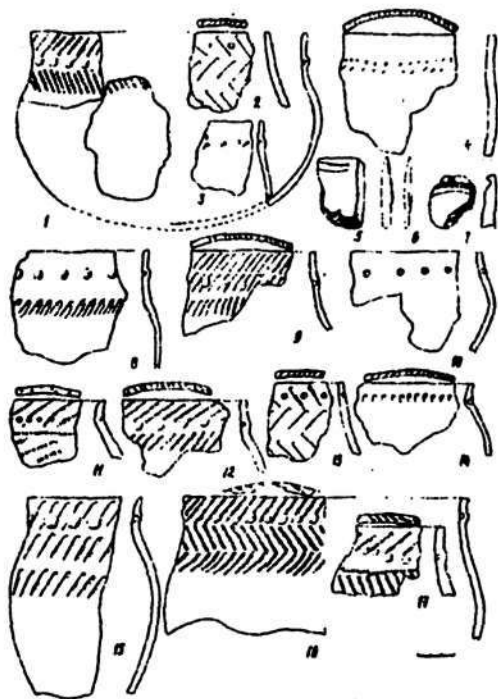

Табл. 65

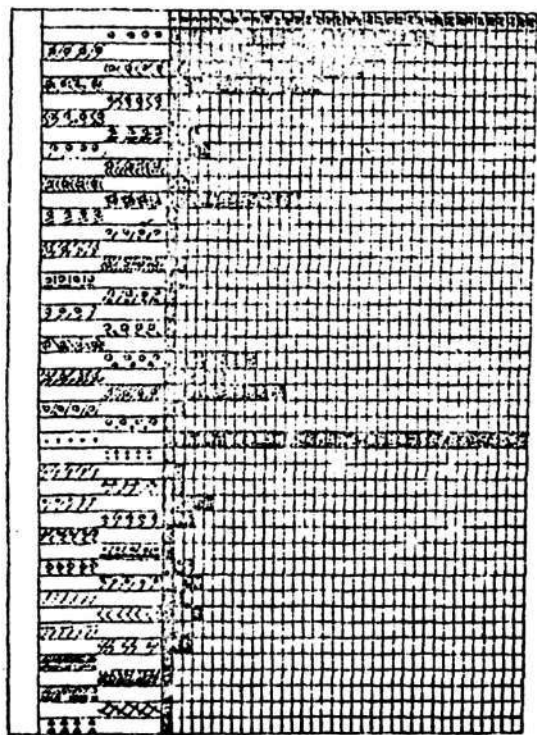

Табл. 66

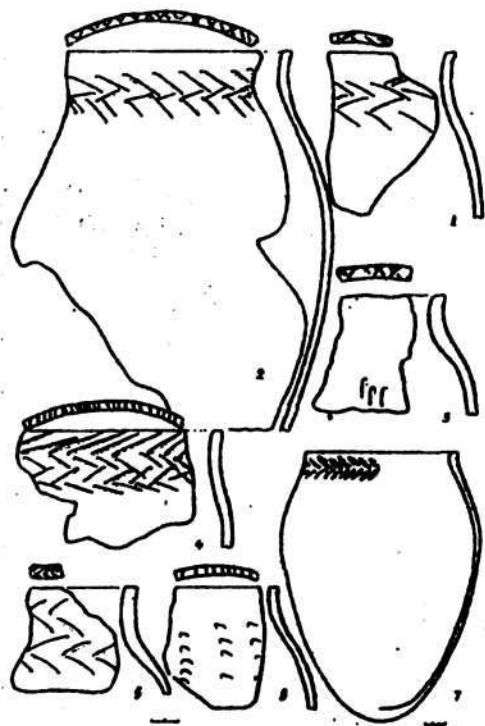

Табл. 69

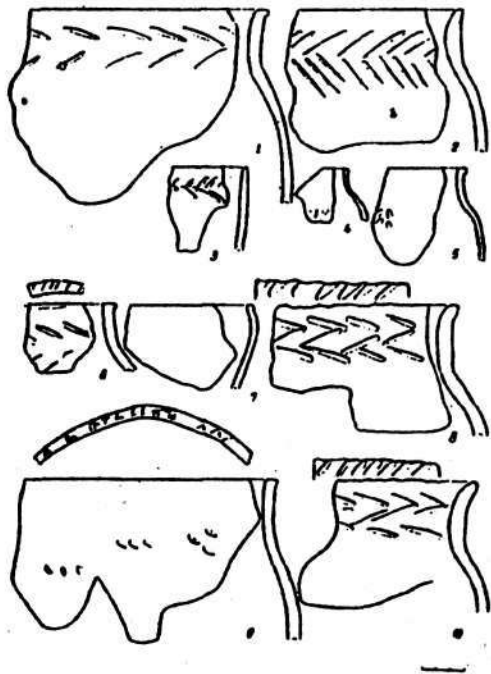

Табл. 68

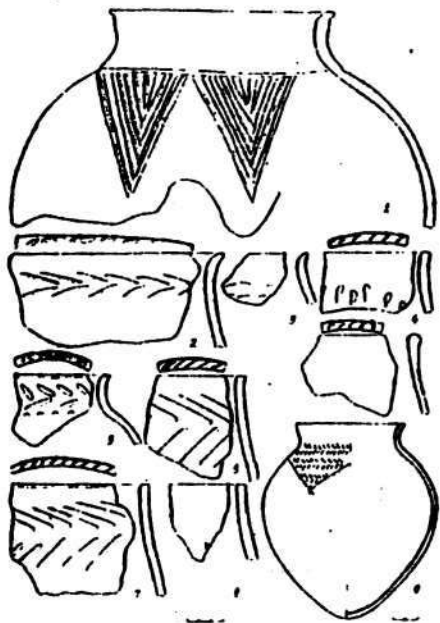

Табл. 70

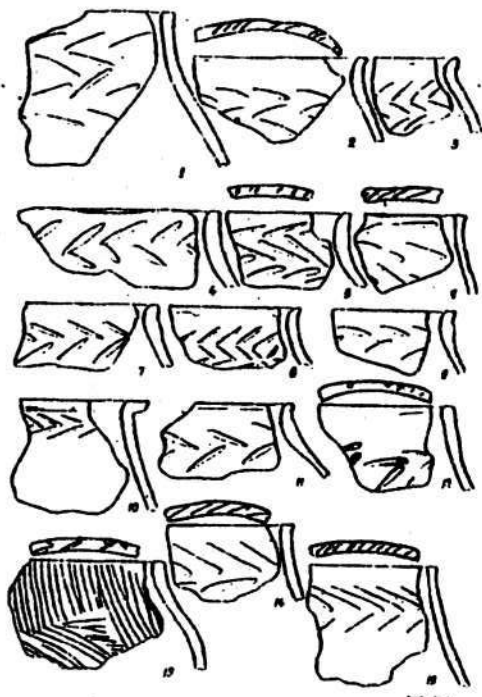

Табл. 71

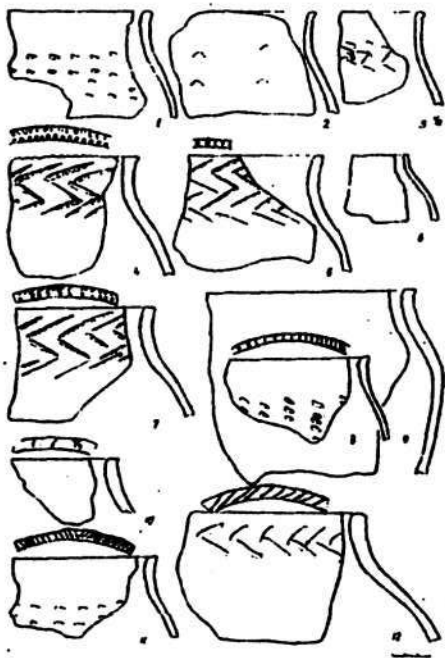

Табл. 72

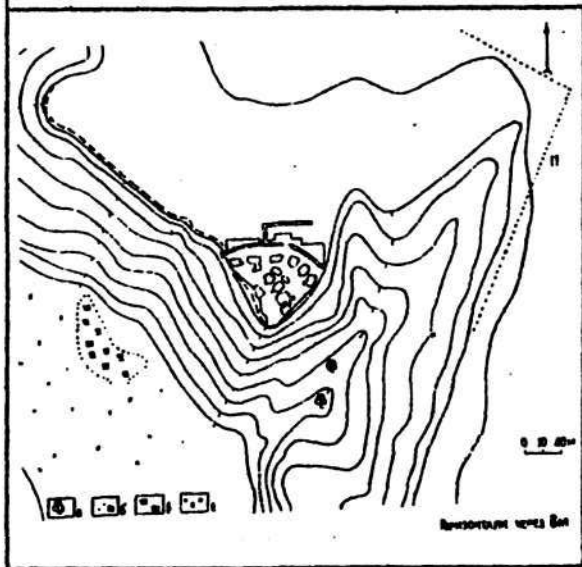

Табл. 73

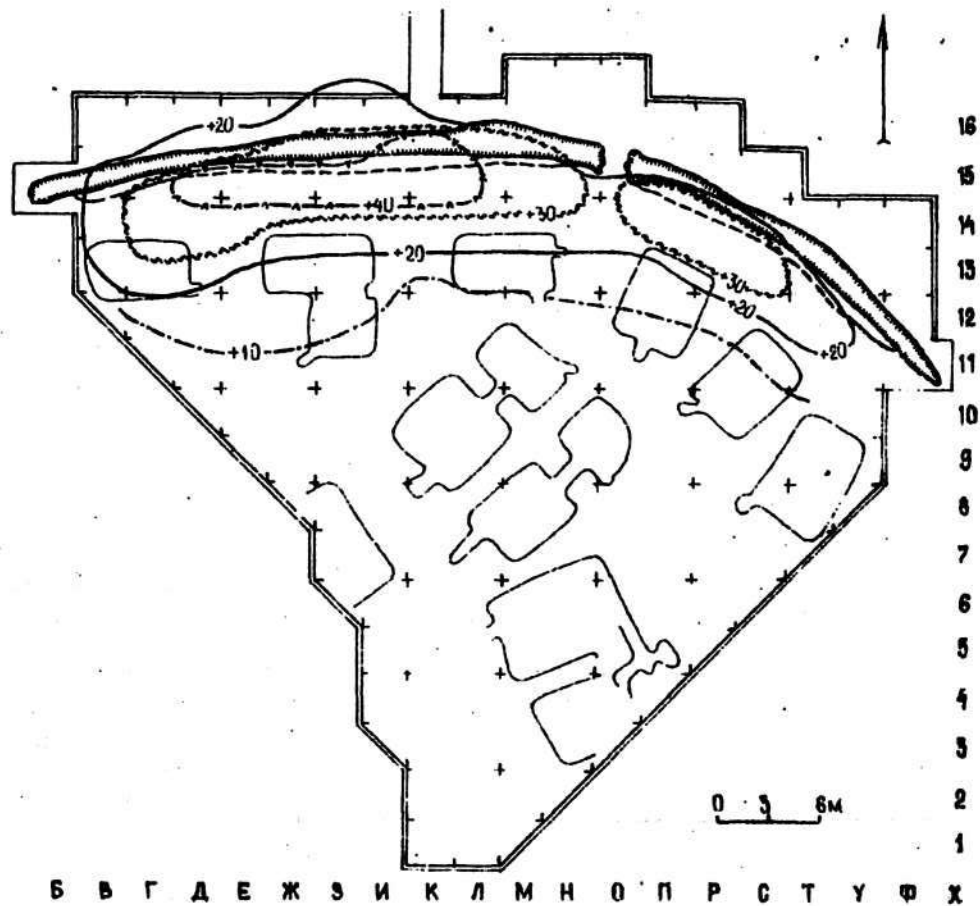

Табл. 74

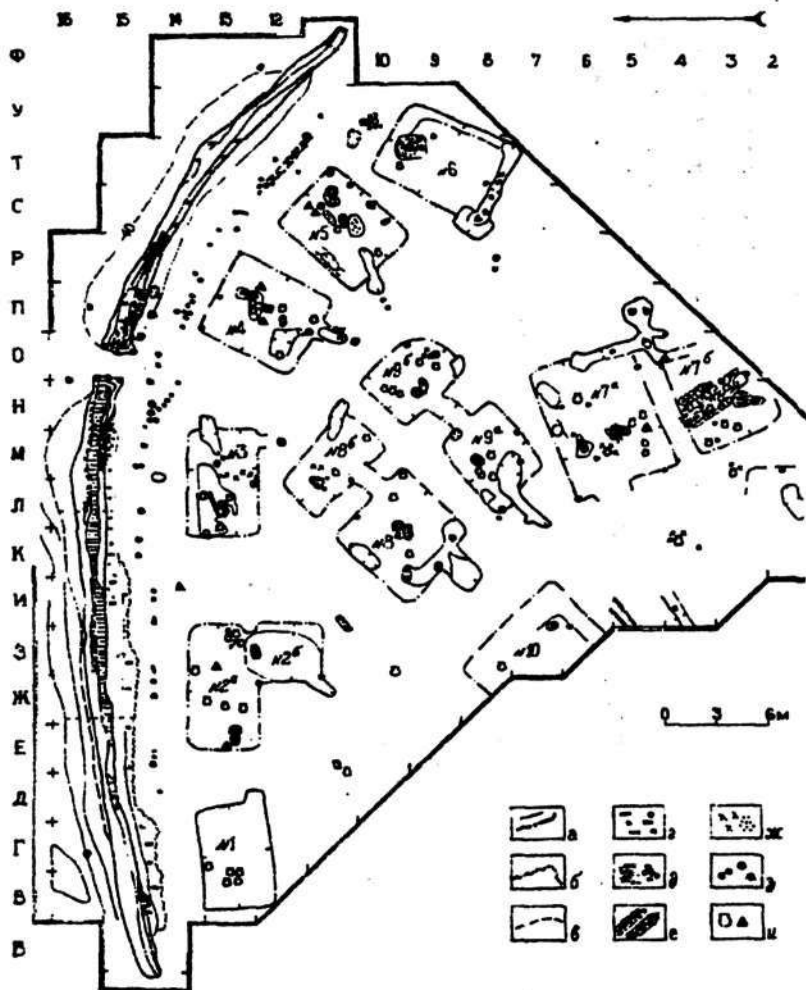

Табл. 75

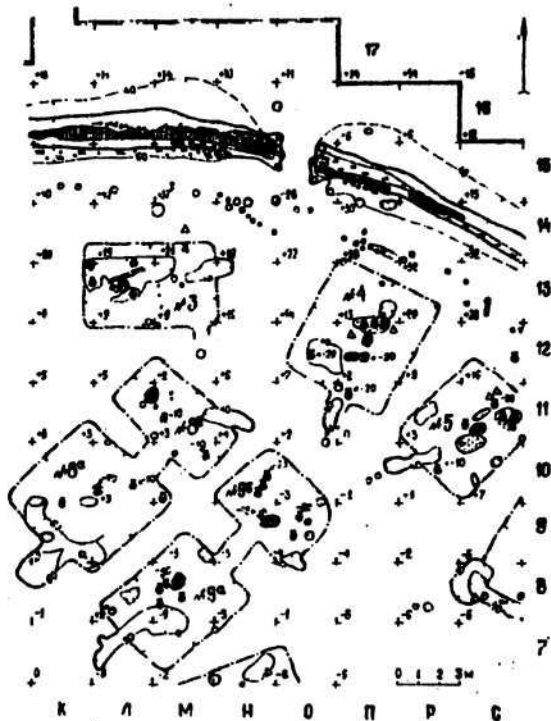

Табл. 76

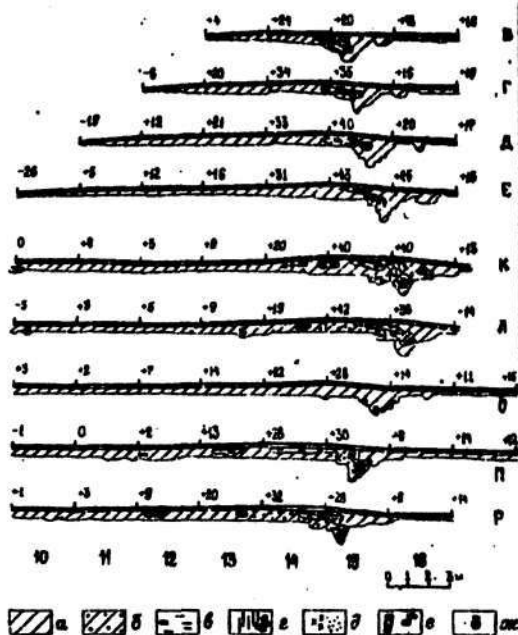

Табл. 77

Степное Приишимье в эпоху раннего железа

Номера жилищ		№№ п/п	1	2а	2б	3	4	5
Кол-во камер		1	1	2	2	1	1	1
Длина		2	6	7,5	3,5	6,5	6	6
Ширина		3	4	4	3,5	4	5	4,5
Площадь		4	24	30	12,25	26	30	27
СТЕНЫ	Столбы вдоль	5			+	+	+	+
	Столбы по оси	6						
	Канавки у стен	7						+
ВХОД	Количество	8	1		1	2	1	1
	Посередине	9					+	+
	В углу	10	+		+	+		
	Коридор	11	+		+	+	+	+
	Тамбур	12						
	Наличие столбов	13			+	+	+	+
	Размеры	14	1x0,6		1,5x0,7	1x0,7	1,5x0,7	2,8x0,8
С'ІАГ	Количество	15		1	1	1	2	1
	В петле	16				+	+	+
	У стены	17		+	+			
	Напольный	18		+	+		+	+
	Е углублении	19				+		
	Со столбами	20				+	+	
	С канавками	21					+	+
	Овальный	22			+	+		+
	Прямоугольные	23		+			+	
Размеры	24		0,7x0,5	0,9x0,6	0,7x0,5	0,7x0,5	0,7x0,5	
СОСУД	Количество	25	4	7		4	6	5
	У очага	26		+		+	+	+

Табл. 78

№№ мм	6	7а	7б	8а	8б	9а	9б	10
1	1		2		2		2	1
2	7	8	6	6	5	6	5	7,5
3	5	6	5	5	3,5	4,5	4	4
4	35	48	30	30	17,5	27	20	30
5		+			+	+	+	
6			+					
7	+	+		+		+		+
8	1	2	1	1	1	1	1	
9		+		+		+		
10	+	+	+		+		+	
11		+	+		+	+		
12	+	+	+	+			+	
13	+		+					
14	2,2x1,2	2,8x1,7	2,8x1,7	2,0x1,5	2,5x0,7	2,0x0,7	1x1	1
15	1	2	1	2	1	1	1	
16		+	+	+		+	+	
17	+	+		+	+			+
18		+	+	+	+	+	+	+
19	+	+		+				
20	+		+	+	+			+
21	+							
22	+		+	+	+		+	+
23		+				+		
24	0,7x0,5	0,8x0,5	1,2x0,8	1x0,5	0,7x0,7	1x0,7	1x0,7	0,7x0,5
25	2	7	8	4	2	4	6	1
26	+	+	+	+	+	+	+	

Табл.78 (окончание)

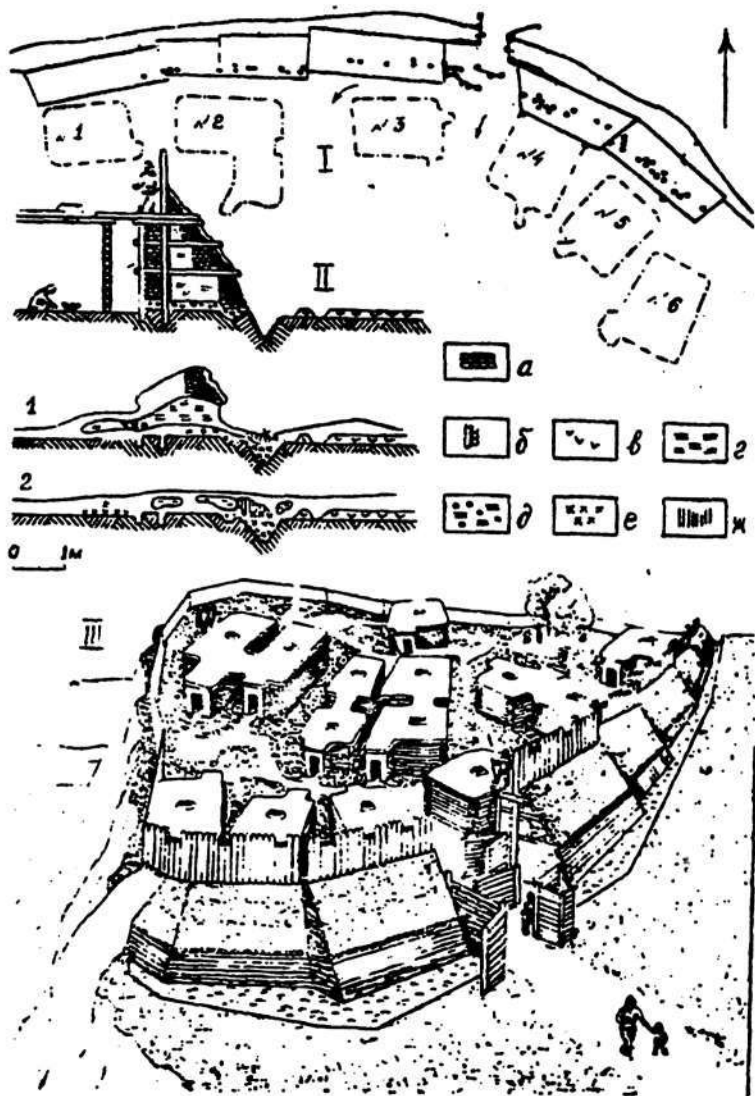

Табл. 79

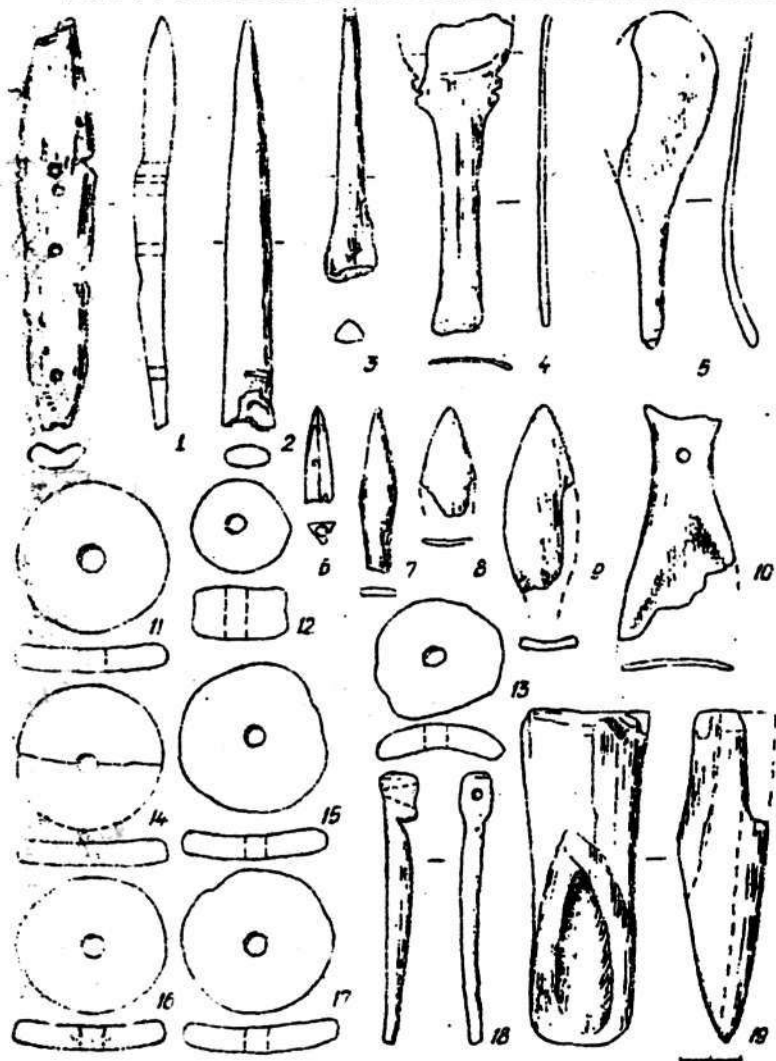

Табл. 80

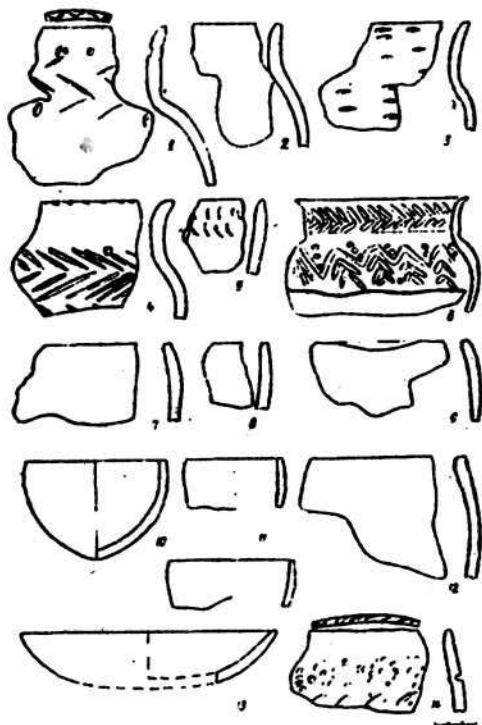

Табл. 81

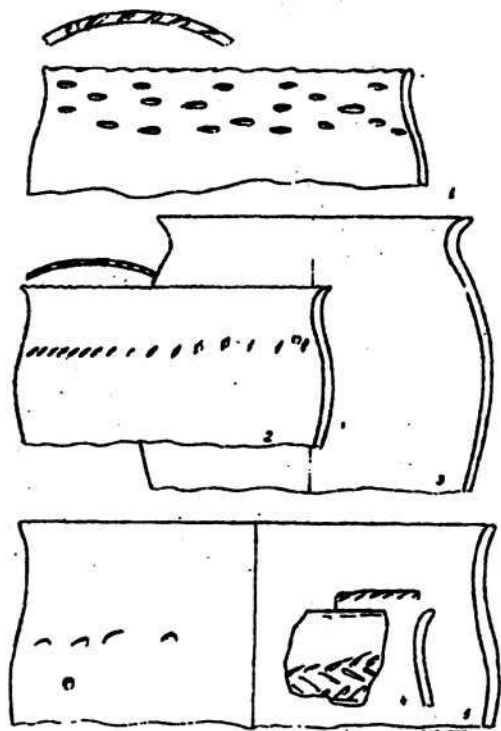

Табл. 82

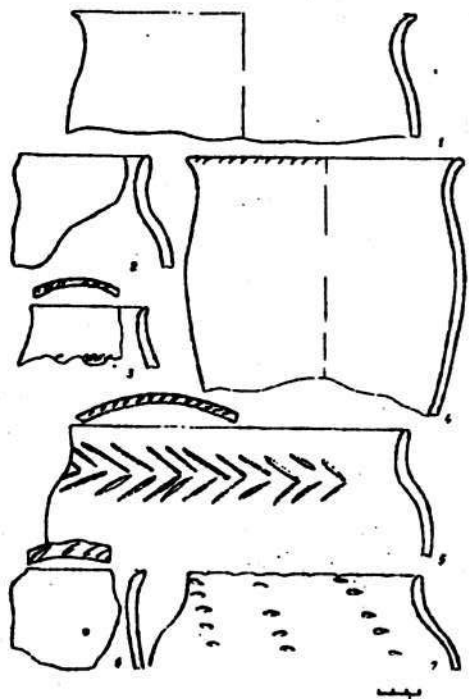

Табл. 83

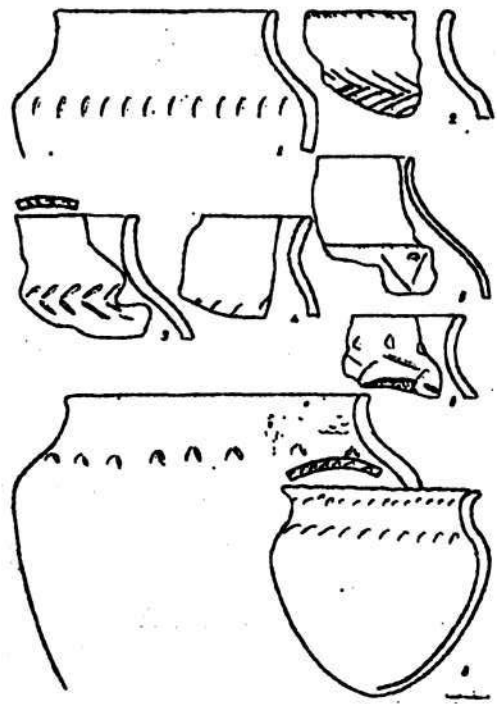

Табл. 84

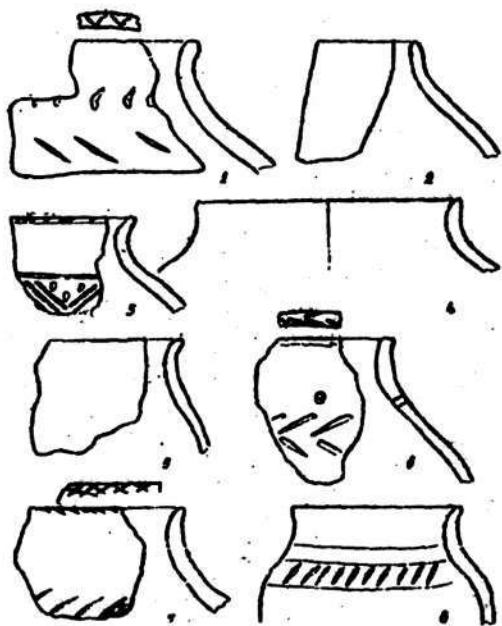

Табл. 86

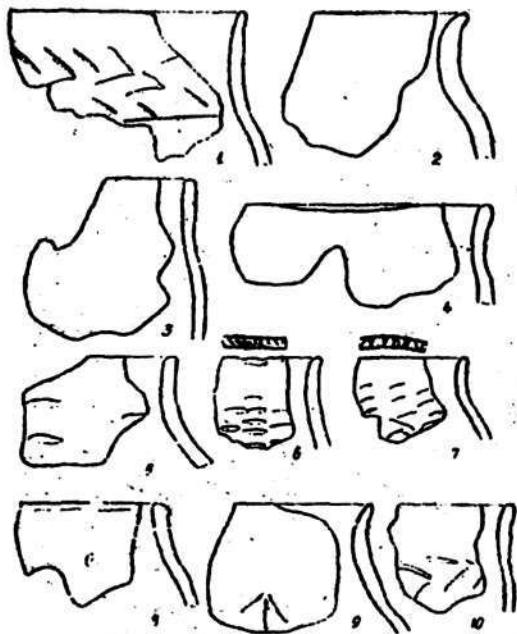

Табл. 85

№	Показатель	Борки I	Ал. Гау	Ак. складство
1	равной	44,5	16,6	16,6
2	короткая палочка	12,7	34,5	12,7
3	удлинен. шпатель	15,9	22,5	15,9
4	треугол. шпатель	10	—	—
5	поступийн. вдавляющ.	—	1,6	—
6	объемные амки	7,6	11,6	7,6
7	калсидитные вдавляющ.	2,8	3,5	2,8
8	подпруги вдавляющ.	8,3	3,5	3,5
9	дровяные амки	—	1,6	—
10	капальюра	—	1,6	—
	Всего:	100	100	37,1
1	←←←←←	29,3	11,9	11,9
2	////////	25,2	42,4	25,2
3	ккккк	6,7	4,7	4,7
4	sssss	16,7	4,7	4,7
5	^ ^ ^	10,1	7	7
6	▼▼▼	2,64	1,2	2,64
7	▲▲▲	1,7	—	—
8	○○○○	5,9	13,1	5,9
9	△△△	2,64	3,6	2,64
10	—	—	2,4	—
11	—	—	2,4	—
12	~~~~~	—	1,2	—
13	~~~~~	—	2,4	—
14	●●●	—	1,2	—
15	●●●	—	2,4	—
16	////	—	1,2	—
	Всего.	100	100	52

Табл. 87

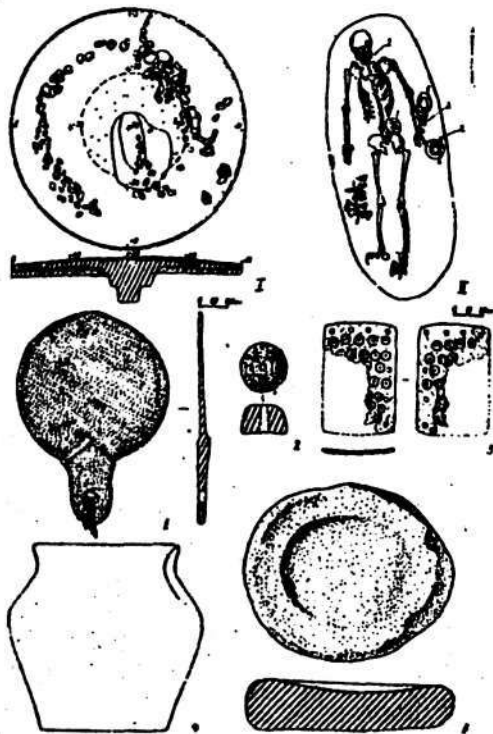

Табл. 88

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- Таблица 1. Физико-географическая карта. Западно-азиатский регион.
- Таблица 2. Карта - схема памятников раннего железного века Северного Казахстана: а - поселения; б - курганы; в - примерные границы микрорайонов; 1 - городище Ак-Тай; 2 - поселение Борки I; 3 - поселение Борки II; 4 - поселение Карлуга I; 5 - городище Долматово; 6 - поселение Кеноткель X; 7 - Соколовка; 8 - Мамлотка; 9 - курган у городища Ак-Тай; 10 - погребения на поселении Борки II; 11 - Полювинное; 12 - Майбалык; 13 - Новоникольское; 14 - Рассвет; 15 - Явленка; 16 - Покровка; 17 - Ильинка; 18 - Урск; 19 - Амангельды; 20 - Петровка; 21 - Берлик; 22 - Кенес; 23 - Кара-Оба; 24 - Обалы; 25 - Николаевка; 26 - Жалтырь; 27 - Ступинка; 28 - Новопокровка; 29 - Боганяты; 30 - Бурлук; 31 - Алыпкаш; 32 - Улубай; 33 - Бектениз; 34 - Графские развалины; 35 - Куропаткино; 36 - Б.Чебачье; 37 - Айдабуль; 38 - Ботай II; 39 - Рузаевка; 40 - Имантау; 41 - Конурсе; 42 - Жилан-Тай; 43 - Жаксы-Жангызтау; 44 - Павловка; 45 - Жабай-Покровка; 46 - Саркара; 47 - Саргары II; 48 - Акчийат; 49 - Шили; 50 - Наурзум; 51 - курган Красный Яр; 52 - Коныспай; 53 - Убаган; 54 - Лисаковск;
- Таблица 3. Палеогеографическая характеристика Северного Казахстана.
- Таблица 4. План могильника Кенес.
- Таблица 5. Расположение памятников на правом берегу р. Ишим (в районе Сергеевского водохранилища): I - II - курганы урочища Алыпкаш; III - УП - курганы урочища Улубай; УШ - X - курганы урочища Бектениз; XI - XII - могильник Графские развалины.
- Таблица 6. План курганной группы в урочище Бектениз.
- Таблица 7. План могильника Жаксы-Жангызтау.
- Таблица 8. Количественное и процентное соотношение памятников и погребального обряда по микрорайонам. 1 - количественное соотношение памятников по микрорайонам; 2 - процентное соотношение ориентировки могил; 3 - процентное соотношение ориентировки погребенных; И-Ч - Ишимо-Чаглинский, С - Сергеевский микрорайоны.
- Таблица 9. Могильник Берлик, курган 5. План и профили кургана: а - наконечники стрел, б - сосуд; 1 - 5 - бронзовые наконечники стрел.
- Таблица 10. Сосуды из курганов конца IX - УШ вв. до н.э. 1 - Берлик, курган 5; 2 - Новоникольское, курган 2.
- Таблица 11. Могильник Явленка, курган 1. 1 - план и профиль кургана; II - план и разрез могильных ям: 1 - вводное погребение, 2 - жертвенные комплексы (кости животных); а - глина, б - погребенная почва, в - дерево.
- Таблица 12. Урочище Бектениз, курган 4. I - план и профиль кургана; II - план погребения УШ - УП вв. до н.э.; а - конструкция эпохи бронзы, б - глина выкида, в - погребенная почва, г - уголь, прокол, д - дерево.
- Таблица 13. Погребальные комплексы УШ - У вв. до н.э. Сергеевского микрорайона. 1-б - могильник Берлик, курган I: 1 - план и разрез кургана, 2 - план и разрез могильной ямы; 3, 4 - костяные наконечники стрел, 5 - каменная застежка, б - кремневый наконечник стрелы; 7,8 - могильник Кенес, курган II: 7 - план и разрез кургана, 8 - реконструкция деревянного надмогильного сооружения, способ вязки углов;

Стенное Приишимье в эпоху раннего железа

- 9,10 - могильник Кенес, курган I: 9 - план и разрез кургана, М-Н - разрез могильной ямы, 10 - каменный жертвенник.
- Таблица 14. Погребальные комплексы УШ - У вв. до н.э. Иппимо-Чаплинского микрорайона. 1,8 - план и разрезы курганов; 2-7 - Алыпкаш, курган I: 2 - план могильной ямы, 3 - бронзовые наконечники стрел, 4 - бронзовый чекан, 5 - венок, 6 - железная пряжка, 7 - бронзовый нож; 9-14 - Улубай, курган 7: 9 - план могильной ямы, 10,13 - каменные жертвенники, 11 - каменная ступка, 12 - бронзовый кельт, 14 - сосуд; 15-18 - Бектениз, курган I: 15 - план и разрез кургана, 16 - план могильной ямы, 17 - каменный жертвенник, 18 - бронзовое зеркало; 19-25 - Бектениз, курган 5: 19 - план и разрез кургана, 20 - план могильной ямы, 21 - костяное пряслице, 22 - костяная накладка, 23 - бронзовое зеркало, 24 - каменный жертвенник, 25 - сосуд.
- Таблица 15. Урочище Алыпкаш, курган 13. 1 - план и разрез кургана, 2 - план могильной ямы, 7 - клык кабана, 8 - костяная ворворка, 9 - биметаллический нож, остальное - бронзовые наконечники стрел.
- Таблица 16. Урочище Бектениз, курган 2. I, II - планы и разрез кургана, III - план могильной ямы: 1 - золотые височные подвески, 2 - бронзовое зеркало, 3 - каменный жертвенник, 4 - остатки перламутровой раковины, 5 - пастовые бусы; I - золотые височные подвески, 2 - бронзовое зеркало, 3 - каменный жертвенник.
- Таблица 17. Урочище Бектениз, курган 7. I, II - планы и разрез кургана, III - план могильной ямы; 1 - зеркало, 2 - каменный жертвенник.
- Таблица 18. Могильник Графские развалины, курган 7. I - план и разрез кургана; а - конструкция эпохи бронзы; II - план могильной ямы; 1 - костяное пряслице, 2 - костяная шпилька, 3 - костяной флакончик, 4 - костяная накладка, 5 - каменный жертвенник.
- Таблица 19. Урочище Саркира, курган 1. 1 - план и разрез кургана, 2 - железная панцирная пластина, 3 - бронзовое зеркало, 4 - план могильной ямы, 5 - каменный жертвенник; а - камни, б - прокол, в - зола, г - глина, д - погребенная почва.
- Таблица 20. Урочище Алыпкаш, курган 2. 1 - план могильной ямы, 2-6 - бронзовые наконечники стрел, 7 - деревянный наконечник стрелы, 8 - биметаллический нож, 9 - бронзовые обоймы ремня.
- Таблица 21. Погребальные комплексы IV - II вв. до н.э. Петропавловского микрорайона. I - поселение Борки II, погребение 2; II - поселение Борки II, погребение 1; III - курган у городища Актау; IV - план погребения I, V - план погребения 2; 1, 2, 6, 7, 10, 11, 22 - сосуды; 3, 13 - железные наконечники стрел; 4, 21 - каменное пряслице; 5 - глиняная курительница; 8 - керамическое пряслице; 9, 19 - гершировые бусы; 12 - бронзовые наконечники стрел; 14, 15, 16 - костяные наконечники стрел; 17 - железный крючок; 18 - раковина; 20 - железная пряжка.
- Таблица 22. Погребальные комплексы IV - II вв. до н.э. Сергеевского микрорайона. I - Амангельды, курган 14, план и разрез кургана, планы могильных ям: 1-5, 9-11 - бронзовые наконечники стрел, 6-8, 12 - костяные наконечники стрел, 13 - керамическое пряслице, 14 - железный нож, 15, 16 - сосуды; II - Амангельды, курган 13, план и разрез кургана, планы могильной ямы: 1-3 - глазчатые бусы, 4 - бронзовая серьга; III - Урнек, курган 2, план и разрез кургана, план могильной ямы: 1 -

- железный нож, 2-4 - железные наконечники стрел, 5-7 - фрагменты конской упряжи, 8 - железный кинжал, 9 - сосуд; а - уголь, прокол, б - глина, в - дерево.
- Таблица 23.** Погребальные комплексы IV - II вв. до н.э. Инимно-Чаплинского микрорайона. 1 - Улубай, курган 3, план и разрез кургана; 2 - каменный жертвенник, 3 - сосуд; 4 - Улубай, курган 12, план и разрез кургана, планы могильной ямы; 5 - бронзовые наконечники стрел, 6 - железный колчаный крючок, 7 - сосуд; 8 - Улубай, курган 13, план и разрез кургана, планы могильной ямы; 9 - костяное шило, 10 - каменный жертвенник, 11 - керамическое пряслице, 12 - сосуд.
- Таблица 24.** Могильник Берлик, курган 6, план и разрез кургана: а - уголь, прокол, б - глина, в - чернозем, г - погребенная почва, д - распавшийся слой, е - перемешанный грунт (заполнение норы).
- Таблица 25.** Курган I у с. Ступинка. План кургана.
- Таблица 26.** Курган I у с. Ступинка. Профили кургана: 1 - гумус, 2 - суслинок с пятнами глины, 3 - серый суслинок (вал), 4 - плотный палевоый суслинок, 5 - погребенная почва, 6 - глина, 7 - грабительский вкоп, 8 - древесный тлея; II - могильник Петровка, погребение 8: 1 - план и разрез могильной ямы, 2 - бронзовое зеркало, 3 - керамическое пряслице, 4 - 5 - сосуды.
- Таблица 27.** Курган I у с. Ступинка. План и разрез могильной ямы: а - суслинок, б - пересложенный грунт, в - глина с черноземом.
- Таблица 28.** Курган Кара - Оба. План и разрезы кургана. 1 - темно-серый суслинок, 2 - суслинок с участками глины, 3 - светлый суслинок, 4 - глина, 5 - палевоый суслинок, 6 - древесный тлея, 7 - грабительские вкопы, 8 - граница древнего кургана.
- Таблица 29.** Планы и разрезы могильных ям крупных курганов. 1, 2 - план и разрез могильной ямы Обалы; 2а - разрез выемки на северо-восточной стене ямы, 2б - разрезы ямок на дне могильной ямы; 3, 4 - план и разрез могильной ямы Кара-Оба; 5 - фрагмент сосуда со дна ямы Обалы; А - серый гумусированный суслинок; Б, В - светло-коричневая глина различных оттенков; Г - неравномерная по окраске темно-коричневая глина; Д - остатки бревен; Е - фрагмент сосуда.
- Таблица 30.** Курганы Кара-Оба и Обалы. Реконструкция внешнего вида (А) и разреза (Б) надмогильного сооружения. 1 - насыпь раннего кургана; 2 - кольцевой вал; 3 - сооружение из дерновых пластов; 4 - насыпной грунт; 5 - глиняная крепидка; 6 - материк.
- Таблица 31.** Могильник Язвенка, курган 7. I - план и разрез кургана; II - план могильной ямы. I - керамическое пряслице, 2 - сосуд.
- Таблица 32.** Урочище Боганаты, курган I. I - план памятника; II - план и разрез кургана: 1, 2 - железные псалии.
- Таблица 33.** Курган 7 у с. Керсак. I - план и разрез кургана, II - план могильной ямы; 1 - керамическое пряслице, 2 - бронзовая серьга, 3 - железная пряжка, 4 - пронизка (камень?), 5, 6 - бусы (стекло с металлической прокладкой), 7-8 - сосуды, 9 - железный нож с деревянной рукояткой.
- Таблица 34.** Урочище Акчийат, курган 2. I - план и разрез могильной ямы; 1 - железный нож, 2 - бронзовое зеркало, 3 - бронзовые наконечники стрел, 4 - костяное изделие (шумек), 5 - каменный жертвенник.

Степное Приишимье в эпоху раннего железа

- Таблица 35. Урочище Шила, курган 1. План и разрез могильной ямы: 1 - каменная пуговица, 2 - костяная ворворка, 3 - сосуд, а - фрагменты каменных изваяний тюркского времени.
- Таблица 36. Бронзовый котел. Урочище Шагалы, курган 2, яма 2.
- Таблица 37. Урочище Кунурсу, курган 1. 1 - план и разрез кургана, II - план и разрез могильной ямы. 1 - железная пряжка, 2 - фрагмент берестяной поделки, 3 - железный кинжал, 4 - железный нож, 5 - сосуд.
- Таблица 38. Курган у оз. Жалтырь. 1 - план и разрез кургана, 2 - разрез могильной ямы 1, 3 - план и разрез могильной ямы; Цифрами обозначено расположение вещей на дне ямы - см. табл. 39.
- Таблица 39. Курган у оз. Жалтырь. Вещи. 1-6 - железные наконечники стрел, 7 - железный кинжал, 8 - железный нож, 9 - костяной кочедык, 10, 11 - костяные пластины, 12, 13 - сосуды.
- Таблица 40. Урочище Саркара, курган 5. 1 - план и разрез кургана, 2 - план и разрез могильной ямы, 3 - каменное пряслице, 4-6 - сосуды.
- Таблица 41. Урочище Тасмола, курган 36 (по М.К.Кадырбаеву). План и разрез кургана, план могильной ямы: 1-3 - сосуды, 4 - костяной предмет, 5 - железный нож, 6 - берестяная чаша, 7 - остатки шкур жеребят, 8 - черепа жеребят.
- Таблица 42. Могильник Жабай-Покровка, погребение 32. 1 - план могильной ямы, 2 - костяные накладки лука, 3, 4 - железные пряжки, 5 - железный наконечник стрелы, 6, 7 - сосуд; Остальные вещи на табл. 44.
- Таблица 43. Урочище Саркара, курган 3. I - план и разрез кургана; II - план могильной ямы: 1, 6 - железные пряжки, 2-5 - железные наконечники стрел, 7-9 - костяные накладки лука, 10 - сосуд; остальные вещи на табл. 44.
- Таблица 44. Вещи из курганов II в. до н.э. - I в. н.э. 1-5 - железные наконечники стрел, 6, 7 - железные ножи, 8, 9 - железные мечи, 10, 11 - железные кинжалы; 8, 10 - Саркара, курган 3; остальное - могильник Жабай-Покровка, погребение 32.
- Таблица 45. Урочище Саркара, курган 4. План и разрез кургана.
- Таблица 46. Урочище Саркара, курган 4. 1, 2, 3 - планы и разрез могильной ямы; 4 - железная пряжка; 5 - стеклянные бусы; 6, 7 - железные наконечники стрел.
- Таблица 47. Курган у с. Красный Яр. I - план и разрез кургана; II - III - план и разрез могильной ямы: 1 - пряжки, 2 - удила, 3 - деревянная чаша, 4 - бусы и фрагменты украшений; а - глина, б - границы тонкой глиняной прослойки, в - дерево; разрез Л-К - разрез ниши для закрепления концов деревянного настила.
- Таблица 48. Вещи из кургана у с. Красный Яр. 1 - бронзовая пряжка, 2 - железная пряжка, 3, 4, 12, 13 - бронзовые обкладки деревянной чаши, 5, 11 - стеклянные бусы, 7-10 - золотые украшения.
- Таблица 49. Могильник Покровка, курган 2. I - план и разрез кургана, II - план могильной ямы; 1 - бронзовая пряжка, с железным язычком; 2 - бронзовая пряжка; 3 - халцедоново-навершение меча; 4 - кожаная прокладка; 5 - железные удила; 6 - железная мотыжка; 7 - бронзовые накладки; 8 - железный меч.
- Таблица 50. Металлические наконечники стрел. 1-19 - бронза, 20-31 - железо.
- Таблица 51. Костяные наконечники стрел.
- Таблица 52. Кинжалы Северного Казахстана: 1-6 - бронза; остальные - железо. 1 - Троицкий

- прииск (Членова, 1976); 2 - Новопокровка; 3 - Рассвет; 4 - Степняк (Черников, 1954); 5 - Баландино; 6 - Мариинское (Грязнов, 1956а); 7 - Айдабуль, курган 1; 8 - Бишкуль (Бесколь); 9 - Берлик, курган 6; 10 - Урнек, курган 2; 11 - Бишкуль (Бесколь); 12 - Конурсу, курган 1; 13 - Саркара, курган 3; 14 - Жалтырь; 15 - Жабай-Покровка, погребение 32.
- Таблица 53.** Бронзовый кинжал. Случайная находка у с. Новопокровка.
- Таблица 54.** Бронзовый и железный кинжалы. 1 - случайная находка у с. Рассвет; 2 - случайная находка у с. Бишкуль.
- Таблица 55.** Бронзовый кинжал. Случайная находка у с. Баландино.
- Таблица 56.** Ножи: 1 - Алыпкаш, к. 2; 2 - Алыпкаш, к. 1; 3 - Покровка, к. 1; 4, 5, 9, 10 - Поселение Кеноткель X; 6 - Алыпкаш, к. 11; 7 - Улубай, к. 12; 8 - Алыпкаш, к. 13; 11 - Бектениз, к. 3; 12 - Урнек, к. 2; 13 - Акчийаг, к. 2; 14 - Амангельды, к. 14; 15 - Конурсу, к. 1; 16 - Жалтырь, яма 2; 17, 18 - Жабай - Покровка, погр. 32; 19 - Тасмола, к. 36; 20 - Корсак, к. 7; 1, 8 - бронза, железо; 2 - 7, 9, 10 - бронза; 11 - 20 - железо.
- Таблица 57.** Бронзовые зеркала. 1 - могильник Графские развалины, курган 9; 2 - Бектениз, курган 7; 3 - Бектениз, курган 2; 4 - Бектениз, курган 5; 5 - Конурсу, курган 2; 6 - Саркара, курган 1.
- Таблица 58.** Каменные жертвенники. 1, 5 - Улубай, курган 7; 2, 6, 7 - Улубай, курган 8; 3 - Алыпкаш, курган 11; 4 - Улубай, курган 4; 8 - Улубай, курган 3; 9 - Алыпкаш, курган 9; 10 - Алыпкаш, курган 12; 11 - Алыпкаш, курган 9; 12 - Алыпкаш, курган 12.
- Таблица 59.** Керамика погребений: 1 - Улубай, курган 7; 2 - Бектениз, курган 5; 3, 4 - Графские развалины, курган 2; 5 - Берлик, курган 5; 6 - Покровка, курган 6; 7 - Покровка, курган 2, яма 2; 8 - Покровка, курган 1, насыпь; 9 - Улубай, курган 12; 10 - Улубай, курган 13; 11 - р. Тюнтюгур, Тургайская обл. (фонды Костанайского музея); 12 - Улубай, курган 3; 13, 14 - Корсак, курган 7; 15 - Графские развалины, курган 20; 16 - Шили, курган 1; 17 - Амангельды, курган 14, яма 2, погребение 2; 18-20 - Берлик, курган 3; 21 - Берлик, курган 6; 22 - Явленка, курган 7; 23 - курган Обалы; 24-25 - Петровка, погребение 8; 26 - Урнек, курган 1; 27, 31 - Актау, погребение 1; 28, 29 - поселение Борки II, погребение 2; 30, 32, 33 - поселение Борки II, погребение 1; 34 - Актау, погребение 2; 35, 36 - могильник Жабай-Покровка, погребение 32; 37 - Конурсу, курган 1; 38 - Саркара, курган 3; 39, 41, 42 - Саркара, курган 5; 40, 43, 44 - Саркара, курган 4; 45-47 - Тасмола, курган 36; 48, 51 - Явленка, курган 5; 49-50 - курган у оз. Жалтырь; 52 - Берлик, курган 9; 53 - Берлик, курган 4; 54, 55 - Соколовка, курган 3 (по Акишеву); 56 - Амангельды, курган 14, яма 2, погребение 1; 57 - Покровка, курган 4; 58 - Петровка, погребение 29.
- Таблица 60.** Поселение Кеноткель X. Вещи. 1, 2 - бронзовые ножи; 3 - бронзовое пило; 4 - костяная поделка; 5 - костяная мотыжка; 6 - оселок.
- Таблица 61.** Поселение Кеноткель X. Каменные орудия труда.
- Таблица 62.** Поселение Кеноткель X. Вещи. 1 - бронзовый нож, остальное - керамика.
- Таблица 63.** Поселение Кеноткель X. Керамика.
- Таблица 64.** Поселение Карлуга I. Топоплан, план и профиль раскопа: а - гумус, б - глина, в - песок, г - уголь, прокал, д - сосуд.
- Таблица 65.** Поселение Карлуга I. Вещи. 5, 7 - обломок глиняной литейной формы; 6 -

Степное Приишимье в эпоху раннего железа

- костяные наконечники стрел; остальное - керамика.
- Таблица 66. Поселение Карлуга 1. Корреляция элементов узора.
- Таблица 67. Поселение Борки 1. Топоплан, план и профиль раскопа: а - гумус, б - супесь, в - темный золистый грунт, г - провал, д - дерево, уголь, е - сосуд, ж - кустарник, з - шурф, обрыв.
- Таблица 68. Поселение Борки 1. Сосуды I и VI типов.
- Таблица 69. Поселение Борки 1. Сосуды II типа.
- Таблица 70. Поселение Борки 1. Сосуды III типа.
- Таблица 71. Поселение Борки 1. Сосуды IV типа.
- Таблица 72. Поселение Борки 1. Сосуды V типа.
- Таблица 73. Городище Ак - Тау. Топографический план: а - березы, б - границы пашни, в - болото, г - луг.
- Таблица 74. Городище Ак-Тау. Развал вала.
- Таблица 75. Городище Ак-Тау. Общий план раскопа. а - границы жилищ; б - очертания глины в плане; в - верхние очертания рва; г - сутлинистое заполнение рва; д - провал; е - дерево; ж - уголь, зола; з - столбовые ямки; и - сосуды, вещи.
- Таблица 76. Городище Ак-Тау. План центральной части раскопа.
- Таблица 77. Городище Ак-Тау. Профили западных бровок: а - гумус, б - серый сутлинок, в - глина, г - провал, д - уголь, зола, е - дерево, ж - сосуд.
- Таблица 78. Сводная характеристика жилищ.
- Таблица 79. Городище Ак-Тау. Реконструкция: I - план оборонительных сооружений; II - реконструкция разреза оборонительной стены: 1 - процесс разрушения стены (реконструкция), 2 - современное состояние профиля стены; III - реконструкция городища: а - дерновая и глиняная кладка, б - бревна, в - погребенная почва, г - глина, д - серая супесь, основа вала, е - уголь, ж - провал.
- Таблица 80. Городище Ак-Тау. Вещи. 1 - костяная накладка, 2 - костяной кинжал, 3 - костяная проколка, 4, 5, 8, 9 - фрагменты костяных ложек, б - бронзовый наконечник стрелы, 7 - костяной наконечник, 10 - костяное изделие, 11 - 17 - глиняные пряслица, 18 - костяной кочедык, 19 - костяная мотыжка.
- Таблица 81. Городище Ак-Тау. Сосуды I и VI типа.
- Таблица 82. Городище Ак-Тау. Сосуды II типа.
- Таблица 83. Городище Ак-Тау. Сосуды III типа.
- Таблица 84. Городище Ак-Тау. Сосуды IV типа.
- Таблица 85. Городище Ак-Тау. Сосуды V типа.
- Таблица 86. Городище Ак-Тау. Керамика.
- Таблица 87. Сравнительная характеристика керамических комплексов поселений Северного Казахстана.
- Таблица 88. Урочище Бектениз, курган 5. I - план и разрез курагана; II - план могильной ямы: 1 - бронзовое зеркало, 2 - костяное пряслице, 3 - костяная пластинка, 4 - сосуд, 5 - каменный жертвенник.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абрамова М.Б., Стефанов В.И., 1981. Памятники ивберенского типа (о своеобразии перехода к железному веку в лесостепном Прииришье) // ВИАУ-15.
2. Адакеева Н.А., 1975. К вопросу о бронзовых стрелах стальных шлемов эпохи бронзы // Материалы по археологии Узбекистана. Тр. Самаркунд-та. Новая серия. Вып. 270.
3. Авишесова Н.А., 1991. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент: ФАН УзССР.
4. Агеева Е.И., Максимова А.Г., 1959. Отчет Павлодарской экспедиции 1955 г. // Тр. ИИАЭ АН Каз. ССР. Т.7. Алма-Ата: АН Каз. ССР.
5. Акишев А.К., 1984. Искусство и мифология саков. Алма-Ата: Наука.
6. Акишев К.А., 1959. Памятники старины Северного Казахстана // Тр. ИИАЭ АН Каз. ССР. Т.7. Алма-Ата: АН Каз. ССР.
7. Акишев К.А., 1972. К проблеме происхождения нomaдизма в аридной зоне древнего Казахстана // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата: Наука.
8. Акишев К.А., 1973. Сакки азиатские и скифы европейские (общее и особенное в культуре) // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата: Наука.
9. Акишев К.А., 1991. Древние кочевники в мировой цивилизации: генезис, проблемы, перспектива // Вестник АН Каз. ССР - 10.
10. Акишев К.А., Акишев А.К., 1978. Проблема хронологии раннего этапа сакской культуры // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата: Наука.
11. Акишев К.А., Кутуаев Г.А., 1963. Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата: Наука.
12. Александров В.А., Липинская Б.А., Сафиуллова А.В., 1981. Жилище и хозяйственные постройки русского крестьянства Сибири // Этнография русского крестьянства Сибири XVIII - середины XIX вв. М.: Наука.
13. Алексеева Е.М., 1978. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1-12.
14. Аракелин Б.Н., 1971. Клад серебряных изделий из Эребуна // СА-1.
15. Арсланова Ф.Х., 1973. Памятники андроновской культуры из Восточно-Казахстанской области // СА. N 4.
16. Арсланова Ф.Х., 1974. Погребальный комплекс УШ - УП вв. до н.э. из Восточного Казахстана // В глыбы Веков. Алма-Ата: Наука.
17. Арсланова Ф.Х., 1980. К датировке металлических изделий эпохи бронзы Казахстанского Прииришья // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата: Наука.
18. Архангельский А.И., 1976. Страны Западно-Сибирской равнины // Физическая география СССР. М.: Просвещение.
19. Археологическая карта Казахстана, 1960. Реестр. Алма-Ата: Наука.
20. Атлас целинного края, 1964. М.: Главное управление геодезии и картографии Гос. Геологического комитета.
21. Атлас Казахской ССР, 1982. Природные условия и ресурсы. Т.1.М.: Гл. упр. геодез. и картогр. Гос. геолог. ком.
22. Афанаева В.К., 1976. Искусство древнего Ближнего Востока // Малая история искусств. М.: Искусство.
23. Ахтиянов С.М., Макарова Л.А., Нурумов Т.Н., 1992. К истории скотоводства в охоты в Казахстане. Алма-Ата, Гылым.
24. Баландин С.И., 1974. Оборонная архитектура Сибири в XVIII в. // Города Сибири. Новосибирск: Наука.
25. Барцева Т.Б., 1986. Цветной металл из Среднего Прииришья (по материалам Северо-Казахстанской экспедиции) // Ранний железный век в средневековье Урало - Иртышского междуречья: Межвузовский сборник. Челябинск.
26. Бейсенов А.З., 1989. Новые памятники тасмоглинской культуры в Центральном Казахстане // Меркулановские чтения: сб.мат.конф. Алма-Ата.
27. Бейсенов А.З., 1991. К вопросу о погребальном обряде населения Центрального Казахстана в I тысячелетие до нашей эры // Взаимодействие кочевых и оседлых культур на Великом шелковом пути: Тез.докл.международ.семинара ЮНЕСКО. Алма-Ата: Гылым.
28. Белозор В.П., Сворный С.А., 1985. Архангельский скифский меч из Клева // СА-1.
29. Белох М.И., 1974. «Горская линия» (памятник военно-наженерного искусства XVIII в.) // Из истории Западной Сибири, Вып. 79, Омск.

32. Бобышев Н.Н., 1947. Генезис обыкновенных черноземов Приуралья части Западно-Сибирской низменности // Почвоведение-11.
33. Борзунов В.А., 1986. Сравнительный анализ зауральских и западно-сибирских культур крестовой керамики // Проблемы Урало-сибирской археологии. ВАУ-18.
34. Борзунов В.А., 1992. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков. Екатеринбург: Урал. ун-т.
35. Борзунов В.А., Новиченко Н.Н., 1988. Ранние укрепления финно-угров Урала // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. ВАУ-19.
36. Боталов С.Г., 1993. Большекараганский могильник II - III вв. н.э. // Кочевники Урало-Казахстанских степей. Екатеринбург: Урализдат. фирма Наука.
37. Брашнинский И.Б., Марченко К.К., 1980. Елизаветовское городище на Дону - поселение городского типа // СА-1.
38. Букреев Г.Ф. и др., 1986. Определение палеоклиматов по палинологическим данным (методами плевой интерпретационной классификации и регрессивного анализа). Новосибирск: Наука.
39. Быков Е.А., 1979. Очерки истории растительного мира Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата: Наука.
40. Вайнштейн С.И., Дьяконова В.П., 1966. Памятники в могильнике Кокель конца I тыс. до н.э. - первых веков н.э. // ТКАЭЭ. 1959-60. Т.П. М.-Д.: Наука.
41. Варфоломеев В.В., 1987. Относительная хронология керамических комплексов поселения Кеят // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда: Кар. ун-т.
42. Васильюхина М.А., 1969. Южные пределы распространения бореальной флоры на юге Западной Сибири и в Северном Казахстане // Ареалы растений флоры СССР. вып. 2. Л.: Изд-во ЛГУ.
43. Вишневская О.А., 1973. Культура сакских племен низовьев Сыр-Дарьи в УП - V вв. до н.э. (по материалам Уйгарака) // Тр. ХАЭЭ. Т. УШ. М.: Наука.
44. Вишневская О.А., Итина М.А., 1971. Равние сакв Приаралья // Проблемы скифской археологии // МИА-177.
45. Волкова В.С., Белова В.А., 1980. О роли широколистных пород в растительности голоцена Сибири // Палеопалинология Сибири. М.: Наука.
46. Волкова В.С., Левина Т.П., 1982. Растительность голоцена Западной Сибири по палинологическим данным // Развитие природы территории СССР в позднем плейстоцене и голоцене. М.: Наука.
47. Востров В.В., Захаров И.В., 1989. Казахское народное жилище. Алма-Ата: Наука.
48. Галазина Л.К., 1983. Раннескифские уздечные наборы (по материалам Келермесских курганов) // АСГЭ-24.
49. Ганниг В.Ф., Голдина Р.Д., 1969. Курганы у озера Фоминцево // ВАУ-8.
50. Ганниг В.Ф., Евдокимов В.В., 1969. Старо-Масляное поселение // ВАУ-8.
51. Гвоздецкий Н.А., Михайлов Н.И., 1978. Физическая география СССР. Азиатская часть. М.: Мысль.
52. Глицкий Е.А., 1987. О технике стрельбы из лука у народов Северо-Востока Сибири // СЭ-6.
53. Горбунова Н.Г., 1991. О подобно-катакомбных погребениях ранних кочевников Средней Азии (конец I тыс. до н.э. - первая половина I тыс. н.э.) // СА-3.
54. Горелик М.В., 1993. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие - IV в. до н.э.). М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература».
55. Граков Б.Н., 1930. Ближайшие задачи археологического изучения Казахстана. Кызыл-Орда.
56. Греч А.Д., 1980. Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука.
57. Гриббин Дж., Лэм Г.Г., 1980. Изменение климата за исторический период // Изменения климата // Л.: Гидрометеоиздат.
58. Грязнов М.П., 1930. Казахстанский очаг бронзовой культуры // Казаки. Вып. 15.
59. Грязнов М.П., 1956а. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников // КСИИМК - 61.
60. Грязнов М.П., 1956. История древних племен Верхней Обь // МИА - 48.
61. Грязнов М.П., 1980. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л.: Наука.
62. Грязнов М.П., Завитухина М.Н. и др., 1979. Комплекс археологических памятников у горы Тенсей на Еврисее. Новосибирск: Наука.
63. Дандамаяв М.А., Луконин В.Г., 1980. Культура и экономика древнего Ирана. М.: Наука.
64. Демкин В.А., Иванов И.В., 1985. Развитие почв Прикаспийской низменности в голоцене. Пушьяво: науч. центр биол.насл. АН СССР.

Степное Приишимье в эпоху раннего железа

65. Демкин В.А., Лукшинов А.В., 1993. Почвенно-ландшафтные условия северо-западного Прикаспия во II тыс. до н.э. - I тыс. н.э. // СА - 4.
64. Добжанский В.Н., 1990. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск: Новос. ун-т.
65. Древнее искусство, 1974. Памятники палеолита, неолита, бронзового и железных веков на территории Советского Союза. Альбом. Л.: Аврора.
66. Дьяконова В.П., 1970. Большие курганы - кладбища на могильнике Кокаль (по результатам раскопок за 1963, 1965 гг.). // Труды ТКАЭЭ 1962 - 1966. Т.Ш. Л.: Наука.
67. Ендокимов В.В., 1985. Исследования в Карагандинской области // АО - 1983.
68. Жаркова А.М., 1967. О возрасте торфяников Северного Казахстана // Ученые записки ОГПИ / Тр. естеств. - географ. фак-та. Вып. 24. Омск: Зап. Сибир. кв. изд-во.
69. Зайберт В.Ф., 1993. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. Петропавловск: Изд-во Наука Республики Казахстан.
70. Зайберт В.Ф., Потычина Т.М., 1981. К вопросу о мезолите лесостепной части Тоболо - Иртышского междуречья // СА-3.
71. Засецкая И.П., 1989. Проблемы сарматского звериного стиля (историко-географический обзор) // СА - 3.
72. Збрусья А.В., 1952. История населения Прикамья в алавинскую эпоху // МИА-30.
73. Зданович Г.Б., 1969. Покровский могильник на р. Ишим // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата: Наука.
74. Зданович Г.Б., 1970. Новое поселение эпохи бронзы в Северном Казахстане // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата: Наука.
75. Зданович Г.Б., 1973. Стратиграфия поселения Новоникольское I // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата: Наука.
76. Зданович Г.Б., 1988. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск: Урал. ун-т.
77. Зданович Г.Б., 1989. Феномен протоцивилизации бронзового века Урало-Казахстанских степей. Культурная и социально-экономическая обусловленность // Взаимодействие кочевых культур в древних цивилизациях. Алма-Ата: Наука.
78. Зданович Г.Б., Мадюгина Т.С., Зайберт В.Ф., 1978. Поселение Новоникольское I // АО - 1977.
79. Зданович Г.Б., Иванов И.В., Хабдулина М.К., 1984. Опыт использования в археологии палеопочвенных методов исследования (курганы Кара-Оба в Обалах в Северном Казахстане) // СА-4.
80. Зданович Г.Б., Хабдулина М.К., 1986. Курган Темир // Ранний железный век и средневековые Урало-Иртышского междуречья: Межвузовский сборник. Челябинск.
81. Зданович Г.Б., Шрейбер В.К., 1988. Переходные этапы в археологии: аспекты исследования (на материалах СКАЭ-УКАЭ) // Проблемы археологии Урало-казахстанских степей: межвуз. сб. Челябинск.
82. Зданович С.Я., 1970. Могильник эпохи бронзы Бурлук I // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата: Наука.
83. Зданович С.Я., 1979. Саргаринская культура - заключительный этап бронзового века в Северном Казахстане. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М.: МГУ.
84. Зданович С.Я., 1981. Новые материалы по истории скотоводства в Зауралье и Северном Казахстане в эпоху финальной бронзы // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. Уфа: Изд-во БФАН СССР.
85. Зданович С.Я., 1983. Происхождение саргаринской культуры (к постановке проблемы) // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья, Межвузовский сборник. Челябинск.
86. Зданович С.Я., 1983а. Поселения в жилища племен Южного Урала. Уфа: БФАН СССР.
87. Зданович С.Я., 1984. Керамика саргаринской культуры // Бронзовый век Урало - иртышского междуречья: Межвузовский сборник. Челябинск.
88. Зданович С.Я., Коробовы Г.Ф., 1988. Новые данные о хозяйственной деятельности населения эпохи бронзы (по данным трасологического изучения орудий труда с пос. Петровка II) // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. Челябинск.
89. Иванов В.А., 1984. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа. М.: Наука.
90. Иванов И.В., Демкин В.А., Губин С.В., 1978. Вопросы истории развития степных почв в голоцене. Пушино: Научный центр биологических исследований АН СССР.
91. Иванов И.В., Афонин М.М., Зданович Г.Б., 1980. Изменение полигональности черноземов Северного Казахстана в позднем голоцене // Прогноз изменения криогенных почв под влиянием хозяйственного освоения территории. Пушино: Научный центр биологических исследований АН СССР.

93. Иванов И.В., 1983. Изменение природных условий степной зоны СССР в голоцене // Известия АН СССР. Серия географическая. Вып. 2.
94. Ильинская В.А., 1976. Современное состояние проблемы скифского звериного стиля // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.: Наука.
95. Исаков А.И., Потемкина Т.М., 1989. Могильник племени эпохи бронзы в Таджикистане // СА-1.
96. Из отписки Тобольского воеводы в посольский приказ о сношениях с казаками, калмыками и о выборе места для города на реке Илим. Октябрь 1616 г. // Материалы по истории русско-монгольских отношений 1606-1687 гг. М.: 1959.
97. Исмагилов Р.Б., 1978. Книжалы позднеассирийского времени из Башкирии // СА-4.
98. Исмаилов Р.Б., 1980а. Приуральские ажилаки с наваррившем в виде ушастого трифона и лишнего животного // СА. N 1.
99. Итнина М.А., 1977. История степных племен Южного Приаралья. М.: Наука.
100. Итнина М.А., 1984. Охранные археологические работы в Хорезме: Итоги в перспективе // СЭ. N 1.
101. Кадырбаев М.К., 1958. О некоторых памятниках ранних кочевников Центрального Казахстана // Изв.АН Каз. ССР., серия ИАЭ. Вып. 1 (6), Алма-Ата.
102. Кадырбаев М.К., 1966. Памятники тасмоглинской культуры // Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука.
103. Кадырбаев М.К., 1968. Некоторые итоги и перспективы изучения археологии раннего железного века Казахстана // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата: Наука.
104. Кадырбаев М.К., 1977. Центральный Казахстан в VII - I вв. до н.э. // История Казахской ССР. т.1, Алма-Ата: Наука.
105. Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К., 1977. Материалы раскопок могильника Бесоба // Археологические исследования в Отраре. Алма-Ата: Наука.
106. Казахстан, 1969. Природные условия и естественные ресурсы СССР. М.: Наука.
107. Качалова Н.К., 1989. О заключительном периоде бронзового века на территории Нижнего Поволжья (к постановке проблемы) // СА-1.
108. Ковалева И.Ф., Мухомед С.Е., 1982. Скифское погребение конца VI - V вв. до н.э. у с. Александровка // Древности степной Скифии. Киев: Наук. Думка.
109. Ковалева В.Т., Штадлер М.Ю., 1989. Палеэкономическая реконструкция поселения раннебронзового времени // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск: Урал.Отд. АН СССР.
110. Коппаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.П., 1989. Памятники скифской эпохи Днепровского лесостепного Правобережья. Киев: Наук. Думка.
111. Кожомбердыев И., Худяков Ю.С., 1987. Комплекс вооружения кевкельского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск: Наука.
112. Корочкова О.Н., Стефанов В.И., 1983. Поселение федоровской культуры // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья: межвуз. сб., Челябинск.
113. Коракова Л.Н., 1988. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. Саргатская культура. Свердловск: Урал. ун-т.
114. Корякова Л.Н., 1991. Культурно-исторические общности Урала и Западной Сибири (Тоболо- Иртышская провинция в начале железного века). Препринт. Екатеринбург.
115. Корякова Л.Н., Сергеев А.С., 1989. Некоторые вопросы хозяйственной деятельности племен саргатской культуры (опыт палеэкономического анализа селения Дуванское II) // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск: Урал.Отд. АН СССР.
116. Косарев М.Ф., 1981. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука.
117. Косинцев П.А., 1989. Охота и скотоводство у населения лесостепного Зауралья в эпоху бронзы // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск: Урал.Отд. АН СССР.
118. Косинцев П.А., Стефанов В.И., 1989. Особенности хозяйства населения лесного Зауралья к Приинимской лесостепи в переходное время от бронзового века к железному // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск: Урал.Отд. АН СССР.
119. Крадин Н.П., 1986. Оборонительные стены как элемент композиции деревянных крепостей Сибири // Проблемы охраны и освоения культурно-исторических ландшафтов Сибири. Новосибирск: Наука.
120. Крапачников И.М., 1927. Киргизские степи как объект ботанико-географического анализа и свитеза // ИЗВ. глав.

Стенное Приишимье в эпоху раннего железа

ботан. сада. Т. 22. Вып. 1.

121. Крылатова-Гракова О.А., 1948. Алексеевское поселение и могильник // Археологический сборник. Тр. ГИМ. Вып. 17.
122. Кубарев В.Д., 1981. Книжалы из Горного Алтая // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука.
123. Кубарев В.Д., Черемисинов Д.В., 1984. Образ птицы в искусстве равнин кочевников Алтая // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука.
124. Куз А.В., 1985. Древнерусские поселения // Древняя Русь. Город, замок, село. М.: Наука.
125. Кузнецова Т.М., 1987. Зеркала из скифских могильников VI - III вв. до н.э. (классификация и хронологическое распределение) // СА-1.
126. Кузнецова Т.М., 1989. Пути распространения «зеркал» скифского типа // Маргулановские чтения: сб. мат. конф. Алма-Ата.
127. Кузнецова Э.Ф., 1983. Спектральный анализ медных и бронзовых находок из раскопок в Северо-Казахстанской области. // Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири: Тезисы докладов и сообщений. Барнаул.
128. Кузнецова Э.Ф., 1992. Спектральный анализ бронз Северного Казахстана // Маргулановские чтения (тезисы). Петропавловск.
129. Кузьмина Е.Е., 1966. Металлические изделия энолита и бронзового века в Средней Азии // САИ. Вып. 4-9.
130. Кузьмина Е.Е., 1975. Ред.: О.А.Виноградская. Культура сакских племен низовьев Сыр-Дарьи в V в. до н.э. М.; 1973 / СА-2.
131. Кузьминских С.В., 1983. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.: Наука.
132. Кулемзин А.М., 1976. Татарские бронзовые наконечники стрел // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. Кемерово.
133. Кулемзин А.М., Горский М.Р., 1977. Развитие татарских бронзовых княжалов и изменение механических свойств их перекрестий // Археология Южной Сибири. Кемерово: Кемер. ун-т.
134. Кулемзин А.М., 1976. Татарские костяные наконечники стрел // Известия ЛАИ. Вып. 7. Кемерово: Кемер. ун-т.
135. Кундукаев В.Х., 1984. К характеристике основных насаждений Кустанайской области // Экология лесных сообществ Северного Казахстана. Л.: Наука.
136. Кызласов Л.Р., 1977. Уюкский курган Аржан и вопрос о происхождении сакской культуры // СА-2.
137. Лемтовский М.Н., 1929. Памятники древней культуры в южной половине Петропавловского округа Казахской ССР (Инвентаризационный труд). Кокчетав.
138. Литвинская В.А., Сафьянова А.В., 1974. Живяще русского населения южной части Тюменской области (середина XIX - начало XX вв.) // Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири. М.: Наука.
139. Лисе О.Л., Березина И.А., 1982. Развитие болотообразовательного процесса в центральной части Западной Сибири // Развитие природы СССР в позднем плейстоцене и голоцене. М.: Наука.
140. Литвинский Б.А., 1965. Среднеазватские железные наконечники стрел // СА-2.
141. Литвинский Б.А., 1972. Древние кочевники «Крыши мира». М.: Наука.
142. Литвинский Б.А., Седов А.В., 1984. Культы и ритуалы Кушанской Бактрии. М.: Наука.
143. Ломан В.Г., 1987. Донгальский тип керамики // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального Казахстана. Караганда: Карагану-т.
144. Лоховиц В.А., 1979. Подбойно-гатакомбные и коллективные погребения могильника Тумек-Кичиджых // Кочевники на границах Херезма. М.: Наука.
145. Максимова А.Г. и др., 1968. Древности Чардары. Алма-Ата: Наука.
146. Малыгин А.Н., Сметана Н.Г., 1989. Островные боты Северного Казахстана. Алма-Ата: Наука.
147. Мамедов Э., 1980. Изменения климата среднеазиатских пустынь в голоцене // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М.: Наука.
148. Мандельштам А.М., 1966. Кочевники из пути в Индию // МИА-136.
149. Мандельштам А.М., 1975. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. // Тр. ТалжАЭ. Т. VIII.
150. Мандельштам А.М., 1978. К восточным аспектам истории ранних кочевников Средней Азии и Казахстана // КСИА-154.
151. Маргуляз А.Х., 1979. Бегазы-даньбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука.

152. Масяев Н.Э., 1984. Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII - XIX веков. Алма-Ата: Наука.
153. Матвеева Г.И., 1964. Погребение воина савроматского времени близ г. Троицка // АЭБ. Т. 2. Уфа: БФАН СССР.
154. Матвеева Н.П., 1987. Ранний железный век Среднего Приобья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск.
155. Матвеева Н.П., 1989. Начальный этап раннего железного века в Тоболо-Ишимской лесостепи // Западно-Сибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень: Тюм. ун-т.
156. Матвеева Н.П., 1993. Саргатовская культура на Среднем Тоболе. Новосибирск: Наука.
157. Матвеев А.В., Матвеева Н.П., 1987. Ювелирные изделия Тютрянского могильника (К проблеме Сибирской коллекции Петра I) // Антропоморфные изображения. Первоапробное искусство. Новосибирск: Наука.
158. Матюшин Г.Н., 1981. О характере экономики неолита Южного Урала (предварительные результаты) // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. Уфа: Изд-во БФ АН СССР.
159. Матюшенко В.И., 1973. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Ч.3. Андроновская культура на Верхней Оби // Из истории Сибири. Вып. 11. Томск.
160. Медведская И.Н., 1972. Некоторые вопросы хронологии бронзовых наконечников стрел Средней Азии и Казахстана // СА-5.
161. Медведская И.Н., 1980. Металлические наконечники стрел Переднего Востока и евразийских степей II - первой половины I тыс. до н.э. // СА-4.
162. Миллер Г.Ф., 1941. История Сибири: Т.2. М.-Л.: Изд-во АН СССР.
163. Могильников В.А., 1974. Работы в Омском Прииртышье // Из истории Сибири. вып.15. Томск.
164. Могильников В.А., 1980. О культурах западно-сибирской лесостепи раннего железного века (итоги и проблемы изучения) // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово: Кемер. ун-т.
165. Могильников В.А., 1982. Некоторые особенности социально-экономического развития и демографические процессы в Западной Сибири в железном веке // Некоторые проблемы сибирской археологии. М.: ИА АН СССР.
166. Могильников В.А., 1981. Некоторые особенности генезиса культур лесостепи Западной Сибири в раннем железном веке // ВАН-15.
167. Могильников В.А., 1989. Некоторые проблемы генезиса и этнической принадлежности культур раннего железного века лесостепи Западной Сибири // Запалносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень: Тюм. ун-т.
168. Мордкович В.Г., 1982. Степные экосистемы. Новосибирск: Наука.
169. Морозов В.М., Сосновкин И.Н., 1976. Городища Среднего Тром-Агата // Вопросы Археологии Приобья. Тюмень: Тюм. ун.
170. Морозов Ю.А., Мукатаганов А.Х., 1983. Опыт изучения свойств погребенной почвы Старо-Ябалаклинского могильника (Банкирская АССР) для палеопочвенных реконструкций: Тезисы докладов и сообщений к научной конференции // Использование методов естественных и точных наук при изучении истории Западной Сибири. Барнаул.
171. Моруженко А.А., 1985. Городища лесостепных племен Днепро-Донского междуречья УП - III вв. до н.э. // С-1.
172. Мошкова М.Г., 1963. Памятники прохоровской культуры // САН. Вып. Д. 1-10.
173. Мошкова М.Г., 1966. Работы Казахского отряда Южноуральской экспедиции в 1964 году // КСИА-107.
174. Мошкова М.Г., 1969. Погребения VI - IV вв. до н.э. в Челябинской группе курганов // Древности Восточной Европы. МИА-169.
175. Мошкова М.Г., 1982. Позднесарматские погребения Лебедевского могильника в Западном Казахстане // КСИА-170.
176. Мошкова М.Г., 1989. Пути и особенности развития савромато-сарматской культурно-исторической общности: Науч. доклад совес. уч. степени докт. ист. наук. М.: ИА АН СССР.
177. Муслев И.Ф., 1979. Карты ареалов эдификаторных растений Турана // Ареалы растений флоры СССР. Л.: Изд-во, Вып. 2. Л: ЛГУ.
178. Муралин В.Ю., 1982. Погребальный обряд степных скифов в УП - V вало н.э. // Древности степной Скифии. Киев: Наук. Думка.
179. Муралин В.Ю., 1996. Происхождение скифов: Основные этапы формирования скифского этноса. Киев: Наукова Думка.
180. Нейштадт М.И., 1957. История лесов и палеогеография СССР в голоцене. М.: Изд-во АН СССР.
181. Нейштадт М.И., 1977. Возникновение и скорость развития процесса заболочивания // Научные предпосылки освоения болот Западной Сибири. М.: Наука.
182. Нервизин Е.Е., 1976. Сельское жилище в Хорезме (I - XTV вв.) // Тр. ХАЭЭ. Т. IX. М.: Наука.

Стенное Приишимье в эпоху раннего железа

183. Николаев В.А., 1976. О возрасте ландшафтов // Вестник МГУ. Серия географическая, N 1.
184. Николаев В.А., 1977. Антропогенный этап в истории степей Западной Сибири и Казахстана // Вестник МГУ. Серия географическая. N 3.
185. Николаев В.А., 1979. Проблемы регионального ландшафтоведения. М.: Изд-во МГУ.
186. Николаев В.А., 1990. Систематика ландшафтов и физико-географическое районирование Северного Казахстана // Землеведение. Новая серия ТХУП (ЛУП). М.
187. Обельченко О.В., 1978. Мечи и клинжалы из курганов Сога // СА-4.
188. Оризбаев А.М., 1958. Северный Казахстан в эпоху бронзы // Тр. ИИАЭ АН Каз. ССР. Т. 5.
189. Орлова Л.А., 1990. Голодец Барабы // Тр. Ин. геологии и геофизики. Вып. 762. Новосибирск.
190. Петренко В.Г., 1983. Скифская культура на Северном Кавказе // АСГЭ-23.
191. Плетнева С.А., 1989. Из Саяно-Хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.: Наука.
192. Полосымак Н.В., 1987. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск, Наука.
193. Палубяркинова М.Д., 1986. Костяные детали снаряжения средневекового всадника и лучника из Болгара // СА-2.
194. Потемкина Т.М., 1983. Алакульская культура // СА-2.
195. Природное районирование Северного Казахстана, 1960. М.-Л.: Изд-во АН СССР.
196. Раевский Д.С., 1985. Модель мира скифской культуры. М.: Наука.
197. Раунер Ю.Л., 1981. Динамика экстремумов увлажнения за исторический период // Изв. АН СССР. Серия географическая. N 6.
198. Ростовцев И.И., 1918. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма // МАР-37.
199. Руденко С.И., 1960. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.-Л.: Изд-во АН СССР.
200. Сариянди В.И., 1983. Афганистан: сокровища безмянных царей. М.: Наука.
201. Сидоров Е.А., 1989. Скотоводство лесостепного Приобья в I тыс. до н.э. // СА-3.
202. Свищев И.В., 1959. Археологические исследования Заволжского отряда (1951-53 гг.) // МИА-Т.1.
203. Скрипкин А.С., 1984. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов: Сарат. ун-т.
204. Скрипкин А.С., 1990. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: Сарат. ун-т.
205. Смирнов К.Ф., 1964. Савроматы. Ранняя история и культура сармат. М.: Наука.
206. Смирнов К.Ф., 1961. Вооружение савроматов // МИА-101.
207. Смирнов К.Ф., 1976. Савромато-сарматский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.: Наука.
208. Смирнов К.Ф., 1984. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.: Наука.
209. Смирнов Н.Г., 1975. Ландшафтная интерпретация новых данных по фауне андроновских памятников Зауралья // ВАУ-13.
210. Смирнов Н.Г., 1976. Некоторые особенности голоценового этапа развития териофауны Урала // История биогеоценозов СССР в голоцене. М.: Наука.
211. Смирнов Н.Г., Косицнев Н.А., Бородин А.В., 1981. Влияние хозяйственной деятельности древнего населения на экосистемы Западной Сибири и Зауралья // Антропогенные факторы в истории развития современных экосистем. М.: Наука.
212. Соловьев А.И., Мартынов Н.И., Терсбило Г.И., 1987. Меч скифского времени из Барабы // Скифо-сибирский мур. Новосибирск: Наука.
213. Сорокин С.С., 1956. О датировке и толковании Кеикульского могильника // КСИИМК-64.
214. Сорокин С.С., 1974. Цепочка курганов времени ранних кочевников на правом берегу Кок - Су (Южный Алтай) // АСГЭ-16.
215. Степи Евразии., 1991. Л.: Наука.
216. Стефанов В.И., Кротова О.Н., 1984. Поселения заключительного этапа бронзового века на р. Тобол // ВАУ-17.
217. Стоянов В.Е., 1970. Классификация и периодизация западно-сибирских лесостепных памятников раннего железного века // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: Томск. ун-т.
218. Стоянов В.Е., 1975. Нословское II поселение (о зауральских памятниках начала железного века) // ВАУ-13.
219. Стоянов В.Е., 1977. Некоторые черты социально-экономической организации древнего населения зауральско-западносибирской лесостепи (ранний железный век) // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. (ВАУ-14).
220. Ташров А.Д., 1991. Ранние кочевники Южного Зауралья в УП-II вв. до н.э. Автор. дис. ...канд. ист. наук. М.: ИА АН СССР.

221. Тереножкин А.И., 1976. Климмерийцы. Киев: Наук.Думка.
222. Ткачев А.А., 1987. Периодизация и хронология алакульских памятников Центрального Казахстана // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда: Карагун-т.
223. Ткачев С.П., Итина М.А., 1966. Саги низовья Сыр-Дария (по материалам Тарбагана) // СА-2.
224. Хабдулина М.К., 1976. Курган раннего железного века у с. Кенес // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата: Наука.
225. Хабдулина М.К., 1986. Погребальный обряд населения раннего железного века Северного Казахстана (УП - II вв. до н.э.) // Ранний железный век в средневековье Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.
226. Хабдулина М.К., 1993. Хронология наконечников стрел раннего железного века Северного Казахстана // Кочевники урало-Казахстанских степей: Сб. научных трудов. Екатеринбург: Урал-изд. фирма Наука.
227. Хабдулина М.К., Зданович Г.Б., 1984. Ландшафтно-климатические колебания голоцена и вопросы культурно-исторической ситуации в Северном Казахстане // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья: Межвузовский сборник. Челябинск.
228. Хабдулина М.К., Маловина Т.С., 1982. Погребальный комплекс У - IV вв. до н.э. из Челябинской области // КСИА-170.
229. Хабдулина М.К., Рубе А.А., 1984. Князья раннесакского времени из Петропавловского Прииртышья // Древность Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука.
230. Хазанов А.М., 1963. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА-4.
231. Хазанов А.М., 1971. Очерки военного дела сарматов. М.: Наука.
232. Хлюпин А.Н., 1964. Геоксюрская группа поздней эпохи энеолита. М.-Л.: Наука.
233. Хопинский Н.А., 1977. Голоцен Северной Азии. М.: Наука.
234. Хопинский Н.А., 1980. Три типа изменения климата Северной Евразии в голоцене // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М.: Наука.
235. Хопинский Н.А., 1982. Голоценовые хроносрезы: дискуссионные проблемы палеогеографии голоцена // Развитие природы территории СССР в позднем плейстоцене и голоцене. М.: Наука.
236. Хожаниязов Г., 1981. История развития фортификации античного Хорезма // СА-2.
237. Худяков Ю.С., 1986. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука.
238. Шаглер Е.А. и др., 1967. Кайволей центральной части Казахстанского плато. М.: Изд-во МГУ.
239. Шарфутдинов Э.С., 1980. Памятники предскифского времени на Нижнем Дону (Кобяковская культура) // САИ. Вып. 1-11.
240. Шнитников А.В., 1957. Изменчивость общей увлажненности материков Северного полушария // Записки географического общества СССР. Новая серия. т.16. М.-Л.: Изд-во АН СССР.
241. Шнитников А.В. (ред.) 1975. Озера Казахстана и Киргизии и их история. Л.: Наука.
242. Чежина Е.Ф., 1983. Художественные особенности звериного стиля Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху // АСГЭ-23.
243. Черников С.С., 1954. Поселение эпохи бронзы в Северном Казахстане // КСНИМК-53.
244. Черников С.С., 1960. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА-88.
245. Черненко Е.В., 1980. Древнейшие скифские парадные мечи (Мельгузов и Келермес) // Скифия в Кавказ. Киев: Наукова Думка.
246. Черных Е.Н., 1983. Проблема общности культур вапиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья: межвуз.сб. Челябинск.
247. Черняк В.З., 1987. Строительные уроки русских матер. М.: Стройиздат.
248. Членова Н.Л., 1967. Происхождение и ранняя история племей тагарской культуры. М.: Наука.
249. Членова Н.Л., 1972. Хронология памятников карасукской эпохи. М.: Наука.
250. Членова Н.Л., 1976. Карасукские князья. М.: Наука.
251. Членова Н.Л., 1981. Связи культур Западной Сибири с культурами Приуралья и Среднего Поволжья в конце эпохи бронзы и в начале железного века // Проблемы Западно-Сибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск: Наука.
252. Членова Н.Л., 1982. Четыре князья из Казахстана // КСИА-170.
253. Членова Н.Л., 1987. Северокавказские оленья камни и Новомордовские стелы // Антропоморфные изображения. Новосибирск: Наука.
254. Цыган В.И., 1966. Животноводство и охота племен восточно-европейской лесостепи в раннем железном веке // МИА-135.
255. Яблонский Л.Т., 1991. Проблема формирования культуры саков Южного Приуралья // СА-1.

Список сокращений

АК	Археологическая культура
АКК	Археологическая карта Казахстана
АО	Археологические открытия
АСГЭ	Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АЭБ	Археология и этнография Башкирии
БФАН	Башкирский филиал академии наук
БАУ	Вопросы археологии Урала
ГИМ	Государственный исторический музей
ИААН СССР	Институт археологии Академии наук СССР
ИИАЭ	Институт истории, археологии и этнографии
ИЭ	Институт этнографии
КСИА	Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии
КСИИМК	Краткие сообщения института истории материальной культуры
КСИЭ	Краткие сообщения института этнографии
МАР	Материалы по археологии России
МИА	Материалы и исследования по археологии
НАН РК	Национальная академия наук Республики Казахстан
ОГПИ	Омский государственный педагогический институт
РАН	Российская Академия наук
СА	Советская археология
САИ	Свод археологических источников
СКАЭ	Северо-Казахстанская археологическая экспедиция
СЭ	Советская этнография
ТКАЭЭ	Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция
УКАЭ	Урало-казахстанская археологическая экспедиция
ХАЭЭ	Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция
ХКТ	Хозяйственно-культурный тип

Содержание

Введение	3
Глава 1 Палеогеографическая характеристика Северного Казахстана и соотношение ее с культурно-исторической ситуацией второй половины голоцена	8
1.1. Палеоклиматология и динамика ландшафтно-климатических перестроек лесостепной и степной полосы Северного Казахстана и Западной Сибири по данным естественных и исторических наук	9
1.2. Палеогеография и культурно-историческая ситуация в Северном Казахстане во второй половине голоцена.	15
Глава 2 Погребальные сооружения и обряд захоронения	17
2.1. (IX) VIII-V вв. до н.э.	19
2.2. IV-II вв. до н.э.	24
2.3. II в. до н.э. - IV в. н.э.	26
Глава 3 Поселения и жилища: планировка и конструкция	29
3.1. Поселения (IX) VIII-V вв. до н.э.	29
3.2. Поселения IV-II вв. до н.э. Городище Ак-Тау: жилые и фортификационные сооружения	51
3.3. Реконструкция архитектурно-пространственной планировки городища Ак-Тау	35
Глава 4 Погребальный и поселенческий инвентарь: классификация и хронология	46
4.1. Наконечники стрел.	46
4.2. Кинжалы и ножи.	51
4.3. Зеркала, каменные жертвенники.	59
4.4. Керамика.	60

Глава 5 Северный Казахстан в системе великой степи номадов:	
этнические и культурные связи	66
5.1. Хронология памятников Северного Казахстана.	66
5.2. Этнокультурная и палеогеографическая ситуации эпохи перехода от бронзового к раннему железному веку.	74
5.3. Сакская эпоха. Этнокультурная ситуация.	77
5.4. Гунно-сарматская эпоха. Направление культурных связей..	85
Иллюстрации	87
Список иллюстраций	152
Библиография	159
Список сокращений	168
Содержание	169

Научное издание

Марал Калымжановна Хабдулина
СТЕПНОЕ ПРИИШИМЬЕ В ЭПОХУ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

*Утверждено к печати Ученым Советом Института археологии им.А.Х.Маргулана
 Национальной Академии наук Республики Казахстан*

Рецензент доктор исторических наук В.Ф.Зайберт

Редактор *Поляков А.П.*
 Оформление *Загребельной Л.Н.*
 Технический редактор *Юдина О.Н.*

ИБ № 4196

Сдано в набор 11.01.94. Подписано в печать 21.07.94. Формат 70x90^{1/16}
 Бумага тип.№ 1, Гарнитура Times, П.л. 16. Тираж 300

